DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.7

ISSN 2072-909X

Российское правосудие

2026. № 7

Научно-практический журнал

Основан в 2006 году
Издается ежемесячно

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируется в РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index и «Белый список». Размещен на Национальной платформе научных журналов

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-89449 от 21 апреля 2025 г.
Агентство «Книга-сервис», «Интернет-каталог», индекс 36605
Главный редактор: **Л. Б. Архипова**, кандидат юридических наук
Ответственный секретарь: **Т. Ф. Кудрявцева**
Верстка: **Г. С. Гордиенко**
Корректор: **К. В. Чегулова**
© Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, 2026
Адрес редакции: 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
Тел.: (495) 332-51-19.
E-mail: rajmagazine@yandex.ru
При перепечатке и цитировании материалов ссылка на журнал «Российское правосудие» обязательна.
Отпечатано в: ОАО «Паблит». Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Подписано в печать 25.06.2026
Выход в свет: 14.07.2026
Формат 70×100/16.
Объем 9,1 усл. печ. л. Тираж 220 экз.
Свободная цена.

Редакционный совет:

Тисен О. Н., ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук

Капустин А. Я., президент Российской Ассоциации международного права, заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Клеандров М. И., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Нешатаева Т. Н., заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Рябзин Р. А., судья Верховного Суда Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса, кандидат юридических наук

Спиридонов А. А., директор Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, доктор юридических наук

Тимошин Н. В., Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, судья высшего квалификационного класса

Хабриева Т. Я., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии наук, вице-президент Российской академии наук, действительный член Международной ассоциации сравнительного права, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Editors:

O. N. Tisen, Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law)

A. Ya. Kapustin, President of the Russian Association of International Law, Head of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

M. I. Kleandrov, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law), Professor

T. N. Neshataeva, Head of the Department of International Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

R. A. Ryabzin, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Active State Counselor of Justice of the Russian Federation, 1st class, Cand. Sci. (Law)

A. A. Spiridonov, Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 1st class, Dr. Sci. (Law)

N. V. Timoshin, Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation – Chairman of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Top Qualification Class Judge

T. Ya. Habrieva, Director of Institute of Legislation and Comparative Law under Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice President of Russian Academy of Science, Honored Lawyer of the Russian FederationFederation

Редакционная коллегия:

Бирюков П. Н., заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Болтанова Е. С., заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Бриллиантов А. В., заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Бурдина Е. В., заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент, член Совета судей Российской Федерации

Габов А. В., и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук

Дедов Д. И., профессор кафедры конституционного и муниципального права МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

Ершова Е. А., заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Женетль С. З., профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Загорский Г. И., профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук

Качалова О. В., заведующий кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Кононов П. И., профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Корнев В. Н., заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Краснова И. О., заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Никитин С. В., заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Стахов А. И., заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Сырых В. М., главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Содержание

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Рогачева О. С. **Учение об административном иске в административном процессуальном праве Российской Федерации 5**

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Линников А. С. **Гражданско-правовой контроль, возникающий на основании судебного решения 15**

Войтович Л. В. **Процессуальная правоспособность и процессуальная дееспособность: проблемы понимания в доктрине и цивилистическом процессуальном законодательстве 24**

ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Агашев Д. В. **Соглашение сторон о расторжении трудового договора в свете концепции сделок в трудовом праве (по материалам судебной практики) 38**

Ершова Е. А.*, *Воронов И. Ю. **Сущность и природа принципов права, регулирующих национальные трудовые правоотношения 48**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Костенюк Е. А. **Трансформация процессуально-правовых средств обеспечения гласности в условиях цифровизации уголовного судопроизводства: теоретико-прикладная классификация 61**

Сафонов В. Н. **Неизгладимое обезображивание лица как признак состава преступления: закон, теория, судебная практика 70**

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Кунев Д. А. **Возврат из-за рубежа виртуальных активов преступного происхождения как новое направление международного сотрудничества 83**

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА

Муратбеков Д. Б., Бегалиев Е. Н. **Мировые стандарты формирования кадрового резерва судей: опыт и вызовы для судебной системы Казахстана 90**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Талимончик В. П. **Особенности применения международных договоров об охране смежных прав судами России 101**

Content

ADMINISTRATIVE LAW. ADMINISTRATIVE PROCEDURE

O. S. Rogacheva. **Doctrine of administrative claim in administrative procedural law of the Russian Federation 5**

CIVIL LAW. CIVIL PROCEDURE

A. S. Linnikov. **Civil law control arising on the basis of a court decision 15**

L. V. Voitovich. **Procedural legal capacity and procedural legal competence: problems of understanding in the doctrine and civil procedure law 24**

LABOR LAW. SOCIAL SECURITY LAW

D. V. Agashev. **The parties' agreement on the termination of an employment contract in the light of the concept of transactions in labor law (based on the materials of case practice) 38**

E. A. Ershova, I. Yu. Voronov**. The essence and nature of the principles of law regulating national labor relations 48**

CRIMINAL LAW. CRIMINAL PROCEDURE

E. A. Kostenyuk. **Transformation of procedural and legal means of ensuring transparency in the context of digitalization of criminal proceedings: theoretical and applied classification 61**

V. N. Safonov. **Indelible facial disfigurement as a sign of a crime: law, theory, judicial practice 70**

INTERNATIONAL CO-OPERATION FOR CRIME PREVENTION

D. A. Kunev. **The repatriation of virtual assets of criminal origin from abroad as a new area of international cooperation 83**

LAW AND THE STATE: INTERNATIONAL PRACTICE

D. B. Muratbekov, Ye. N. Begaliyev. **Global standards for the formation of a judicial talent pool: experience and challenges for the judicial system of Kazakhstan 90**

INTERNATIONAL LAW

V. P. Talimonchik. **The specifics of the application of international treaties on the protection of related rights by Russian courts 101**

Российское правосудие. 2026. № 7. С. 5–14
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 7. P. 5–14
УДК 342.924 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.7.5-14

Научная статья

Учение об административном иске в административном процессуальном праве Российской Федерации

Ольга Сергеевна Рогачева
Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация, olga_rogacheva@mail.ru

Аннотация. Анализируется понятие административного иска как ключевой категории современного административного процессуального права Российской Федерации. Целью статьи является комплексное исследование учения об административном иске через призму его исторического генезиса, современного доктринального понимания и законодательного закрепления. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: проследить эволюцию понятия иска и его адаптацию к сфере публичного права; проанализировать основные научные подходы к определению административного иска; выявить его существенные признаки и виды; рассмотреть проблему применения исковой формы к бесспорным (квазиспорным) производствам в рамках Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации; обозначить перспективы развития учения об административном иске и связанные с этим законодательные инициативы. На основе анализа доктринальных подходов, исторической эволюции понятия административного иска и норм действующего законодательства раскрываются его материально-правовая сущность и процессуальная природа.
Рассмотрены дискуссионные вопросы о правомерности признания административного иска универсальным средством защиты в публично-правовой сфере, проанализированы его признаки, виды и место в системе процессуальных форм. Особое внимание уделено проблемам классификации административных исков, пределов судебного контроля, а также необходимости совершенствования материального публичного права в части закрепления способов защиты. Обоснован вывод о том, что административный иск, будучи центральным элементом исковой формы административного судопроизводства, не является безусловной аксиомой для всех категорий административных дел, что обусловливает потребность в дальнейшем развитии учения об административном иске и дифференциации процессуальной формы административного судопроизводства.

Ключевые слова: административный иск, административное процессуальное право Российской Федерации, административное судопроизводство, исковая форма защиты, публично-правовой спор, судебный контроль, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, субъективное публичное право, процессуальная форма административного судопроизводства

Для цитирования: Рогачева О. С. Учение об административном иске в административном процессуальном праве Российской Федерации // Российское правосудие. 2026. № 7. С. 5–14. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.5-14.

© Рогачева О. С., 2026

Original article

Doctrine of Administrative Claim in Administrative Procedural Law of the Russian Federation

Olga S. Rogacheva

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, olga_rogacheva@mail.ru

Abstract. The article analyzes the concept of an administrative claim as a key category of modern administrative procedural law of the Russian Federation. The purpose of the article is a comprehensive study of the doctrine of an administrative claim through the prism of its historical genesis, modern doctrinal understanding and legislative consolidation. To achieve this goal, the following tasks are set: to trace the evolution of the concept of a claim and its adaptation to the sphere of public law; to analyze the main scientific approaches to the definition of an administrative claim; to identify its essential features and types; to consider the problem of applying the claim form to indisputable (quasi-disputable) proceedings within the framework of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation; to identify the prospects for the development of the doctrine of an administrative claim and related legislative initiatives. Based on the analysis of doctrinal approaches, the historical evolution of the concept and the norms of current legislation, its substantive and procedural nature is revealed.

The author examines controversial issues about the legality of recognizing an administrative claim as a universal remedy in the public law sphere, analyzes its features, types and place in the system of procedural forms. Special attention is paid to the problems of classification of administrative claims, the limits of judicial control, as well as the need to improve substantive public law in terms of securing methods of protection. It is concluded that an administrative claim, being the central element of the claim form of administrative proceedings, is not an absolute axiom for all categories of administrative cases, which necessitates the further development of the doctrine of an administrative claim and the differentiation of the procedural form of administrative proceedings.

Keywords: administrative claim, administrative procedural law of the Russian Federation, administrative proceedings, claim form of defense, public law dispute, judicial control, Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation, subjective public law, procedural form of administrative proceedings

For citation: Rogacheva O. S. Doctrine of administrative claim in administrative procedural law of the Russian Federation. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(7):5-14. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.5-14.

Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации ознаменовало институциональное оформление административного иска как ключевого элемента процессуальной формы административного судопроизводства. Данная процессуальная конструкция, синтезировавшая существовавшие в доктрине гражданского и арбитражного процессов подходы, являющаяся универсальным средством исковой защиты [1, с. 5; 2, с. 7], выступает в качестве комплексного инструмента (средства) инициирования административного судопроизводства и последующей защиты прав, законных интересов, их восстановления в сфере административных и иных публичных правоотношений. Посредством административного иска обеспечивается возможность оспаривания действий (бездействия), решений органов публичной власти, их должностных лиц, а также иных субъектов, наделенных государственно-властными полномочиями.

Анализ проблем административного иска и исковой формы защиты в сфере публичных правоотношений обладает существенной научно-практической значимостью. Теоретическое осмысление данного института напрямую определяет эффективность его практического применения. Корректное использование административного иска в качестве процессуального инструмента является фактором, детерминирующим достижение целей и задач административного судопроизводства: оно укрепляет режим законности в публично-правовой сфере и служит гарантией защиты как частных, так и публичных (национальных) интересов.

Дискуссия о природе административного иска не нова. Еще в советский период ученые спорили о возможности и необходимости существования такой категории в праве, отличной от гражданского иска. Сегодня, несмотря на наличие процессуально оформленной самостоятельной отрасли рассмотрения административных дел, дискуссия трансформировалась: речь идет не о самом факте существования административного иска, а о его содержательном наполнении, универсальности и месте в системе средств судебной защиты. Является ли административный иск универсальным средством защиты для всех без исключения дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, или его применение ограничено лишь теми из них, где наличествует классический публично-правовой спор? Ответ на этот вопрос имеет не только теоретическое, но и первостепенное практическое значение, поскольку обусловливает подходы к определению подведомственности и подсудности, формированию предмета доказывания, распределению обязанностей сторон по доказыванию и, в конечном итоге, эффективности судебной защиты.

Ключевое практическое значение имеет качество процессуального оформления исковых требований. Грамотно составленное административное исковое заявление с четкой формулировкой предмета и оснований требований играет главную роль. Оно обеспечивает надежную защиту прав сторон в публично-правовом споре, создает условия для своевременного исполнения судебных решений и позволяет суду эффективно осуществлять контроль за действиями публичной администрации, что повышает законность, обоснованность и объективность решений должностных лиц публичной администрации. Следовательно, изучение природы административного иска служит важным инструментом совершенствования правосудия, направленного на гармонизацию частных и публичных интересов.

В специальной литературе иск рассматривается как «универсальное средство обращения в суд за защитой нарушенного или оспоренного права, или интереса, независимо от их отраслевой принадлежности… как процессуальное средство обращения к суду за защитой прав и интересов, обусловленных не характером материального права, а наличием спора о нем» [1, с. 13].

Процессуальная форма административного судопроизводства представляет собой установленную законодательством систему принципов, процедур и правил, направленных на рассмотрение и разрешение судами административных дел в целях защиты прав и законных интересов субъектов в сфере публичных правоотношений. Центральным элементом процессуальной формы выступает административный иск, являющийся основным процессуальным средством для реализации права на судебную защиту и возбуждения производства по административному делу. Роль административного иска не ограничивается инициированием административного судопроизводства. Он выступает структурообразующим фактором всего процесса рассмотрения административного дела, предопределяя: возможность изменения оснований или предмета требований в ходе разбирательства; специфические требования к содержанию резолютивной части судебного решения, которая должна содержать четкие предписания о способе восстановления нарушенного права (например, ч. 3 ст. 227 КАС РФ). Таким образом, прямая корреляция между формулировками исковых требований и резолютивной частью решения имеет принципиальное практическое значение для обеспечения реальной и исполнимой судебной защиты.

В контексте этой корреляции возникает фундаментальная проблема пределов судебного вмешательства. Согласно сложившейся доктрине и правоприменительной практике суд, осуществляя контроль, не должен подменять собой административный орган, переоценивая его дискреционные полномочия, по существу. Это выражается в традиционной модели опосредованной защиты, когда суд, признав акт незаконным, обязывает орган принять но-

вое решение, что зачастую приводит к формальному повторению оспоренного действия и «циклическому» характеру судебных разбирательств. В связи с этим позиция Конституционного Суда Российской Федерации знаменует собой эволюцию подхода.

В деле Брюхановых Конституционный Суд указал на «…возможность непосредственной (прямой) защиты, когда судебный орган вправе самостоятельно, минуя повторное административное рассмотрение, удовлетворить требование заявителя (например, признать жилое помещение пригодным для проживания)»[1].

Данная правовая позиция, поддержанная рядом исследователей [3; 4], отвечает правозащитной функции судебной власти и способствует преодолению «административной неправды».

Для реализации этого потенциала и повышения эффективности административной юстиции требуется совершенствование законодательных конструкций. В частности, целесообразно: дополнить п. 2 ч. 1 ст. 124 КАС РФ требованием о возможности суда не только отменить оспариваемый акт, но и обязать административный орган принять конкретное новое решение с учетом изложенной в судебном акте правовой позиции[2]. Следует расширить круг обстоятельств, подлежащих судебному установлению при оспаривании индивидуальных административных актов, включив в него критерии, определяющие глубину судебного контроля: значимость защищаемого права, серьезность вмешательства, качество административной процедуры, статус принявшего акт органа и др. [5, с. 17]. Предложенные меры направлены на усиление исполнительного потенциала судебных решений и трансформацию административного иска из формального инструмента возбуждения административного дела в действенный механизм гарантированного восстановления нарушенных прав и законных интересов в сфере административных и иных публичных правоотношений. Но такие меры вряд ли сработают, если не определить концепцию административного иска; нужно четкое понимание круга допустимых требований.

Категория иска является фундаментальной для процессуального права, а ее истоки восходят к римскому праву. В римской традиции иск (*actio*) понимался многогранно: и как процессуальное средство, дозволяющее правовую защиту; и как само материальное право, осуществимое в форме притязания; и как требование истца к ответчику, обращенное к суду; и, наконец, как само судебное производство по спору [6, с. 10].

В дореволюционной и советской цивилистической науке учение об иске получило фундаментальную разработку. Доминирующим стало понимание иска как единого правового института, объединяющего две неразрывные стороны: процессуальную – требование к суду о защите, и материально-правовую – требование управомоченного лица к обязанному [7, с. 10–11]. Как отмечают представители цивилистической процессуальной науки, иск –

---

[1] См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 55-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 15 Жилищного кодекса Российской Федерации и пунктов 7, 42, 47, 51 и 52 Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу и реконструкции, садового дома жилым домом в связи с жалобой граждан А. Г. Брюханова и Н. В. Брюхановой». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] См. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

это средство защиты предполагаемого нарушенного или оспоренного права, обращенное к предполагаемому нарушителю и базирующееся на указанном истцом спорном правоотношении, имеющем гражданско-правовую (в широком смысле) природу [6, с. 44].

Однако применение этой, по сути частноправовой, конструкции к сфере публичного права долгое время вызывало сопротивление. Считалось, что исковая форма свойственна лишь спорам о гражданском праве. По мнению ученых, дела, вытекающие из административных отношений, где нет спора о гражданском праве, должны рассматриваться в порядке особого производства. Эта точка зрения отражала господствовавший в тот период взгляд на административные отношения как на властеотношения, не предполагающие равенства сторон и, следовательно, спора в традиционном понимании [8].

Во второй половине XX в. был распространен широкий подход – ученые полагали, что об исковой форме можно говорить во всех случаях, когда заинтересованное лицо передает свое материальное требование на рассмотрение органа, обеспечивающего сторонам процессуальные гарантии. При этом не исключалась возможность существования административного иска, если понимать под ним любое спорное правовое требование, подлежащее разрешению в установленном порядке [2, с. 10–11]. Важный вклад в концепцию внес Р. Е. Гукасян, который доказывал, что при разрешении административного спора суд всегда решает вопрос о правомерности действий органа власти, что по своей сути и есть разрешение правового спора, независимо от инициатора процесса [9, с. 31–32].

Таким образом, постепенно в науке утверждалась идея о том, что спор о праве может возникать не только в горизонтальных (частноправовых), но и в вертикальных (публично-правовых) отношениях, когда частное лицо оспаривает законность властного акта или действия. Это создало теоретическую базу для легитимации категории «административный иск».

Законодатель в КАС РФ не дает прямого легального определения административного иска, но активно использует этот термин, конструируя на его основе все судопроизводство (административный истец, административный ответчик, административное исковое заявление, меры предварительной защиты по административному иску). Это обусловило активную работу ученых по выработке доктринального определения административного иска.

Материальный и процессуальный подходы к пониманию административного иска. Его сторонники (С. Н. Махина, М. К. Треушников) рассматривают административный иск по аналогии с гражданским как двуединую категорию. «В материальном смысле – это требование административного истца к административному ответчику о защите субъективного публичного права или охраняемого законом интереса. В процессуальном смысле – это обращение в суд с требованием о защите, служащее основанием для возбуждения административного судопроизводства»[3].

Публично-спорный подход. Представители этого направления (А. Б. Зеленцов, О. А. Ястребов) делают акцент на публичной природе спора, определяя административный иск как «требование заинтересованного лица к судебному органу о защите субъективных публичных прав и (или) законности (правопорядка) в публичном управлении, исходящее из указанного заявителем спорного публично-правового отношения»[4].

---

[3] См.: *Старилов Ю. Н., Махина С. Н., Носова Ю. Б. и др.* Административное судопроизводство : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета по направлениям «Юриспруденция» и «Судебная и прокурорская деятельность». 2-е изд., пересм. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 239; Административное судопроизводство : учеб. для студентов юрид. вузов, фак. и юристов, повышающих квалификацию / под ред. М. К. Треушникова. М. : Городец, 2017. С. 113.

[4] См.: [10, с. 21]. См. также: *Зеленцов А. Б., Ястребов О. А*. Судебное административное право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М. : Статут, 2017. С. 434.

«Классический» (континентальный) подход, восходящий к германской традиции, рассматривает административный иск в узком смысле, прежде всего как иск об оспаривании административного акта. Его материальная суть – требование об отмене акта, нарушившего права частного лица. Этот подход, разделяемый, например, А. А. Томтосовым, фокусируется на контроле суда за законностью индивидуальных властных решений [11, с. 131].

Административный иск призван обеспечивать разрешение публично-правового спора, возникающего из взаимодействия граждан и организаций с органами публичной власти и их должностными лицами [12, с. 12].

Несмотря на имеющиеся доктринальные различия в акцентах, можно выделить обобщенную совокупность признаков, характеризующих административный иск. К их числу относятся: наличие материально-правового требования, которое либо вытекает из нарушенного или оспоренного субъективного публичного права, либо направленно на проверку законности акта или действия публичной администрации; наличие публично-правового спора, т. е. разногласий между частным лицом и субъектом, обладающим властными полномочиями, по поводу прав, обязанностей или законности осуществления этих полномочий; наличие двух процессуально равных сторон с противоположными интересами (административный истец и административный ответчик), что обеспечивает состязательное начало процесса; направленность на судебную защиту, т. е. требование подлежит рассмотрению независимым судом в специально установленной законом процедуре административного судопроизводства; связь со сферой публичных правоотношений, где один из участников реализует административные или иные публично-властные полномочия (ч. 1 ст. 1 КАС РФ).

В доктрине и законодательстве предпринимаются попытки систематизации административных исков. Так, КАС РФ использует классификацию, основанную на предмете иска, детализируя порядок рассмотрения для разных категорий дел в отдельных главах. Однако наиболее острой является проблема классификации, основанной на процессуальной цели (виде требуемой судебной защиты). Классическая триада – иски о признании, о присуждении и преобразовательные иски – с трудом, но применяется и в административном судопроизводстве. Наполнение каждого из видов административных исков приобретает здесь существенную специфику, обусловленную публично-правовой природой спора. Например, иск о признании нормативного акта недействующим – это иск о признании. Иск о взыскании обязательного платежа – иск о присуждении. Иск об обязании совершить определенное действие также может рассматриваться как иск о присуждении. Преобразовательные иски, будучи традиционно направленными на изменение или прекращение правоотношений, в административном судопроизводстве зачастую подменяют собой административное усмотрение, что вызывает дискуссии о пределах судебного вмешательства. Выход видится в отказе от механического переноса цивилистической классификации и в выделении самостоятельных видов административных исков.

Перечень требований, которые могут быть заявлены в административном исковом заявлении, не является системным и не отражает всех возможных способов защиты в публично-правовой сфере. Как отмечает Р. О. Опалев, нарушенные права могут восстанавливаться путем их официального признания, принудительного осуществления или компенсации последствий нарушения [13, с. 78]. Отсутствие же в материальном административном праве четкого перечня способов защиты (аналогичного ст. 12 ГК РФ) негативно сказывается на судебной практике: суды зачастую ограничиваются формальной отменой оспариваемого акта, не вдаваясь в существо вопроса о том, как именно должно быть восстановлено право административного истца. Это приводит к ситуациям «бумажной защиты», когда администра-

тивный орган после отмены судом решения выносит новое, по сути идентичное, а истинный смысл судебного акта не достигается.

Выход из этой ситуации ряд исследователей видят в принятии федерального закона об административных актах и административных процедурах, который должен урегулировать материально-правовые основания и способы защиты в публичной сфере, что, в свою очередь, позволит выстроить логичную и эффективную классификацию административных исков. Как обоснованно отмечает А. Б. Зеленцов, отсутствие системного регулирования материальных публичных прав и способов их защиты сдерживает развитие административного судопроизводства, превращая его в формальную процедуру, не всегда ведущую к реальному восстановлению нарушенных прав[5]. В связи с указанным учение об административном иске находится в стадии активного становления и требует дальнейшего развития по нескольким ключевым направлениям.

Во-первых, необходимо углубление материально-правовых основ. Как справедливо отмечает А. Б. Зеленцов, предназначение судебного административного права определяется целями материального административного права[6]. Без четкого закрепления в материальном публичном праве способов защиты субъективных публичных прав учение об административном иске остается «процессуальной надстройкой» без прочного фундамента. В законе об административных актах и административных процедурах должны быть не только прописаны требования к административным актам и процедурам их принятия, но и установлен исчерпывающий перечень способов защиты от незаконных актов и действий, включая возможность прямого судебного веления.

Во-вторых, требуется совершенствование процессуального законодательства. В частности, назрела потребность в уточнении ст. 124 КАС РФ. «Целесообразно дополнить перечень возможных требований указанием на обязанность принять новое решение по административному делу, руководствуясь правовой позицией суда, изложенной в мотивировочной части судебного решения. Введение такого требования направлено на устранение практики “бумажных отмен”, при которой судебное решение не приводит к фактическому восстановлению нарушенных прав. Для обеспечения действия предложенного правового механизма следует внести в главу 22 КАС РФ соответствующие дополнения, регламентирующие структуру и содержание мотивировочной части судебного акта: суд должен не просто констатировать нарушение, но и указывать, в чем конкретно оно выразилось, как следует толковать примененные нормы, какие дискреционные соображения органа были неправомерны. Обязанность административного органа учитывать эту правовую позицию при повторном рассмотрении должна быть закреплена законодательно» [4, с. 58–59].

В-третьих, важным направлением является разработка критериев интенсивности судебного контроля. Как предлагает А. В. Должиков, при рассмотрении дел об оспаривании индивидуальных актов суду следует учитывать целый ряд обстоятельств: значимость защищаемого права, серьезность вмешательства, зависимость вопроса от политической целесообразности, статус органа, качество проведенной административной процедуры и др. [5, с. 17]. Интеграция таких критериев в теорию и практику позволит дифференцировать подход суда, усиливая контроль там, где затрагиваются фундаментальные права уязвимых лиц, и проявляя сдержанность в вопросах, требующих административного усмотрения.

В-четвертых, необходимо дальнейшее осмысление процессуальной формы. Следует признать, что административное судопроизводство не является монолитной исковой фор-

---

[5] *Зеленцов А. Б., Ястребов О. А.* Судебное административное право. С. 19–20.

[6] Там же. С. 19.

мой. В его рамках, как показывает анализ, сосуществуют как классическое исковое (состязательное) производство по спорам, так и производства, тяготеющие к следственной (инквизиционной) модели с доминирующей ролью суда (дела о принудительной госпитализации). Учение об административном иске должно адекватно отразить эту дифференциацию, возможно, выработав отдельные понятия или подвиды иска для разных процессуальных режимов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что административный иск институционализировался как центральный элемент современного российского административного судопроизводства.

Административный иск может быть определен как обращенное в суд в порядке, установленном КАС РФ, материально-правовое требование лица (административного истца) о защите его нарушенного или оспариваемого субъективного публичного права, законного интереса либо о проверке законности акта или действия субъекта, обладающего публично-властными полномочиями (административного ответчика), возникающее из публично-правового спора или отношений по контролю (надзору) за соблюдением прав, свобод, законных интересов.

Однако вывод о том, что административный иск является аксиомой, т. е. безусловной и единственно возможной процессуальной формой для всего административного судопроизводства, представляется преждевременным. Наличие в КАС РФ категорий дел, где суд выполняет преимущественно контрольную и санкционирующую функции, а классический спор о праве отходит на второй план, свидетельствует о гипотетическом характере тезиса об универсальности исковой формы. Административный иск выступает скорее доминирующей, но не всеобъемлющей парадигмой.

Дальнейшее развитие учения об административном иске видится в синтезе материально-правового и процессуального подходов, в четком законодательном закреплении способов защиты в публичной сфере, в совершенствовании процессуальных механизмов, обеспечивающих реальное, а не формальное исполнение судебных решений, и в выработке гибкой, дифференцированной системы процессуальных форм в рамках административного судопроизводства. Только так административный иск сможет в полной мере реализовать свой потенциал в качестве эффективного средства защиты прав и свобод человека в диалоге с публичной властью.

Список источников

1. Абова Т. Е. Иск – универсальное средство защиты права // Труды Института государства и права Российской академии наук. Иск в гражданском и арбитражном процессах. 2006. № 1. С. 5–13.

2. Добровольский А. А. Исковая форма защиты права (основные вопросы учения об иске). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. 190 с.

3. Шварц М. З. К вопросу о полномочиях суда в делах, рассматриваемых по правилам главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (первые размышления над Постановлением Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 55-П) // Вестник гражданского процесса. 2023. № 6. С. 15–31;

4. Кононов П. И. Основания и пределы вмешательства судов по результатам рассмотрения ими административных дел в решении вопросов, отнесенных к компетенции органов публичной власти, выступающих ответчиками по данным делам // Административное право и процесс. 2025. № 6. С. 54–60.

5. Должиков А. В. Интенсивность судебного контроля в административном процессе: постановка проблемы, история и сравнительные материалы // Российская юстиция. 2025. № 4. С. 8–18.

6. Исаенкова О. В., Николайченко О. В., Соловьева Т. В. и др. Иск и исковая форма защиты в гражданском процессе : моногр. / под ред. О. В. Исаенковой. М. : Юрайт, 2025. 183 с.

7. Осокина Г. Л. Иск (теория и практика). М. : Городец, 2000. 192 с.

8. Абрамов С. Н. В советском праве не может быть административного иска // Социалистическая законность. 1947. № 3. С. 8–10.

9. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1970. 185 с.

10. Зеленцов А. Б. Понятие и виды административного иска // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2005. № 1. С. 19–27.

11. Томтосов А. А. Административный акт в российском публичном праве. М. : Инфотропик Медиа, 2020. 160 с.

12. Тулинова Б. А. Судопроизводство по административным делам (вопросы теории и практики) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 26 с.

13. Опалев Р. О. Право на эффективную судебную защиту в административном судопроизводстве : моногр. М. : Городец, 2023. 432 с.

References

1. Abova T. E. The claim is a universal remedy for the protection of the right. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. A claim in civil and arbitration proceedings*. 2006;(1):5–13. (In Russ.)

2. Dobrovolsky A. A. *The form of the claim for the protection of law (the main issues of the doctrine of the claim)*. Moscow: Moscow University Press, 1965; 190 p. (In Russ.)

3. Schwartz M. Z. On the powers of the court in cases considered under the rules of chapter 22 of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation (first reflections on the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15 December 2022 no. 55-P). *Herald of Civil Procedure.* 2023;(6):15-31. (In Russ.)

4. Kononov P. I. Grounds and limits of interference of courts based on review of administrative cases with solution of issues referred to the competence of government authorities acting as defendants in such cases. *Administrative Law and Procedure*. 2025;(6):54-60. (In Russ.)

5. Dolzhikov A. V. Intensity of judicial review in administrative procedure: statement of the problem, history and comparative materials. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice.* 2025;(4):8-18. (In Russ.)

6. Isaenkova O. V., Nikolaichenko O. V., Solovyova T. V., et al. *The claim and the form of protection in civil proceedings.* Monograph. Ed. O. V. Isaenkova. Moscow: Yurajt; 2025. 183 p. (In Russ.)

7. Osokina G. L. *The claim (theory and practice)*. Moscow: Gorodets; 2000. 192 p. (In Russ.)

8. Abramov S. N. In Soviet law there can be no administrative claim. *Sotsialisticheskaya zakonnost'* = *Socialist Legality.* 1947;(3):8-10. (In Russ.)

9. Gukasyan R. E. *The problem of interest in Soviet civil procedural law*. Saratov: Privolzhsky Publishing House; 1970. 185 p. (In Russ.)

10. Zelentsov A. B. The notion and kinds of administrative claim. *RUDN Journal of Law*. 2005;(1):19-27. (In Russ.)

11. Tomtosov A. A. *Administrative act in Russian public law*. Moscow: Infotropik Media; 2020. 160 p. (In Russ.)

12. Tulinova B. A. *Judicial proceedings in administrative cases (issues of theory and practice)*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2010. 26 p. (In Russ.)

13. Opalev R. O. *The right to effective judicial protection in administrative proceedings*. Monograph. Moscow: Gorodets; 2023. 432 p. (In Russ.)

Информация об авторе

О. С. Рогачева – доктор юридических наук, профессор кафедры административного и административного процессуального права.

Information about the author

O. S. Rogacheva – Doctor of Science (Law), Professor at the Administrative and Administrative Procedural Law Department.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 10.02.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 10.02.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Российское правосудие. 2026. № 7. С. 15–23
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 7. P. 15–23
УДК 347 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.7.15-23

Научная статья

Гражданско-правовой контроль, возникающий на основании судебного решения

Александр Сергеевич Линников[1, 2, 3]

[1] Коллегия адвокатов Московской области «Линников и Партнеры», Москва, Российская Федерация, las@leadcons.ru, https://orcid.org/0000-0002-4913-2966

[2] Ассоциация участников рынка платежных услуг «Некоммерческое партнерство “Национальный платежный совет”», Москва, Российская Федерация

[3] Государственный университет по землеустройству, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется феномен гражданско-правового контроля, возникающего на основании судебных решений, как особой формы правового воздействия в системе гражданского права. Цель исследования состоит в доктринальной характеристике гражданско-правового контроля, основанного на судебных решениях, и выявлении его специфики по сравнению с иными формами правового влияния в сфере частноправовых отношений. Задачи включают: раскрытие юридической природы судебного контроля, определение его признаков и оснований возникновения, а также выяснение значения такого контроля для защиты субъективных гражданских прав и обеспечения фактического исполнения возложенных обязанностей. Дополнительно ставится задача показать, как судебные решения встраиваются в юридические составы (например, в банкротстве) и трансформируются в устойчивые контрольные механизмы, реализуемые через арбитражных управляющих и собрание кредиторов.

В работе использована совокупность общенаучных и частноправовых методов: формально-юридический метод применяется для анализа норм ГК РФ и специального законодательства о несостоятельности (банкротстве), регулирующих последствия судебных актов и полномочия участников процедур. Системный и структурно-функциональный подходы позволили исследовать гражданско-правовой контроль как элемент более широкой системы правового регулирования, включающей судебные решения, решения собрания кредиторов, договорные конструкции и специальные статусы арбитражных управляющих. Доктринальный (догматический) анализ осуществлен с учетом правоприменительной практики, включая правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и разъяснения высших судебных инстанций по вопросам статуса арбитражного управляющего, объема его проверочных и контрольных полномочий, а также критериев их надлежащего осуществления.

Исследование показало, что гражданско-правовой контроль, базирующийся на судебных решениях, формирует устойчивый механизм влияния на поведение участников гражданского оборота, выходящий за рамки разового разрешения спора. Делается вывод о том, что гражданско-правовой контроль, основанный на судебных актах, способствует повышению эффективности правоприменения и укреплению законности в сфере частноправовых отношений.

Ключевые слова: гражданско-правовой контроль, судебные решения, правовое взаимодействие, гражданские права, гражданские правоотношения

© Линников А. С., 2026

Для цитирования: Линников А. С. Гражданско-правовой контроль, возникающий на основании судебного решения // Российское правосудие. 2026. № 7. С. 15–23. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.15-23.

Original article

Civil Law Control Arising on the Basis of a Court Decision

Alexander S. Linnikov[1, 2, 3]

[1] Moscow Region Bar Association “Linnikov and Partners”, Moscow, Russian Federation, las@leadcons.ru, https://orcid.org/0000-0002-4913-2966
[2] Association of Payment Services Market Participants “Non-Commercial Partnership “National Payment Council”, Moscow, Russian Federation
[3] State University of Land Use Planning, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the phenomenon of civil-law control arising on the basis of court decisions as a special form of legal influence within the system of civil law. The aim of the study is to provide a doctrinal characterization of civil-law control based on court decisions and to identify its specific features in comparison with other forms of legal influence in the sphere of private-law relations. The objectives include: revealing the legal nature of judicial control, determining its characteristics and grounds for emergence, as well as clarifying the significance of such control for the protection of subjective civil rights and for ensuring the actual performance of imposed obligations. In addition, the study seeks to demonstrate how court decisions are embedded in juridical complexes (for example, in insolvency proceedings) and transformed into stable control mechanisms implemented through insolvency practitioners and creditors’ meetings.
The research relies on a combination of general scientific and civil-law methods: the formal-legal method is used to analyze the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and special insolvency (bankruptcy) legislation governing the effects of judicial acts and the powers of participants in the procedures. Systemic and structural-functional approaches make it possible to examine civil-law control as an element of a broader system of legal regulation that encompasses court decisions, resolutions of creditors’ meetings, contractual frameworks, and the special status of insolvency practitioners. Doctrinal (dogmatic) analysis is combined with reference to judicial practice, including the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and clarifications issued by higher courts on the status of insolvency practitioners, the scope of their review and control powers, and the criteria for their proper exercise. It is shown that civil-law control based on court decisions forms a stable mechanism of influence on the conduct of participants in civil turnover, going beyond the one-time resolution of a dispute. The conclusion is drawn that civil-law control grounded in judicial acts contributes to enhancing the effectiveness of law enforcement and strengthening the rule of law in the field of private-law relations.

Keywords: civil law control, court decisions, legal interaction, civil rights, civil legal relations

For citation: Linnikov A. S. Civil law control arising on the basis of a court decision. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(7):15-23. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.15-23.

Давая характеристику судебным решениям как юридическим фактам, влияющим на динамику гражданских правоотношений, необходимо обратить внимание на следующее. Общеизвестно, что деятельность по устранению препятствий в осуществлении субъективных прав, ликвидации нарушений, пресечению злоупотреблений правом и по понуждению к исполнению обязанностей в той или иной мере относится к форме реализации права, выражающейся в правоприменении [1, с. 50]. Акт правосудия, понимаемый одновременно как действие и как внешняя форма его выражения, объективируется в виде решений, определений и постановлений суда. Вместе с тем, перечисляя основания возникновения гражданских прав, законодатель отнес к ним только судебное решение, установившее гражданские права и обязанности (подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ). Комментируя указанную норму права, А. А. Павлов уточнил: под «судебным решением» в данной статье понимаются судебные акты любых судов – судов

общей юрисдикции, арбитражных и третейских, вынесенные ими при рассмотрении конкретных дел. К таким актам относятся не только собственно решения, но также определения и постановления различных судебных инстанций, как российских, так и иностранных, при условии признания на территории Российской Федерации их законной силы[1].

Дискуссия о терминологической специфике подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ имеет давнюю историю. К примеру, С. К. Загайнова [2], а вслед за ней и В. А. Белов[2] критикуют узкий подход законодателя ввиду акцентуации внимания в подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ только на судебных решениях. При этом большинство ученых-юристов сходятся во мнении о том, что употребление термина «судебный акт» в норме подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ было бы более удачным [3; 4]. Однако такой подход поддерживается не всеми специалистами в области права (см., например: [5]). Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в науке разработаны «узкий» и «широкий» подходы к трактовке «судебного решения» [6]. Так, согласно широкому подходу, поддерживаемому нами, судебное решение следует воспринимать как родовое понятие, что снимает проблему терминологической неопределенности в этом вопросе (см. об этом: [7]).

В свое время О. А. Красавчиков обратил внимание на то, что «судебное решение является юридическим фактом не только в процессуальном, но и в материальном гражданском праве», однако правовые последствия «…наступают не только в силу одного судебного решения, но и других фактов, с которыми оно образует юридический состав» [8, с. 133, 138, 143].

Действительно, приведенное умозаключение находит свое подтверждение в ряде норм гражданского права, в том числе тех, которые имеют отношение к гражданско-правовому контролю. Пример тому – юридический состав, представленный судебным решением и решением собрания кредиторов, являющийся основанием возникновения гражданско-правового контроля в банкротных правоотношениях. Так, в силу абз. 6 п. 2 ст. 12 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»[3] (далее – Закон о банкротстве) к исключительной компетенции собрания кредиторов относится принятие решения о выборе арбитражного управляющего или саморегулируемой организации (СРО), из членов которой арбитражным судом утверждается арбитражный управляющий. При этом Верховный Суд Российской Федерации исходит из того, что, по общему правилу, арбитражного управляющего или СРО выбирают кредиторы, не аффилированные с должником и не контролирующие его[4].

Представляется, что, с одной стороны, решение собрания кредиторов является самостоятельным основанием возникновения гражданско-правового контроля, осуществляемого таким собранием, а, с другой стороны, решение собрания кредиторов в совокупности с судебным решением об утверждении арбитражного управляющего предопределяют осуществление им проверочного гражданско-правового контроля.

---

[1] *Асосков А. В., Байбак В. В., Бевзенко Р. С. и др*. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 20 (автор комментария – А. А. Павлов).

[2] *Белов В. А.* Гражданское право : учеб. для акад. бакалавриата и магистратуры : в 4 т. Т. 2 : Общая часть : в 2 кн. Кн. 2 : Факты. М. : Юрайт, 2016. 497 с.

[3] Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024, с изм. от 07.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

[4] Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 января 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 7.

В этой связи представляется важным обратить внимание на то, что гражданско-правовой контроль, инициируемый судебным решением и реализуемый через фигуру арбитражного управляющего, обладает многоуровневой структурой и не сводится лишь к формальному надзору за соблюдением установленных законом процедур банкротства. Он включает в себя по меньшей мере три взаимосвязанных компонента: информационно-поисковый, оценочно-аналитический и коррекционно-принудительный. Информационно-поисковый компонент связан с необходимостью выявления полной и достоверной картины имущественного положения должника, структуры его обязательств, характера совершенных им сделок, в том числе потенциально оспоримых. Оценочно-аналитический компонент предполагает соотнесение полученных сведений с требованиями законодательства о банкротстве и общими началами гражданского законодательства, а также с пределами осуществления гражданских прав. Наконец, коррекционно-принудительный компонент выражается в инициировании арбитражным управляющим соответствующих процессуальных действий, направленных на восстановление имущественной массы должника и баланс интересов всех участников оборота, включая миноритарных кредиторов.

Важной особенностью рассматриваемого контроля является его опосредованный характер: судебный акт не только запускает процедуру, но и «встраивает» контрольные полномочия в общий режим функционирования должника, трансформируя поведенческие ожидания контрагентов. Для участников гражданского оборота сам факт нахождения должника в процедуре несостоятельности и назначение арбитражного управляющего означает, что любые действия с его имуществом будут рассматриваться через призму возможной проверки, а значит, повышается значение критериев добросовестности и разумности поведения. Таким образом, судебное решение начинает выполнять превентивную функцию, препятствуя совершению сделок, потенциально нарушающих интересы конкурсной массы, еще до того, как возникнет необходимость в судебном оспаривании. В этом проявляется отличие гражданско-правового контроля, основанного на судебных актах, от чисто договорных механизмов контроля, которые нередко ориентированы преимущественно на защиту интересов отдельных сторон частноправового взаимодействия.

Необходимо также подчеркнуть, что арбитражный управляющий, действуя в рамках предоставленных ему законом полномочий, реализует специфический вид фидуциарного доверия, основанный не на волеизъявлении собственника, а на властном предписании суда. Такое «судебно-фидуциарное» доверие по своей природе отличает гражданско-правовой контроль в процедурах банкротства от классических моделей доверительного управления имуществом, при которых исходным моментом является проявление автономии воли управомоченного лица. В рассматриваемой ситуации автономия воли должника существенно ограничена, а функция по выражению и защите коллективного интереса кредиторов передается специально назначенному субъекту, действующему на основании судебного решения и подотчетному как суду, так и собранию кредиторов. В результате складывается *многосторонняя конструкция гражданско-правового контроля, в которой судебный акт выступает юридическим фактом, придающим устойчивость всей системе взаимодействий между должником, кредиторами и арбитражным управляющим.*

Сравнительный анализ показывает, что подобный механизм гражданско-правового контроля имеет потенциал для применения и вне рамок классических процедур несостоятельности, в том числе при рассмотрении корпоративных споров, дел, связанных с оспариванием решений органов управления юридического лица, а также в делах о защите прав миноритарных участников. В этих категориях дел суды все чаще прибегают к конструкциям, предполагающим не только восстановление нарушенных прав, но и установление особых

режимов осуществления корпоративного управления либо контроля за определенными действиями органов юридического лица. Такие режимы, хотя и не всегда прямо квалифицируются как гражданско-правовой контроль, по существу воспроизводят его ключевые черты: наличие судебного акта как исходного юридического факта, формирование особого субъекта или группы субъектов контроля и установление пределов их вмешательства в частноправовую сферу. Тем самым концепция гражданско-правового контроля, возникающего на основании судебных решений, может быть обобщена и использована для описания более широкого круга правовых явлений, выходящих за пределы «классического» банкротного контекста.

В самом общем виде арбитражный управляющий функционально «предназначен» для руководства текущей деятельностью должника. Из перечня прав арбитражного управляющего, сконцентрированных в ст. 20.3 Закона о банкротстве, выделяется его право запрашивать необходимые сведения у физических лиц, юридических лиц, государственных органов, органов управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и органов местного самоуправления без предварительного обращения в арбитражный суд, включая сведения, составляющие служебную, коммерческую и банковскую тайну. Описанный внесудебной порядок выдачи сведений и документов подробно конкретизирован в отдельном разделе постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”»[5].

Кроме того, осуществление проверочных полномочий, возложенных на арбитражного управляющего, не представляется возможным без получения квалифицированной помощи, оказываемой специалистами. Поэтому в качестве одного из полномочий арбитражного управляющего в ст. 20.3 Закона о банкротстве названо право привлекать для обеспечения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве на договорной основе иных лиц с оплатой их деятельности за счет средств должника. Признавая важность привлечения иных лиц для обеспечения возложенных на арбитражного управляющего обязанностей в деле о банкротстве, подчеркнем крайнюю остроту соответствующей проблематики: с одной стороны, арбитражный управляющий обязан исполнять свои обязанности лично, с другой стороны, он вправе привлекать иных лиц и оплачивать их деятельность за счет средств должника. Если будет установлено, что арбитражный управляющий уклоняется от руководства деятельностью неплатежеспособного должника, то кредиторы вправе обратиться в арбитражный суд с жалобой на арбитражного управляющего с целью последующего отстранения такого арбитражного управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве[6].

Отметим, что вопрос о сущности правового положения арбитражного управляющего до сих пор остается отчасти дискуссионным (см. об этом: [9, с. 67]). К примеру, В. Ф. Попондопуло подчеркивает, что «арбитражное управление имуществом должника в деле о банкрот-

---

[5] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 2.

[6] См., например, определение Арбитражного суда Красноярского края от 13 мая 2011 г. по делу № А33-1277/2009, постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 22 июля 2011 г. по делу № А33-1277/2009, постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 14 октября 2011 г. по делу № А33-1277/2009, определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2011 г. № ВАС-17476/10 по делу № А33-1277/2009. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

стве по своей юридической природе тяготеет к доверительному управлению имуществом (гл. 53 ГК РФ)»[7]. Однако такой научный концепт, характеризующий сущность арбитражного управления, поддерживается не всеми цивилистами: против подобного взгляда возражают Е. А. Суханов [10], М. В. Телюкина [11]. По мнению Т. П. Шишмаревой, «временный управляющий и административный управляющий по своему правовому положению близки к попечителям… По российскому законодательству должник остается носителем права собственности или ограниченного вещного права, а выразителем его воли становится внешний или конкурсный управляющий, который осуществляет функции единоличного и коллегиальных органов управления, за исключением полномочий, которые сохраняются у коллегиальных органов управления (п. 2 ст. 94, абз. 1 п. 2 ст. 126 Закона)» [12].

Очевидно, что с учетом указанных факторов объем гражданско-правового контроля, осуществляемого временным или административным управляющим, и контроля, осуществляемого внешним либо конкурсным управляющим, существенно различается. Гражданско-правовой контроль, реализуемый внешним или конкурсным управляющим, по своей природе совпадает с контролем, который осуществляется органами управления юридического лица.

Подчеркнем, что ограничения и обязанности должника в ходе наблюдения, перечисленные в ст. 64 Закона о банкротстве, в основном связаны с необходимостью получения согласия временного управляющего для совершения ряда сделок, однако такой гражданско-правовой контроль относится к гражданско-правовому влиянию, намеренно выведенному за рамки настоящего диссертационного исследования. Вместе с тем это не означает, что временный управляющий не осуществляет гражданско-правовой проверочный контроль: реализуя свое право получать любую информацию и документы, касающиеся деятельности должника, временный управляющий проверяет, прежде всего, законность сделок на предмет их соответствия требованиям, установленным ст. 63 и 64 Закона о банкротстве, поскольку в случае выявления их несоответствия обозначенным требованиям он вправе предъявлять в арбитражный суд от своего имени требования о применении последствий недействительности ничтожных сделок (ст. 66 Закона о банкротстве).

Кроме того, в числе прав временного управляющего, перечисленных в ст. 66 Закона о банкротстве, названо право принимать участие в судебных заседаниях арбитражного суда по проверке обоснованности представленных возражений должника относительно требований кредиторов. Участие в подобных судебных заседаниях (так или иначе) сопряжено с предварительной проверочной деятельностью временного управляющего.

Аналогичный проверочный функционал временного управляющего находит отражение не только в перечне его прав, но и в структуре его обязанностей. Так, в силу п. 1 ст. 67 Закона о банкротстве временный управляющий обязан проводить анализ финансового состояния должника. Такой анализ осуществляется либо на основании документов бухгалтерского учета и финансовой (бухгалтерской) отчетности должника, либо на основании результатов деятельности привлеченного временным управляющим аудитора.

При этом порядок проведения финансового анализа подробно урегулирован на уровне подзаконного акта – постановления Правительства Российской Федерации от 25 июня 2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа»[8], согласно п. 7 которого «при проведении финансового анализа арбитражным управляющим *проверяется* соответствие деятельности должника нормативным правовым

---

[7] *Попондопуло В. Ф.* Банкротство. Правовое регулирование : науч.-практ. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2025. С. 85.

[8] Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 26. Ст. 2664.

актам, ее регламентирующим». Анализ судебно-арбитражной практики наглядно демонстрирует, что критерий эффективности деятельности временного управляющего, содержащийся в данной норме, используется в качестве определяющего в случае проведения проверки его деятельности.

Проверочный гражданско-правовой контроль, осуществляемый административным управляющим, предопределен особым режимом функционирования юридического лица – должника, в отношении которого введена процедура финансового оздоровления. Так, управление должником в ходе финансового оздоровления «расщепляется» между собственно органами управления должника, собранием кредиторов и административным управляющим. В соответствии со ст. 83 Закона о банкротстве административный управляющий в ходе финансового оздоровления обязан осуществлять контроль за своевременным исполнением должником текущих требований кредиторов; осуществлять контроль за ходом выполнения плана финансового оздоровления и графика погашения задолженности; осуществлять контроль за своевременностью и полнотой перечисления денежных средств на погашение требований кредиторов. В отличие от дачи согласия на совершение должником некоторых сделок, поименованных в п. 4 ст. 82 Закона о банкротстве, перечисленные выше контрольные функции административного управляющего могут быть безоговорочно признаны проверочным гражданско-правовым контролем.

М. В. Телюкина, комментируя ч. 6 п. 3 ст. 83 Закона о банкротстве, обращает внимание на следующее: «Важной является обязанность по осуществлению контроля за своевременным исполнением должником текущих требований кредиторов. Данная норма ч. 6 п. 3 комментируемой статьи решает вопрос, не решенный Законом 1998 г. и вызывавший массу практических проблем»[9]. Неисполнение административным управляющим контрольно-проверочных обязанностей нередко становится причиной отстранения такого административного управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей[10].

Еще больший объем полномочий сосредоточен в руках внешнего управляющего, поскольку последствиями введения внешнего управления законодатель называет прекращение полномочий руководителя должника, а также возложение управления делами должника на внешнего управляющего (п. 1 ст. 94 Закона о банкротстве). Вместе с тем в перечне обязанностей внешнего управляющего, перечисленных в п. 2 ст. 99 Закона о банкротстве, как и, впрочем, в перечне обязанностей конкурсного управляющего (п. 2 ст. 129 Закона о банкротстве), отсутствует указание на его контрольные полномочия. На наш взгляд, это обусловлено тем, что и внешний, и конкурсный управляющие фактически заменяют органы управления должника, ввиду чего на них ложатся все управленческие функции, обычно свойственные органам управления юридического лица, в том числе и гражданско-правовой контроль. Ввиду обозначенных особенностей правового положения временного/конкурсного управляющего Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в свое время обращал внимание на то, что арбитражным судам надлежит оценивать, относилось ли совершение конкретного дей-

---

[9] *Телюкина М. В.* Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный). Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2003. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[10] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21 января 2015 г. № Ф08-10376/2014 по делу № А32-30482/2005-2/431-Б. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 г. № 308-ЭС15-4096 отказано в передаче дела № А32-30482/2005 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления (см. об этом: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 г. № 308-ЭС15-4096 по делу № А32-30482/2005). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ствия к обязанностям руководителя (внешнего либо конкурсного управляющего) или должно было относиться к ним с учетом обычных условий делового оборота, принимая во внимание масштаб деятельности юридического лица и характер данного действия[11].

Таким образом, внешний/конкурсный управляющий должен изучить всю документацию о предшествующей внешнему управлению деятельности должника на предмет наличия дебиторской задолженности, т. е. фактически проверить ее наличие. По этому поводу П. С. Кондрашова с сожалением отмечает, что арбитражные управляющие нередко не осуществляют надлежащую проверку документов должника и в отчетах приводят лишь формальную сумму дебиторской задолженности, не подкрепленную достаточной информационной основой [13].

Список источников

1. Чечина Н. А. Основные направления развития науки гражданского процессуального права. Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. 103 с.

2. Загайнова С. К. Теоретические проблемы характеристики судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / отв. ред. Л. Ф. Лесницкая, М. А. Рожкова. М. : Статут, 2008. 512 с.

3. Бибило В. Н. Судебный акт как юридический термин // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 4. Правоведение. 2013. № 4. С. 6–12.

4. Рафикова З. Л. Значение системы юридических фактов в гражданском праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 219–225.

5. Власенко В. А. Судебное решение как основание установления гражданских прав и обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. 28 с.

6. Гольцов В. Б., Голованов Н. М. Судебное решение как основание возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей // Знание. 2018. № 2-2 (54). С. 55–62.

7. Голубцов В. Г. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 2. С. 240–262.

8. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. 183 с.

9. Дорохина Е. Г. Проблемы предпринимательской деятельности арбитражного управляющего // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 1. С. 61–74.

10. Суханов Е. А. Договор доверительного управления имуществом // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 1. С. 81–94.

11. Телюкина М. В. Основы конкурсного права. М. : Волтерс Клувер, 2004. 506 с.

12. Шишмарева Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии. М. : Статут, 2015. 330 с.

13. Кондрашова П. С. Бездействие арбитражного управляющего в деле о банкротстве управляющей компании (в сфере ЖКХ) // Вестник арбитражной практики. 2020. № 6. С. 35–40.

References

1. Chechina N. A. *Main directions of development of the science of civil procedural law.* Leningrad: Publishing House of Leningrad State University; 1987. 103 p. (In Russ.)

2. Zagainova S. K. *Theoretical problems of the characterization of judicial acts in civil and arbitration proceedings.* Ed. L. F. Lesnitskaya, M. A. Rozhkova. Moscow: Statut; 2008. 512 p. (In Russ.)

3. Bibilo V. N. Judicial act as a legal term. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Ser. 4. Jurisprudence.* 2013;(4):6-12. (In Russ.)

[11] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34.

4. Rafikova Z. L. Significance of juridical facts' system in civil law. *Actual Problems of Economics and Law.* 2014;(1):219-225. (In Russ.)

5. Vlasenko V. A. *Court decision as a ground for establishing civil rights and obligations.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Rostov-on-Don; 2011. 28 p. (In Russ.)

6. Goltsov V. B., Golovanov N. M. Judicial decision as the basis of occurrence, change and termination of civil rights and obligations. *Znanie = Knowledge*. 2018;(2-2):55-62. (In Russ.)

7. Golubtsov V. G. Court judgement as a jural fact in civil law: doctrinal discourse and the problem of legal formulations. *Perm University Herald. Juridical Science*. 2021;(2):240-262. (In Russ.)

8. Krasavchikov O. A. *Legal facts in Soviet civil law*. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1958. 183 p. (In Russ.)

9. Dorokhina E. G. Problems of entrepreneurial activity of an insolvency practitioner. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2004;(1):61-74. (In Russ.)

10. Sukhanov E. A. Contract of trust management of property. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2000;(1):81-94. (In Russ.)

11. Telyukina M. V. *Fundamentals of bankruptcy law*. Moscow: Wolters Kluwer; 2004. 506 p. (In Russ.)

12. Shishmareva T. P. *Insolvency in Russia and Germany*. Moscow: Statut; 2015. 330 p. (In Russ.)

13. Kondrashova P. S. Bankruptcy-enabled fraudulent inaction of insolvency receivers of bankrupt housing companies. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki = Bulletin of Arbitration Practice.* 2020;(6):35-40. (In Russ.)

Информация об авторе

А. С. Линников – кандидат юридических наук, адвокат Коллегии адвокатов Московской области «Линников и Партнеры», председатель Правления Ассоциации участников рынка платежных услуг «Некоммерческое партнерство "Национальный платежный совет"», ректор Государственного университета по землеустройству.

Information about the author

A. S. Linnikov – Candidate of Science (Law), Attorney at the Moscow Region Bar Association "Linnikov and Partners", Chairman of the Board of the Association of Payment Services Market Participants "Non-Commercial Partnership "National Payment Council", Rector of the State University of Land Use Planning.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Российское правосудие. 2026. № 7. С. 24–37
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 7. P. 24–37
УДК 347.91/.95 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.7.24-37
Обзорная статья

Процессуальная правоспособность и процессуальная дееспособность: проблемы понимания в доктрине и цивилистическом процессуальном законодательстве

Лилия Владимировна Войтович
Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, voitovich@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1454-9558

Аннотация. В науке цивилистического процессуального права представлены различные позиции относительно понимания процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности. Кроме того, действующее процессуальное законодательство не устанавливает единообразные правила, определяющие основные содержательные признаки этих правовых явлений, что и обусловило интерес автора к обозначенной проблематике.
Методологическую основу составили общефилософский диалектический метод исследования и общенаучные методы. Системный и сравнительно-правовой методы обеспечили возможность рассмотреть проблемы правового регулирования процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности в трех видах цивилистического судопроизводства Российской Федерации и стран СНГ.
Целью выступает исследование возможных направлений гармонизации правового регулирования процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности в современном цивилистическом судопроизводстве.
Автор констатирует, что понимание процессуальной правоспособности обусловлено конкретизацией того, чьи (свои, чужие) и в каком качестве (суд, лица, участвующие в деле, другие участники) реализуют процессуальные права и процессуальные обязанности посредством процессуальных действий. Корреляционным сообразно с этим является и вопрос о том, эквивалентна ли процессуальная правоспособность праву на судебную защиту.
Обращено внимание на то, что термин «граждане» и другие термины этой же группы, которые определяют носителей процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности, указанные в статьях действующего отечественного цивилистического процессуального законодательства, не отражают процессуального положения указанных лиц. Отмечается близость понимания цивилистической процессуальной дееспособности в доктрине и правового регулирования этого института. При этом содержательные признаки исследуемых правовых категорий должны раскрываться во взаимосвязи и взаимозависимости.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, административное судопроизводство, процессуальная правоспособность, процессуальная дееспособность

Для цитирования: Войтович Л. В. Процессуальная правоспособность и процессуальная дееспособность: проблемы понимания в доктрине и цивилистическом процессуальном законодательстве // Российское правосудие. 2026. № 7. С. 24–37. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.24-37.

© Войтович Л. В., 2026

Review article

Procedural Legal Capacity and Procedural Legal Competence: Problems of Understanding in the Doctrine and Civil Procedure Law

Lilia V. Voitovich

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, voitovich@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1454-9558

Abstract. The science of civil procedural law presents various positions regarding the understanding of procedural legal capacity and procedural legal competence. Besides current procedural legislation does not establish uniform rules defining the main substantive features of these legal phenomena, which has led to the author's interest in this issue.

The methodological basis was formed by the general philosophical dialectical research method and general scientific methods. The system and comparative legal methods provided an opportunity to consider the problems of legal regulation of procedural legal capacity and procedural legal competence in three types of civil proceedings in the Russian Federation and the CIS countries.

The aim is to study possible directions of harmonization of the legal regulation of procedural legal capacity and procedural legal competence in modern civil legal proceedings.

In the presented article, the author states that the understanding of procedural legal capacity is conditioned by the specification of who (their own or others') and in what capacity (court, the parties to the case, or other participants) procedural rights and procedural obligations are exercised through procedural actions. Accordingly, the question of whether procedural legal capacity is equivalent to the right to judicial protection is also relevant.

Attention is drawn to the fact that the term "citizens" and other terms of the same group, which define the bearers of procedural legal capacity and procedural legal competence, as specified in the articles of the current domestic civil procedural legislation, do not reflect the procedural status of these individuals. The article also notes that the understanding and legal regulation of civil procedural legal competence in the doctrine are currently more uniform, and it is possible to reveal the substantive features of the legal categories under study only in their interrelation and interdependence.

Keywords: civil proceedings, arbitration proceedings, administrative proceedings, procedural legal capacity, procedural legal competence

For citation: Voitovich L. V. Procedural legal capacity and procedural legal competence: problems of understanding in the doctrine and civil procedure law. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(7):24-37. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.24-37.

Способность иметь права и нести обязанности является необходимым основанием возникновения прав каждого человека и показывает его правовые возможности. Процессуальными правами и процессуальными обязанностями в цивилистическом судопроизводстве наделены лица, которые обладают процессуальной правоспособностью и процессуальной дееспособностью. При этом субъектами цивилистических процессуальных правоотношений являются не только те лица, которые защищают свои права, свободы и законные интересы. Актуальным является рассмотрение взаимосвязи и взаимообусловленности обозначенных явлений с другими, в том числе с правом на судебную защиту, с учетом их исторического развития.

К вопросу о понимании цивилистической процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности в период действия Устава гражданского судопроизводства 1864 г.

В период действия Устава гражданского судопроизводства 1864 г.[1] были сделаны первые шаги по законодательному урегулированию таких правовых явлений, как процессуальная

[1] Судебные уставы 20 ноября 1864 г.: Устав гражданского судопроизводства (далее – УГС 1864 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

правоспособность и процессуальная дееспособность (представлено косвенное упоминание в законодательстве). Так, ст. 17 УГС 1864 г. гласила: «Каждый признается способным отыскивать и защищать в суде свои права». В научных исследованиях цивилистов этого периода предпринимались попытки разграничения правовых категорий правоспособности и дееспособности [1, с. 5].

В. И. Адамович (1856 – ?) подчеркивал: «Так как система судебно-гражданских действий комбинируется из ряда прав и обязанностей и ведет к определенным юридическим последствиям, то понятно – не всякое частное лицо может участвовать в процессе» [2, с. 123]. Автор отмечал, что именно в первые годы действия УГС 1864 г. «…вырабатываются мало по малу известного рода условия, сумма которых объединяется в понятие “способность” к процессу» [2, с. 123]. В. И. Адамович соглашался с тем, что «способность к гражданскому процессу вообще аналогично с материальным гражданским правом заключает в себе понятие процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности. Устав 1864 г. говорит о способности отыскивать и защищать свои права (17 Уст.). Под процессуальной правоспособностью надо разуметь способность явиться в роли *стороны в процесс, вообще способность стать субъектом процессуального отношения, право на судебно-гражданскую защиту*» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – *Л. В.*) [2, с. 123]. Следует отметить, что и в настоящее время ученые и практики рассматривают названные содержательные признаки процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности как значимые. Далее автор заострял внимание на том, что «по действующему законодательству признается способным отыскивать и защищать на суде *свои права* (17, 1287 Уст.: ст.ст. 691, 693, X, 1), т. е. способность эта принадлежит каждому лицу, физическому или юридическому, имеющему возможность обладать гражданскими правами, каждому субъекту прав, насколько закон не устанавливает при том ограничений (ст.ст. 1297, 1298 и прим. 1299 Уст.)» [2, с. 123]. Соответственно В. И. Адамович акцентировал внимание и на том, что цивилистическая процессуальная правоспособность *аналогична правоспособности в материальном праве* и присуща прежде всего тем лицам, которые защищают *свои права* в судопроизводстве, и эту позицию разделяли другие его современники.

По мнению В. И. Адамовича, «от способности на процесс, вообще, необходимо отличать способность на данный процесс, на данное судебное производство. Процессуальная правоспособность есть условие общего характера – это способность на судебно-гражданскую защиту вообще; но для того, чтобы явиться в данном деле, в данном процессе, необходимо и конкретное основание (legitimation ad causam, Sachlegitimation)» [2, с. 123].

Названная В. И. Адамовичем causam и в настоящее время требует научной проработки, поскольку осталась не освещенной в достаточной степени. Процессуалисты-современники рассматривают право на иск как основание обращения за судебной защитой.

Относительно цивилистической процессуальной дееспособности В. И. Адамович считал, что «от способности к процессу или права на судебную защиту вообще и в частности следует отличать еще способность лично участвовать в процессе, вести его, совершать процессуальные действия самому или же в лице представителя – т. н. процессуальную дееспособность (persona legitima standi in indisio). Не всякому лицу она может быть предоставлена» [2, с. 123]. Соответственно, следует признать, что сложившиеся в то время и указанные В. И. Адамовичем представления относительно содержательных признаков процессуальной дееспособности кардинальным изменениям не подверглись и до настоящего времени. Современное национальное цивилистическое процессуальное законодательство исследуемое правовое явление рассматривает именно так – как способность вести дела самолично или посредством альянса с судебным представителем.

Аналогичные позиции были высказаны и другими учеными того периода развития национального цивилистического процессуального права. Так, А. Х. Гольмстен (1848–1920), российский юрист, ординарный профессор, декан юридического факультета и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета, в свое время обращал внимание на то, что следует признать и правоспособность суда, под которой автор понимал *компетенцию суда* в современном значении. А. Х. Гольмстен отмечал: «В деятельности своей суд как орган государственной власти должен подчиняться известным правилам. Но вопрос, при каких условиях суд может действовать, решают правовые споры, т. е. при каких условиях суд правоспособен? Условия правоспособности суда двоякого рода: А) личные: В) предметные…» [3, с. 43].

Соответственно, изложенное показывает, что в качестве «правоспособности» исследователь рассматривал компетенцию и подсудность суда в ее современном значении. При этом, как известно, и в более поздние периоды вопрос о правоспособности суда продолжает оставаться дискуссионным.

В отношении участников цивилистического судопроизводства А. Х. Гольмстен указывал, что «под процессуальной способностью разумеется признанная законом за лицом возможность иметь и осуществлять лично или через представителя (добровольного или законного) процессуальные права (корроларь материальной правоспособности). Но это родовое понятие распадается на два видовых понятия: 1) процессуальная правоспособность: 2) процессуальная дееспособность» [3, с. 129]. Далее автор конкретизировал, что «под процессуальной дееспособностью разумеется признанная за лицом законом способность самолично осуществлять свои процессуальные права и обязанности, иначе говоря, способность к процессуальным действиям в качестве стороны (корроларь материальной дееспособности)» [3, с. 130]. Это показывает, что и А. Х. Гольмстен обращал внимание на спорные вопросы, в том числе и на тождественность процессуальной и материальной правоспособности и дееспособности. Относительно процессуальной дееспособности следует отметить, что ее признаки сложились в этот период развития цивилистического процессуального права и она однозначно определялась как способность своими действиями или через представителя реализовывать свои права, что соответствует и современному пониманию. Тенденции развития представлений об исследуемых явлениях предопределили необходимость конкретизировать отдельные их особенности применительно к субъектам, что позже будет показано в науке и законодательстве.

В начале нового века, в переходный период отечественного государства и права И. Е. Энгельман (1832–1912), российский правовед, заслуженный профессор Дерптского университета, поддерживал своих современников и отмечал, что «условия правоспособности и дееспособности отдельных лиц определяются гражданским правом, из него видно, кому принадлежит право вступать в обязательства. Поэтому новейшие судебные уставы ограничиваются указанием, что лицам, имеющим право вступать в обязательства, принадлежит и судебная дееспособность. В русском У. Гр. С., однако, подробно исчисляются лица, не имеющие права искать и отвечать на суде» [4, с. 151].

Приведенные позиции показывают, что представители науки этого периода развития отечественной процессуальной цивилистики ставили на обсуждение как один из основных вопрос о понимании и близкой связи процессуальной правоспособности и дееспособности с аналогичными правовыми явлениями в гражданском (материальном) праве. Ими предпринимались попытки определить, каким участникам цивилистического судопроизводства принадлежит процессуальная правоспособность и процессуальная дееспособность, а именно: лицам, которые защищают в судопроизводстве свои права, свободы и законные интересы, или также и другим участникам цивилистического процессуального правоотношения, в том

числе и суду. Вместе с тем в науке акцентировалось внимание на отграничении исследуемых правовых явлений от взаимосвязанных.

К вопросу о понимании цивилистической процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности в период действия ГПК РСФСР 1923 г. и ГПК РСФСР 1964 г., АПК РФ 1992 г. и АПК РФ 1995 г.

С. В. Александровский в 1927 г., во время действия ГПК РСФСР 1923 г.[2], отмечал, что «процессуальная правоспособность соответствует гражданской правоспособности»[3]. Исследователь констатировал: «Как последняя представляет из себя (ст. 7 Гражданского кодекса) способность лица обладать гражданскими правами, так и процессуальная правоспособность заключается в возможности быть субъектом процесса, стороной, обладать процессуальными правами»[4]. Автор подчеркивал, что «каждый может быть стороной в процессе в пределах своей гражданской правоспособности»[5]. Далее С. В. Александровский определял, что «процессуальная дееспособность соответствует гражданской дееспособности и состоит в возможности самостоятельно осуществлять свою правоспособность, как личными своими действиями, так и через посредство уполномоченных на это лиц – поверенных, или, иначе говоря, процессуальная дееспособность представляет из себя признаваемую законом за данным лицом способность лица осуществлять принадлежащие ему процессуальные права»[6]. Таким образом, и в обозначенный период развития цивилистического процессуального права революционных изменений относительно понимания процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности не произошло.

В ГПК РСФСР 1923 г. не было закреплено облигаторного правового регулирования понимания и содержания процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности. Относительно последней было упоминание в ст. 13, где указывалось: «По делам лиц, объявленных недееспособными или ограниченными в силу закона в своей дееспособности, иски предъявляются их законными представителями или к их законным представителям». Вместе с тем в ст. 2 ГПК РСФСР 1923 г. было определено, по заявлению каких лиц суд приступает к рассмотрению дела, в связи с чем комментировалось право на иск[7]. При этом в ГК РСФСР 1922 г.[8] появились ст. 4 и 7, в которых были урегулированы правоспособность и дееспособность.

Правовое регулирование процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности впервые в отечественном цивилистическом судопроизводстве было введено в ГПК РСФСР 1964 г.[9] (ст. 31 и 32) и отразило результаты соответствующих научных исследований

---

[2] Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Гражданским процессуальным кодексом РСФСР) // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478. Документ утратил силу.

[3] *Александровский С. В.* Гражданский процесс РСФСР в вопросах и ответах, с разъяснениями НКЮ и Верховного Суда РСФСР. Л. : Рабочий суд, 1927. С. 29.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 30.

[7] *Абрамов С. Н., Лебедев В. Н.* Гражданский процессуальный кодекс РСФСР с постатейно-систематизированными материалами. М. : Сов. законодательство, 1931. С. 44.

[8] Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с Гражданским кодексом РСФСР) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904. Документ утратил силу.

[9] Закон РСФСР от 11 июня 1964 г. (ред. от 21.03.1991) «Об утверждении Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407. Документ утратил силу.

цивилистов и позиции, сложившиеся в судебной практике. В советское время развития нашего государства перед цивилистами-процессуалистами, которые занимались исследованием заявленной проблематики, стояли те же вопросы, которые обсуждались и ранее, а также были выявлены новые содержательные признаки и характеристики обсуждаемых правовых явлений, в том числе: соотношение правовых категорий правосубъектность, а также процессуальная правоспособность и процессуальная дееспособность; паритет этих правовых категорий в материальном и процессуальном праве; контекст процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности; круг субъектов цивилистического процессуального правоотношения, на которых распространяются процессуальная правоспособность и процессуальная дееспособность; с какого момента возникают процессуальная правоспособность и дееспособность; правовые последствия отсутствия правоспособности и дееспособности в судопроизводстве и другие. Необходимо признать, что большинство обозначенных проблемных вопросов остались без разрешения.

Рассматривая корреляцию правовых объектов (категорий), многие ученые согласились с тем, что понятие процессуальной правосубъектности включает в себя как составляющие процессуальную правоспособность и процессуальную дееспособность [1, с. 6]. Резюмировалась обусловленность, но не идентичность материальной и процессуальной правоспособности и дееспособности. Вопросы о правовых последствиях отсутствия процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности продолжают оставаться дискуссионными и недостаточно урегулированными.

Проблема круга субъектов цивилистического процессуального правоотношения, на которых распространяются процессуальная правоспособность и процессуальная дееспособность, в науке была представлена несколькими позициями. Так, известный исследователь Д. М. Чечот в 1960 г. отмечал, что «гражданской процессуальной правоспособностью обладают все *субъекты гражданского процессуального права*. У некоторых субъектов гражданского процессуального права возникновение процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности совпадает (суд, прокуратура, органы государственного управления, юридические лица, участвующие в процессе в качестве сторон и третьих лиц» [5, с. 103]. Также автор заострял внимание на том, что «процессуальная правоспособность и дееспособность суда, как органа, осуществляющего правосудие, прокуратуры, осуществляющей надзор за законностью, органов государственного управления, дающих заключение по делу, юридических лиц, выступающих в качестве сторон, третьих лиц, возникает в момент организации указанных органов» [5, с. 103].

Известный цивилист-процессуалист М. С. Шакарян в 1972 г. констатировала, что «процессуальная правоспособность не может быть сведена к способности быть стороной по своему или чужому делу. Закон в равной мере предусматривает возможность быть третьим лицом или иным участником процесса» [6, с. 11]. Исследуя вопрос о соотношении правоспособности и компетенции, М. С. Шакарян отрицательно оценила взгляды исследователей, считающих эти понятия равнозначными. Самое цитируемое ее научное суждение заключается в том, что «к суду, прокурору, органам государственного управления, ко всем органам, защищающим в процессе от своего имени чужой интерес, а также к общественности понятие процессуальной правоспособности *не применимо*» [6, с. 13]. М. С. Шакарян констатировала, что «совокупность наличных прав и обязанностей этих органов, в том числе и процессуальных, составляет компетенцию в определенной сфере государственной власти и управления либо общественной жизни, в которых выражены государственные функции, а не правоспособность» [6, с. 13]. Далее автор подчеркнула, что «реализация правоспособности порождает *субъективные* права и обязанности у участников правоотношения. Реа-

лизация же компетенции *никаких субъективных прав и обязанностей* для ее носителей не создает» [6, с. 13].

Следует вспомнить еще одну важнейшую позицию М. С. Шакарян, которая является ориентиром для развития и современного цивилистического процессуального законодательства: «Распространенное в теории положение об отсутствии в законе ограничений гражданской процессуальной правоспособности верно лишь в отношении возможности быть стороной или третьим лицом. Возможность быть представителем, свидетелем, экспертом в известных пределах ограничена (ст. 47, п. 2 ст. 61, п. 3 ст. 20 ГПК РСФСР)» [6 с. 13]. Гражданскую процессуальную дееспособность М. С. Шакарян определяла как «способность лично, своими действиями осуществлять процессуальные права и обязанности с *целью защиты в суде субъективных прав и охраняемых законом интересов*» [6, с. 14].

Яркий представитель научного сообщества того времени П. Ф. Елисейкин считал, что «гражданская процессуальная правоспособность участников цивилистического судопроизводства обусловлена их интересами и целями участия в деле и, соответственно, не является одинаковой по содержанию»[10]. По его мнению, «гражданская процессуальная правоспособность может быть определена как обеспеченная законом возможность граждан, организаций и органов управления иметь гражданские процессуальные права и обязанности в зависимости от характера их заинтересованности и целей их участия в процессе»[11]. П. Ф. Елисейкин отмечал, что «суд в гражданском процессе обладает не способностью иметь гражданские процессуальные права и обязанности, а, как любой орган власти, выступает носителем компетенции – совокупностью властных полномочий по разрешению данного дела»[12]. «Под компетенцией суда он понимает совокупность прав и обязанностей, возникающих у него с момента его образования как органа власти и имеющихся у него в наличии вплоть до упразднения. Содержание компетенции составляют властные полномочия, которыми его наделяет государство для осуществления поставленных перед ним задач и целей. Такими правами и обязанностями суд наделяется в его взаимоотношениях с государством, а равно со всеми, кого касается его деятельность. Основное право (и обязанность) суда состоит в осуществлении правосудия по гражданским делам и рассмотрении иных дел, отнесенных к его ведению»[13].

Известный представитель процессуальной цивилистики того времени Л. А. Ванеева также отмечала, что «суд как субъект процессуальных отношений характеризуется тем, что закон устанавливает для него определенный круг прав и обязанностей, составляющий его компетенцию. Для характеристики суда как субъекта правоотношений неприемлема такая правовая категория, как правоспособность. Поскольку для суда как органа государственной власти характерны властные действия, властные полномочия, его правовое положение не может быть охарактеризовано правоспособностью»[14]. «Как субъект процессуальных правоотношений суд характеризуется тем, что он наделен полномочиями, позволяющими занимать руководящее положение в процессуальных отношениях. Поскольку осуществление правосудия – это не только право, но и обязанность суда, для выполнения этой обязанно-

---

[10] *Елисейкин П. Ф.* Гражданские процессуальные правоотношения : учеб. пособие. Ярославль : Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1975. С. 30.

[11] Там же. С. 33.

[12] Там же. С. 27.

[13] Там же.

[14] *Ванеева Л. А.* Гражданские процессуальные правоотношения : учеб. пособие. Владивосток : Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1974. С. 27.

сти он должен обладать властными полномочиями»[15]. Далее, соглашаясь с Н. А. Чечиной, Л. А. Ванеева отметила, что «нет необходимости, да и неправильно, различать гражданскую процессуальную правоспособность и дееспособность органов государственного управления, прокурора, представителей, свидетелей и т. п. Что же касается сторон в процессе, третьих лиц, то для них возможность обладания правом не всегда означает возможность осуществления этого права своими действиями»[16].

Изложенное показывает, что большинство цивилистов-процессуалистов советского периода развития отечественного права признавали процессуальную правоспособность и процессуальную дееспособность только за сторонами и третьими лицами как участниками судопроизводства. В этот период впервые были законодательно урегулированы правовые последствия отсутствия у лиц процессуальной правоспособности и дееспособности[17], что обсуждалось также и в науке. Вместе с тем в процессуальном законодательстве *как основание для отказа в принятии заявления в п. 8 ст. 129 ГПК РФСР было закреплено только следующее: «если заявление подано недееспособным лицом».* При этом комментируемое основание не препятствовало повторному обращению в суд с заявлением по тому же делу, если будет устранено обозначенное обстоятельство (абз. 4 ст. 129). При такой ситуации в ходе судебного разбирательства суд обязан был оставить заявление без рассмотрения согласно п. 2 ч. 1 ст. 221 ГПК РСФСР 1964 г.).

Учитывая содержательное наполнение ст. 31 ГПК РСФСР 1964 г., гражданской процессуальной правоспособностью законодателем наделялись все субъекты гражданского процессуального правоотношения, в том числе суд, лица, участвующие в деле, и лица, содействующие осуществлению правосудия. Такой вывод логичен, поскольку все эти субъекты наделены совокупностью гражданских процессуальных прав и обязанностей.

Примечательно, что в АПК РФ 1992 г. [18] и АПК РФ 1995 г. [19] отдельных статей, регулирующих правоспособность и дееспособность в арбитражном судопроизводстве, не содержалось. В них только ст. 2 и ст. 4 соответственно устанавливали перечень субъектов, имеющих право на обращение в суд. О процессуальной дееспособности косвенно упоминалось в ч. 2 ст. 48 АПК РФ 1995 г. В этот период ученые и практики признавали минимальную значимость исследуемых правовых объектов.

К вопросу о современном понимании в науке и правовом регулировании цивилистической процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности

С принятием новых ГПК РФ 2002 г., АПК РФ 2002 г. и позже КАС РФ 2015 г. сохранились проблемы понимания цивилистической процессуальной доктриной и правового уре-

---

[15] *Ванеева Л. А.* Указ. соч. С. 28.

[16] Там же. С. 31.

[17] Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р. Ф. Каллистратовой, В. К. Пучинского. М. : Юрид. лит., 1965. С. 51; *Кипнис С. С., Трубников П. Я.* Постатейно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР. М. : Юрид. лит., 1971. С. 31–32; Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / под ред. М. К. Треушникова. М. : Городец, 1999. С. 31–32; *Рыжаков А. П., Сергеев Д. А.* Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР. М. : Статут, 1999. С. 88.

[18] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2447-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 16. Ст. 836. Утратил силу.

[19] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 19. Ст. 1709. Утратил силу.

гулирования процессуальной правоспособности, и процессуальной дееспособности. При этом стремительное развитие общественных отношений приводит к тому, что в теории права и отраслевых науках материального права обсуждаются новые правовые явления, в том числе такие современные категории, как «квазиправосубъектность» [7, с. 5] и другие, что указывает на необходимость продолжения научных исследований и приведения действующего процессуального законодательства в соответствие с реалиями.

Р. Ф. Каллистратова в 2004 г. отмечала, что в процессуальной науке возможность стать участником цивилистического судопроизводства рассматривалась по-разному: «Для некоторых исследователей это явление охватывается понятием правоспособности, для других оно фигурирует под названием правового статуса для граждан или компетенции, правосубъектности у органов правосудия, организаций; третьи включают его в понятие субъективного права» [8, с. 346]. Р. Ф. Каллистратова обратила внимание на то, что формулировки ст. 31 ГПК РСФСР и ст. 36 ГПК РФ 2002 г. свидетельствуют о том, что они сложились под влиянием цивилистических позиций и в основном увязываются с правоспособностью и дееспособностью только сторон и третьих лиц. По мнению автора, «ст. 43 АПК РФ 2002 г. практически исходит из тех же цивилистических позиций, но ее месторасположение в гл. 5 позволяет сделать вывод о том, что ее содержание более широко, в ней говорится вообще о процессуальной дееспособности, включая всех лиц, участвующих в деле, а также сам арбитражный суд» [8, с. 346]. Ученый утверждала, что «субъектами арбитражно-процессуальных правоотношений могут быть те, кого закон наделил процессуальной правоспособностью, которая трактуется как предусмотренная законом возможность иметь процессуальные права и обязанности, о которых речь идет в ст. 41 АПК РФ 2002 г. и которые вправе вступать в процесс по конкретному делу в роли лиц, перечисленных в ст. 40 АПК РФ 2002 г.» [8, с. 347].

Р. Ф. Каллистратова также проанализировала соотношение понятий – правоспособности в материальном и процессуальном праве. Так, она считала, что «процессуальная правоспособность носит самостоятельный характер и не зависит только от гражданской материальной правоспособности. В порядке арбитражного судопроизводства защищаются не только экономические интересы, вытекающие из гражданских правоотношений, но и административные и иные публичные права и интересы. Кроме того, процессуальная правоспособность самого арбитражного суда, прокурора, свидетелей и некоторых иных субъектов – участников процесса вообще не связана с их гражданской правоспособностью. Эти субъекты наделены возможностью иметь процессуальные права и обязанности не как “обладающие согласно федеральному закону правом на судебную защиту своих прав и интересов”, а как органы, осуществляющие правосудие; выступающие в установленных законом случаях от своего имени в защиту прав и интересов иных лиц; оказывающие содействие осуществлению правосудия» [8, с. 347].

В современной науке цивилистического процессуального права появились новейшие работы, в которых поддерживаются ранее разработанные позиции. Так, Е. С. Ананских отстаивает целесообразность закрепить на законодательном уровне дефиницию, определяющую гражданскую процессуальную правоспособность, дополнив ст. 36 ГПК РФ нормой следующего содержания: «Гражданская процессуальная правоспособность – это возможность приобретения совокупности процессуальных прав, предоставляемых нормативными актами Российской Федерации, международными актами, а также прав, которые законом прямо не предусмотрены, но не противоречат общим началам и смыслу гражданского процессуального законодательства, и способность исполнения обязанностей, связанных с данными правами» [9, с. 9].

Д. Ю. Ионова обосновывает позицию, согласно которой «гражданская процессуальная дееспособность относится к тем субъектам гражданских процессуальных правоотношений,

которые участвуют в процессе для защиты своих прав и интересов, то есть участвуют в качестве сторон, третьих лиц, заявителей и заинтересованных лиц» [10, с. 7]. Распространение понятия гражданской процессуальной дееспособности на иных субъектов гражданских процессуальных правоотношений – свидетелей, экспертов, переводчиков, суд, прокурора – приводит, по мнению автора, «…к изменению содержания понятия гражданской процессуальной дееспособности, определенной самим законом, ст. 37 ГПК РФ: из него придется исключить указание на право поручать ведение дела в суде представителю, поскольку указанные субъекты не могут действовать в процессе через представителей» [10, с. 7]. По мнению Д. Ю. Ионовой, «при таком распространении понятия гражданской процессуальной дееспособности перестают действовать правила ст. 37 ГПК РФ, определяющие время возникновения процессуальной дееспособности, а самим авторам, придерживающимся рассматриваемой позиции, его определить не удается. Попытки определить, в чем заключается содержание процессуальной дееспособности суда, процессуальной дееспособности свидетеля, процессуальной дееспособности эксперта и т. д., приводят к тому, что понятие процессуальной дееспособности утрачивает свое единство и конструируется множество гражданских процессуальных дееспособностей» [10, с. 7].

Таким образом, и современные цивилисты-процессуалисты верифицируют позиции предшественников и рассматривают процессуальную правоспособность и процессуальную дееспособность как свойственные только сторонам и третьим лицам (заинтересованным лицам), которые выступают участниками цивилистического судопроизводства. При этом в настоящее время одним из наиболее актуальных остается вопрос о соотношении процессуальной правоспособности и права на судебную защиту.

Современное правовое регулирование цивилистической процессуальной правоспособности и дееспособности

Следует отметить, что эти правовые категории урегулированы в разных главах процессуальных кодексов. Так, в ГПК РФ и АПК РФ процессуальная правоспособность и процессуальная дееспособность урегулированы в главах, которые посвящены лицам, участвующим в деле, и иным участникам судопроизводства (ст. 36 и 37 гл. 4 ГПК РФ; ст. 43 гл. 5 АПК РФ), а в КАС РФ – в главе, которая раскрывает основные положения (ст. 5 гл. 1).

Признаки процессуальной правоспособности по ст. 36 ГПК РФ заключаются в следующем: она признается в равной мере за всеми гражданами и организациями, обладающими согласно законодательству Российской Федерации правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов. При этом законодатель не акцентирует внимание на том, чьи права защищают граждане и организации, но связывает процессуальную правоспособность с правом на судебную защиту.

Содержание процессуальной правоспособности по ч. 1 ст. 43 АПК РФ отличается тем, что закон определяет ее как *способность* иметь процессуальные права и нести процессуальные обязанности. Далее законодательно установлено, что она *признается* в равной мере за *всеми организациями и гражданами*, обладающими согласно федеральному закону *правом на судебную защиту в арбитражном суде своих прав и законных интересов.* Получается, что арбитражное процессуальное законодательство, в отличие от гражданского процессуального законодательства, акцентирует внимание на том, что не всем участникам арбитражного судопроизводства принадлежит процессуальная правоспособность, а только тем, которые защищают *свои права и законные интересы.* Таким же образом урегулирована процессуальная правоспособность в действующем КАС РФ (ч. 1 ст. 5). Здесь признается процессуальная правоспособность, кроме граждан, за такими субъектами, как *органы госу-*

дарственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, их должностные лица, общественные объединения, религиозные и иные организации, в том числе некоммерческие, а также общественные объединения и религиозные организации, не являющиеся юридическими лицами, что безусловно продиктовано спецификой подлежащих защите прав в административном судопроизводстве.

Современное правовое регулирование общих положений относительно ***процессуальной дееспособности*** по ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ представлено в основном единообразно. Понимание законодателем процессуальной дееспособности сведено к тому, что это *способность* своими действиями осуществлять процессуальные права, в том числе поручать ведение дела представителю, и исполнять процессуальные обязанности (ч. 1 ст. 37 ГПК РФ; ч. 2 ст. 43 АПК РФ; ч. 2 ст. 5 КАС РФ).

Круг субъектов, которым принадлежит процессуальная дееспособность, определен различно. Так, в ч. 2 ст. 43 АПК РФ установлено, что процессуальная дееспособность принадлежит в арбитражном суде организациям и гражданам. В части 1 ст. 37 ГПК РФ акцентировано внимание на том, что она принадлежит в полном объеме только тем гражданам, которые *достигли возраста восемнадцати лет*. В КАС РФ конкретизирован состав субъектов, на которых распространяется процессуальная дееспособность, и кроме названных выше указаны органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, *избирательные комиссии*, *комиссии референдума*, общественные объединения, религиозные и иные организации, в том числе некоммерческие (п. 1 и 3 ч. 2 ст. 5). В таком контексте усматривается, что, в отличие от процессуальной правоспособности, процессуальная дееспособность в административном судопроизводстве распространяется на дополнительных необходимых субъектов, а именно на *избирательные комиссии*, *комиссии референдума.* Вместе с тем согласно п. 4 ч. 2 ст. 5 КАС РФ в отношении ряда субъектов установлено, что они наделяются процессуальной дееспособностью, если они согласно законодательству *могут* участвовать по административным делам, возникающим из спорных административных и иных публичных правоотношений. Такими субъектами названы общественные объединения и религиозные организации, не являющиеся юридическими лицами.

Следует отметить, что термин «граждане» и другие, приведенные в ст. 36 и 37 ГПК РФ, ч. 1 и 2 ст. 43 АПК РФ, ч. 1 и 2 ст. 5 КАС РФ, не отражают процессуального положения указанных лиц, т. е. того положения, которое они занимают в процессуальном правоотношении. При этом очевидна необходимость единообразного правового урегулирования субъектного состава лиц, наделенных процессуальной правоспособностью и процессуальной дееспособностью во всех отечественных цивилистических процессуальных кодексах.

Некоторые аспекты правового регулирования цивилистической процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности в странах СНГ

Сравнивая современное правовое регулирование процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности в цивилистическом процессуальном законодательстве стран СНГ, необходимо отметить, что в законах некоторых из них отсутствует прямое указание на применимость обсуждаемых категорий только к субъектам, которые защищают свои права, свободы и законные интересы. Такой подход принят в ст. 56 нового Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г.[20], в ст. 44 и 45 Гражданско-

[20] URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk2400359.

го процессуального кодекса Республики Казахстан от 31 октября 2015 г.[21], в ст. 48 и 49 Гражданского процессуального кодекса Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г.[22], в ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения от 27 февраля 2018 г.[23], в ст. 41 и 42 Гражданского процессуального кодекса Республики Узбекистан от 22 января 2018 г.[24]

При этом в ст. 38 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики от 25 января 2017 г.[25] установлено отличное от изложенных выше правило, согласно которому гражданская процессуальная правоспособность признается только за лицами, «обладающими согласно законодательству Кыргызской Республики правом на судебную защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов». Аналогично представлено регулирование в ст. 38 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан от 5 января 2008 г.[26]: «Гражданская процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами и юридическими лицами, обладающими согласно законодательству Республики Таджикистан правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов».

В статье 57 Гражданского процессуального кодекса Республики Молдова от 30 мая 2003 г.[27] установлено, что «гражданская процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми физическими лицами и организациями, обладающими согласно закону правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов». В этой же статье установлено особенное правило, которое отсутствует в отечественном и зарубежных законодательствах, согласно которому «на отсутствие процессуальной правоспособности может быть обращено внимание в любой стадии процесса. Процессуальные действия, совершенные неправоспособным лицом, являются недействительными» (ч. 2). Последняя формулировка является оправданной, поскольку, несмотря на отсутствие законодательного урегулирования, наука материального права обоснованно показывает, что необходимо признать разный объем правоспособности у некоторых категорий граждан.

В связи с этим необходимо вспомнить, в частности, позицию Т. Ю. Удовиченко, согласно которой «правоспособность недееспособных граждан не является одинаковой по объему с правоспособностью дееспособных и более ограничена по сравнению с правоспособностью граждан, признанных в установленном законом порядке ограниченно дееспособными. Как субъекты права недееспособные имеют правоспособность в неполном объеме. Они не обладают той способностью (возможностью) иметь всеобщие и равные для всех права и обязанности, которые могут быть осуществлены только лично и исполнение которых не может возлагаться на других лиц» [11, с. 9].

Заключение

Таким образом, взаимосвязанность процессуальной правоспособности с правом на судебную защиту показана в отечественном процессуальном законодательстве в действующих АПК РФ (ч. 1 ст. 43) и КАС РФ (ч. 1 ст. 5), а также в ГПК Кыргызской Республики (ст. 38),

---

[21] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053.
[22] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420065.
[23] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32429308.
[24] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36307998.
[25] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33430670.
[26] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30410757.
[27] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397949&doc_id2=30397949#activate_doc=2&pos=79;-88.19999694824219&pos2=1108;-76.19999694824219.

ГПК Республики Таджикистан (ст. 38), ГПК Республики Молдова (ст. 57). При этом право быть участником процессуального правоотношения и право на обращение в суд (в своих или чужих интересах) – это не одно и то же.

Относительно понимания и содержания процессуальной дееспособности цивилистическое процессуальное законодательство Российской Федерации и стран СНГ в основном показывает единообразный подход. Всего два из названных нормативных правовых акта вводят правила о процессуальной правоспособности и дееспособности в главах, которые посвящены общим положениям (вслед за правом на судебную защиту), – ст. 5 КАС РФ и ст. 2 ГПК Республики Армения.

Сложности понимания цивилистической процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности носят многоаспектный характер, поскольку связаны с представлениями относительно этих правовых явлений, сложившимися в теории права и отраслевых науках материального права. Очевидно, что прогрессивное судопроизводственное законодательство в цивилистической сфере требует гармонизации в части правового урегулирования правоспособности и дееспособности.

Термин «граждане» и другие термины этой же группы, которые определяют носителей процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности, указанные в ст. 36 и 37 ГПК РФ, ч. 1 и 2 ст. 43 АПК РФ, ч. 1 и 2 ст. 5 КАС РФ, не отражают процессуального положения указанных лиц, т. е. того положения, которое они занимают в цивилистическом процессуальном правоотношении, и, соответственно, требуют ротации на целесообразные.

Вместе с тем понимание и правовое регулирование цивилистической процессуальной дееспособности носят более единообразный характер. При этом раскрыть содержание процессуальной правоспособности возможно только во взаимосвязи с процессуальной дееспособностью.

Список источников

1. Исаева Т. В. Становление и формирование институтов гражданской правоспособности и дееспособности в России XIX – начала XX века : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 25 с.

2. Адамович В. И. Пособие к лекциям русского гражданского судопроизводства. СПб. : Кн. магазин А. Ф. Цинзерлинга, 1891. 401 с.

3. Гольмстен А. Х. Гражданское судопроизводство : лекции проф. Гольмстена. Курс 1 кл. Имп. учща правоведения. 1882–83 г. Ч. [1]–2. СПб., 1883. 179 с.

4. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства : учеб. 3-е изд., испр. и доп. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. XVI, 632 с.

5. Чечот Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 616 с.

6. Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального правоотношения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1972. 42 с.

7. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 32 с.

8. Каллистратова Р. Ф. Избранные труды по арбитражному и гражданскому процессам. Краснодар : Сов. Кубань, 2007. 768 с.

9. Ананских Е. С. Гражданская правоспособность и гражданская процессуальная правоспособность юридического лица: понятие и соотношение : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 32 с.

10. Ионова Д. Ю. Гражданская процессуальная дееспособность : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 30 с.

11. Удовиченко Т. Ю. Правоспособность физических лиц по российскому гражданскому праву : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 22 с.

References

1. Isaeva T. V. *The formation and development of institutions of civil legal capacity and legal competence in Russia in the 19th and early 20th centuries*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov; 2001. 25 p. (In Russ.)

2. Adamovich V. I. *A manual for lectures on Russian civil procedure.* St. Petersburg: A. F. Tsinzerling's bookstore; 1891. 401 p. (In Russ.)

3. Golmsten A. Kh. *Civil proceedings*. Lectures. Course 1 class of Imperial College of Law. 1882–83. Pt. [1]–2. St. Petersburg; 1883. 179 p. (In Russ.)

4. Engelman I. E. *Course of Russian civil procedure*. Textbook. 3rd ed., rev. and add. Yuryev: Printing House of K. Mattisen; 1912. XVI, 632 p. (In Russ.)

5. Chechot D. M. *Selected works on civil procedure*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University; 2005. 616 p. (In Russ.)

6. Shakaryan M. S. *Subjects of Soviet civil procedure law.* Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1972. 42 p. (In Russ.)

7. Ponomareva E. V. *Subjects and quasi-subjects of law: theoretical and legal issues of delineation.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg; 2019. 32 p. (In Russ.)

8. Kallistratova R. F. *Selected works on arbitration and civil proceedings*. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'; 2007. 768 p. (In Russ.)

9. Ananskikh E. S. *Civil legal capacity and civil procedural legal capacity of a legal entity: concept and relationship*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov; 2005. 32 p. (In Russ.)

10. Ionova D. Yu. *Civil procedural capacity*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2009. 30 p. (In Russ.)

11. Udovichenko T. Yu. *Legal capacity of individuals under Russian civil law*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Rostov-on-Don; 2003. 22 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. В. Войтович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процессуального права.

Information about the author

L. V. Voitovich – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Head of the Civil Procedure Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 12.05.2026.

Российское правосудие. 2026. № 7. С. 38–47
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 7. P. 38–47
УДК 349.227 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.7.38-47

Научная статья

Соглашение сторон о расторжении трудового договора в свете концепции сделок в трудовом праве
(по материалам судебной практики)

Дмитрий Владимирович Агашев
Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Симферополь, Российская Федерация, agajur@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5376-6091

Аннотация. Гармонизация юридических конструкций в отраслях частного и частно-публичного права требует поиска общности категорий, некоего интеграционного поля, которым вполне может служить цивилистическая теория сделок. В существующей системе фактов, определяющих прекращение трудового правоотношения, недостаточность правового регулирования (п. 1 ст. 77, ст. 78 ТК РФ) генерирует проблемы, которые трудно решить лишь на отраслевой основе. Они должны становиться предметом для межотраслевого анализа, совершенствования правоприменительных компетенций и выработки интегральных подходов. Целью работы является поиск эффективных моделей правового регулирования и правореализации, а также совершенствование способов защиты права, отвечающих интересам субъектов трудового права. Задачи исследования сводятся к анализу сущности соглашения (юридического факта), имеющего признаки сделки как межотраслевого феномена, в том числе описанию ее структурных элементов с учетом трудоправовой специфики, а также включают некоторые предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности в этой области.
Исследование основано на общедоступных источниках информации, включающих специальную литературу, нормативные правовые акты и судебную практику, с применением общенаучных (теоретического и эмпирического уровня: диалектический, системно-структурный, наблюдение, описание) и специально-юридических (сравнительно-правовой, формально-юридический, правового моделирования) методов исследования.
Обосновывается необходимость совершенствования отдельных положений трудового законодательства России, обеспечения системности судебной практики по рассматриваемой проблеме. Сделан вывод о том, что соглашение о расторжении трудового договора целесообразно описывать в контексте конструкции сделки. Выделены и анализируются ее структурные элементы, а также условия, обеспечивающие ее признание как надлежащего факта. Обоснована целесообразность закрепления в ТК РФ требования письменной формы соглашения. При несоблюдении письменной формы и в случае оспаривания работником увольнения должна быть принята презумпция недостижения соглашения, которую работодателю нужно опровергнуть при рассмотрении индивидуального трудового спора.

Ключевые слова: соглашение, трудовой договор, расторжение, сделка в трудовом праве, работник, работодатель, трудовое право, способ защиты, аннулирование, недействительность

Для цитирования: Агашев Д. В. Соглашение сторон о расторжении трудового договора в свете концепции сделок в трудовом праве (по материалам судебной практики) // Российское правосудие. 2026. № 7. С. 38–47. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.38-47.

© Агашев Д. В., 2026

Original article

The Parties' Agreement on the Termination of an Employment Contract in the Light of the Concept of Transactions in Labor Law (Based on the Materials of Case Practice)

Dmitry V. Agashev

Crimean Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Simferopol, Russian Federation, agajur@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5376-6091

Abstract. The harmonization of legal structures in the branches of private and public-private law requires the search for a commonality of categories, a kind of integration field, which the civil theory of transactions may well serve. In the existing system of facts determining the termination of an employment relationship, the lack of legal regulation (Par. 1 of Art. 77, Art. 78 of the Labor Code of the Russian Federation) generates problems that are difficult to solve only on an industry basis. They should be the subject of cross-sectoral analysis, improvement of law enforcement competencies and development of integral approaches.

The aim of the work is to search for effective models of legal regulation and legal implementation, as well as to improve ways of protecting the law that meet the interests of subjects of labor law. The objectives of the study are to analyze the essence of an agreement (a legal fact) that has the characteristics of a transaction as an interdisciplinary phenomenon, including a description of its structural elements, taking into account labor law specifics, and also includes some proposals for improving legislation and law enforcement in this area.

The research is based on publicly available sources of information, including specialized literature, regulatory legal acts and judicial practice, using general scientific (theoretical and empirical levels: dialectical, system-structural, observation, description) and special legal methods (comparative legal, formal legal, legal modeling) research.

The necessity of improving certain provisions of the Russian labor legislation and ensuring the consistency of judicial practice on the issue under consideration is substantiated. It is concluded that it is advisable to describe an agreement on termination of an employment contract in the context of the transaction structure. Its structural elements are identified and analyzed, as well as the conditions ensuring its recognition as a proper fact. The opinion is expressed on the expediency of fixing the requirement on the written form of the agreement in the Labor Code of the Russian Federation. In case of non-compliance with the written form and in case the employee disputes the dismissal, the presumption of failure to reach an agreement must be accepted, which the employer must refute when considering an individual labor dispute.

Keywords: agreement, employment contract, termination, transaction in labor law, employee, employer, labor law, method of protection, annulment, invalidation

For citation: Agashev D. V. The parties' agreement on the termination of an employment contract in the light of the concept of transactions in labor law (based on the materials of case practice). *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(7):38-47. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.38-47.

Лаконичность предписаний трудового законодательства применительно к соглашению сторон о расторжении трудового договора (п. 1 ст. 77, ст. 78 ТК РФ) при внешней простоте порождает трудности их практической реализации, а потому требует специального, в том числе междисциплинарного, анализа. Концептуально любое соглашение допустимо анализировать в контексте теории сделок, ведь соответствующее явление как действие сторон, способное порождать определенный правовой результат (юридический факт), в структурном и функциональном смыслах должно быть вполне типично и для трудового права. Разумеется, речь не идет о механическом заимствовании приемов гражданско-правового регулирования [1], что не допускается даже по аналогии, поскольку в трудовом законодательстве доминирует принцип квалифицированного молчания законодателя [2], что отражено и в судебной практике[1]. Тем не

[1] См., например, определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2008 г. № 5-В08-84, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 48-В09-13. Доступ из СПС «Гарант».

менее трудовому праву требуется собственная адаптированная модель регламентации сделок, учитывающая специфику взаимоотношений работника и работодателя, чему должна предшествовать кропотливая научная работа, описывающая указанное правовое явление именно в отраслевом контексте.

Прежде чем обратиться к структурному анализу соответствующего юридического факта, следует уточнить применяемую в ТК РФ терминологию. Понятия «расторжение» и «прекращение» трудового договора используются законодателем без их содержательного разграничения. В трудоправовой доктрине термин «прекращение» обычно ассоциируется с последствиями воздействия на трудовое обязательство любых признаваемых ТК РФ юридических фактов (фактических составов), в то время как понятие «расторжение» отражает группу оснований прекращения, выраженных в действиях сторон. Этим разграничение обычно исчерпывается, хотя использование разных терминов для характеристики одинаковых правовых последствий вряд ли можно считать оптимальным с точки зрения законодательной техники. В практическом же плане современное трудовое законодательство не предлагает адекватных моделей для отражения различия между ними.

В этом смысле размежевание указанных понятий могло бы получить более очевидный практический смысл, если ввести в отраслевой механизм правового регулирования новацию в виде института *восстановления* трудового правоотношения. Конструкция восстановления правоотношения представлялась бы вполне логичной, в частности, в тех случаях, когда его прекращение произошло по независящим от сторон обстоятельствам, впоследствии оказавшимся не соответствующими действительности фактами (оспоренные и отмененные ограничения на занятие определенными видами трудовой деятельности; ошибочные сведения в документах о медицинских осмотрах или в медицинских рекомендациях; явка лица, признанного безвестно отсутствующим или умершим, и т. п.). В этом случае у работодателя в течение разумного срока после прекращения (скажем, в пределах 3–6 месяцев) могла бы появиться возможность в рамках материальной процедуры по просьбе уволенного работника восстанавливать обязательство в том же состоянии, которое было до момента его прекращения (*правопродолжение*). Разумеется, было бы нецелесообразным и недопустимым с точки зрения обеспечения баланса интересов возложение на работодателя соответствующей обязанности, в том числе с использованием приказного производства, поскольку работодатель «…в целях эффективной экономической деятельности и рационального управления имуществом самостоятельно, под свою ответственность принимает необходимые кадровые решения»[2].

Но соглашение о расторжении трудового договора как двусторонний волевой акт направлено прежде всего на *завершение действия трудового договора в качестве средства правового регулирования.* В данном случае нужно согласиться с мнением о том, что сущность трудового договора не должна исчерпываться признанием его только юридическим фактом (сделкой), ведь договор (как средство правового регулирования) также содержит индивидуально согласованные сторонами непосредственные условия, которыми могут порождаться специфические субъективные права и обязанности[3], не существующие вне этого договора и создаю-

---

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (абз. 2 п. 10). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2023 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. Ф. Нестеренко» (п. 2). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

щие для сторон нетипичную модель поведения, в том числе на неопределенное время[4]. Поэтому, описывая соглашение о расторжении трудового договора в контексте категории сделки, нетрудно убедиться, что этот юридический факт определенно выделяется в ряду иных оснований прекращения трудового правоотношения. Во-первых, предполагается (и это подтверждает судебная практика[5]), что «преодолеть» расторжение трудового договора по соглашению сторон невозможно, не прибегнув к судебному разбирательству и анализу обстоятельств, в которых формировалась воля контрагентов и, главным образом, работника. Это делает необходимым осуществление оценки элементов сделки на наличие в них пороков.

Во-вторых, надо полагать, все иные действия участников (односторонние или согласованные), которые после вступления в силу соответствующего соглашения могли быть ими совершены, не должны и не могут иметь обратной силы, формировать или изменять условия расторгнутого трудового договора. В таком случае предполагается *невозможность правопродолжения*, когда стороны вправе лишь заключить новый трудовой договор, создав на будущее время иную индивидуальную модель поведения, не имеющую связи с предыдущей. Возвращение к прежнему обязательству возможно при таких обстоятельствах лишь путем оспаривания соглашения исключительно в судебной форме[6] в рамках искового производства с применением восстановления на работе как способа защиты права. Но этот механизм определенно противопоставлялся бы приведенной ранее конструкции несудебного бесспорного восстановления прекращенного трудового обязательства.

Если же речь будет идти о судебном доказывании фактов, обосновывающих неправомерность прекращения трудового правоотношения соглашением сторон, непременно ставятся вопросы о полноте структуры соответствующего юридического факта, а также о его функциональности в части порождения ожидаемых правовых последствий (о возможных пороках отдельных элементов). Начать следует с анализа субъективного компонента этой сделки.

Субъектный состав здесь определен и представлен исключительно правосубъектными работником и работодателем как сторонами трудового правоотношения. Однако не вполне понятной видится ситуация с лицами, заключившими трудовой договор с нарушением установленных трудовым законодательством правил. Существующая в настоящее время модель в силу отсутствия в трудовом праве института недействительности трудового договора предполагает использование законодателем правовой фикции, когда трудовое обязательство считается возникшим при неправосубъектных исполнителе[7] (ч. 1 ст. 84 ТК РФ) и (или) работодателе (второе предложение абз. 2 ч. 5 ст. 20 ТК РФ). Полагаю, в этих случаях, хотя законодатель и предусмотрел для такого неординарного правоотношения специальные предпосылки для изменения и прекращения (ст. 84 ТК РФ), он все же прямо не ограничивает право сторон расторгнуть трудовой договор по их соглашению, хотя теоретически данная конструкция все же не оптимальна.

---

[4] См.: [3, с. 151–153; 4, с. 125]. См. также: Курс российского трудового права : в 3 т. Т. 1 : Общая часть / под ред. Е. Б. Хохлова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 557–558.

[5] Апелляционное определение Московского городского суда от 20 февраля 2014 г. № 33-3395/14. Доступ из СПС «Гарант».

[6] В судебной практике иногда оспаривание соглашения о расторжении трудового договора рассматривается как подобие недействительности гражданско-правовой сделки, хотя такая позиция крайне спорна (см., например, апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 17 апреля 2023 г. по делу № 11-5110/2023. Доступ из СПС «Гарант»).

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» (абз. 5 п. 6). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Возникает и другой вопрос: вправе ли несовершеннолетний работник, не достигший 14 лет, самостоятельно выступить инициатором расторжения, либо это может или должен осуществить его законный представитель, который подписывал трудовой договор (ч. 4 ст. 63 ТК РФ)? Системное толкование норм ТК РФ свидетельствует о том, что несовершеннолетний работник является самостоятельной фигурой в рамках трудового обязательства с момента вступления трудового договора в силу. Однако Верховный Суд Российской Федерации допускает возможность требовать *расторжения трудового договора родителям (попечителям), а также органу опеки и попечительства в отношении работника-учащегося до 15 лет в случае, если работа оказывает негативное влияние на здоровье ребенка*[8]. Этот вывод является интерпретацией для целей трудового права ч. 1 ст. 64 СК РФ и п. 8 ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»[9].

Вместе с тем до конца не ясно, о каком конкретно основании для расторжения идет речь? Было бы логичным предположить, что в этом случае законный представитель вправе выбирать между основаниями, зафиксированными в п. 1 или п. 3 ст. 77 ТК РФ, и заявить об одном из них непосредственно работодателю. Впрочем, также вероятно, что в рассматриваемом толковании подразумевается специальный судебный способ защиты права в виде иска о *понуждении работодателя к расторжению трудового договора* (п. 1 или п. 3 ст. 77 ТК РФ), учитывая, что ТК РФ не содержит такого основания, как судебное решение о расторжении договора. Во всяком случае, нельзя не заметить, что приведенное толкование расширяет субъектный состав инициаторов расторжения договора, поэтому соответствующее положение, по моему мнению, должно найти отражение непосредственно в ТК РФ (например, в ст. 269).

Известно, что принцип свободы труда предполагает возможность расторжения трудового договора в любое время и каждая сторона может стать инициатором соответствующих переговоров. Очевидно, что поскольку именно работник оспаривает увольнение на этом основании, то в этом случае оценке подлежит лишь вопрос о том, свободно ли и без внешнего давления была сформирована его воля. Судебная практика исходит из того, что принуждение работника (физическое или психологическое) к совершению соглашения характеризует порок воли, причем бремя доказывания этого распределяется в общем порядке (ст. 56 ГПК РФ). Но одновременно нельзя не отметить, что судами иногда рассматривается в качестве правомерного[10] расторжение трудового договора по соглашению сторон, если предпосылкой для этого выступало совершение работником дисциплинарного правонарушения, причем не имеет значения, зафиксирован соответствующий аспект в тексте соглашения или он подразумевается, доказан он или нет. Таким образом, на практике нередко не придается значения мотивам действий сторон, учитывается лишь формальное волеизъявление, а приоритет отдается цели этого соглашения.

Это определенно диссонирует с общим подходом цивилистической теории сделок о необходимости свободного формирования воли сторон, а также о единстве мотива и цели. Од-

---

[8] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 1 (п. 23).

[9] Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 17. Ст. 1755.

[10] См., например, апелляционные определения Московского городского суда от 10 февраля 2016 г. по делу № 33-4238/2016, от 22 декабря 2015 г. по делу № 33-48632/2015, от 16 ноября 2015 г. по делу № 33-42380/2015, апелляционное определение Суда Ненецкого автономного округа от 23 декабря 2014 г. по делу № 33-215/2014, апелляционное определение Калининградского областного суда от 18 марта 2015 г. по делу № 33-1384/2015. Доступ из СПС «Гарант».

нако в последнее время в судебной практике[11] все чаще прослеживается иная тенденция – к преодолению исключительно формального подхода к оценке законности увольнения по соглашению сторон (когда достаточным доказательством оказывается само наличие заявления работника). Теперь принимается во внимание также мотивация совершения такого соглашения, и эту практику, несомненно, следует поддерживать.

В продолжение вопроса о правильности формирования и отражения воли нельзя не заметить, что наличие или отсутствие полномочий у представителя (должностного лица) работодателя на момент совершения соглашения при рассмотрении дел, как правило, не исследуется, поскольку в рамках имеющегося правового регулирования и судебной практики это почему-то не имеет значения [5, с. 36]. Это достаточно странно: ведь если сравнить такую ситуацию, например, с положениями п. 1 ст. 174 ГК РФ, то оказывается, что нормы гражданского права более рациональны, поскольку допускают оспоримость сделки по мотивам отсутствия у представителя стороны полномочий на ее совершение. Полагаю, данный вопрос применительно к оспариванию соглашения о расторжении трудового договора нуждается в специальном анализе.

Одним из острых вопросов при анализе рассматриваемого соглашения является *специфика элементов объективной стороны* рассматриваемой сделки: волеизъявления и определения момента ее заключения.

Принципиально нужно исходить из невозможности заключения беспредметных сделок, и, несмотря на отсутствие в ст. 78 ТК РФ указаний о содержании соглашения, очевидно, что предмет отражает цель сторон: прекратить действие трудового договора как средства регулирования. Соглашением могут быть определены и другие условия, не связанные прямо с трудовым правоотношением (имущественные, организационные, технические и т. п.). Например, Конституционный Суд Российской Федерации признал, что не допускается односторонний отказ от исполнения обязательства сторон по выплате выходного пособия, вытекающего из соглашения о расторжении трудового договора[12]. При этом, полагаю, реализация предмета соглашения не должна зависеть от неисполнения иных оговоренных сторонами условий.

Сложилась практика, когда работника увольняют без подписания текста соглашения в день подачи заявления, исключая таким образом возможность отзыва работником своего решения. Заявление как межотраслевой инструмент при всей емкости этого термина в отраслевом контексте представляет собой реализацию субъективного права (в отличие от просьбы, ходатайства), т. е. *волевое действие, приводящее к определенным последствиям, на которые рассчитывает заявитель, независимо от воли контрагента*[13]. Однако у стороны нет

---

[11] См., например: определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2024 г. № 88-2641/2024; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 октября 2024 г. № 88-23470/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; решение Советского районного суда г. Липецка от 11 марта 2024 г. по делу № 2-1774/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/7VclTsHSLqlJ/.

[12] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2023 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. Ф. Нестеренко» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 30. Ст. 5749.

[13] Другое дело, что в ТК РФ отмечаются многочисленные примеры нарушения законодательной техники в этой части, когда заявление отождествляется с просьбой или, наоборот, когда работодатель «по просьбе работника обязан» (ч. 2 ст. 93 ТК РФ) или «по заявлению работника может» (ч. 1 ст. 128 ТК РФ). В этом смысле, полагаю, требуется корректировка отраслевого понятийного аппарата.

и не должно быть права требовать[14] от контрагента согласия (это как раз является нарушением свободы воли).

На практике встречается позиция фактического признания судами возможности аннулирования согласия на расторжение трудового договора[15], хотя такая конструкция не укладывается даже в гражданско-правовой принцип безотзывности оферты (ст. 436 ГК РФ) и игнорирует позицию, изложенную в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 2. Несмотря на небесспорные выводы судов относительно интерпретации норм ст. 261 ТК РФ (ведь подобных гарантий для беременных эта статья вообще не содержит), в одностороннем порядке допустимо аннулирование согласия на расторжение договора беременным женщинам[16]. Требует обстоятельного анализа вопрос: следует ли это относить только к особенностям трудоправового статуса данной категории лиц [6, с. 110–111], либо речь идет о необходимости более глубокой проработки вариантов внедрения этого инструментария в трудовом праве[17].

Законодатель, в отличие от соглашения об изменении трудового договора (ст. 72 ТК РФ), не устанавливает требования письменной формы соглашения о расторжении трудового договора. Однако судебная практика свидетельствует о том, что письменная форма не имеет альтернативы. Другое дело, что надлежащей формой соглашения считается даже *собственноручно* написанное заявление работника об увольнении по соглашению сторон[18]. Оно должно подчеркивать однозначно выраженную работником волю на расторжение трудового договора, хотя обоснованность такого утверждения может быть подвергнута сомнению. При этом если заявление можно и сейчас рассматривать в качестве надлежащей формы сделки, то, как представляется, в тексте этого заявления должно присутствовать однозначное указание на расторжение договора именно по соглашению сторон; в противном случае такое заявление всегда нужно рассматривать как одностороннее волеизъявление работника (п. 3 ч. 1 ст. 77, ст. 80 ТК РФ).

Наличие собственноручно написанного работником текста затрагивает также доказательственный аспект, поскольку заявление в таком случае становится образцом почерка и упрощает проведение возможной экспертизы в случае оспаривания работником его увольнения.

Поэтому в перспективе в целях предупреждения произвольных действий работодателя, обеспечения интересов работника, учитывая значимые для него последствия в виде потери работы, а также для формирования единообразия правоприменительной практики и снижения числа трудовых споров в этом отношении целесообразно преобразовать ст. 78 ТК РФ. В частности, эту статью следует дополнить указанием на то, что соглашение о расторжении трудового договора должно заключаться работником и работодателем в письменной фор-

---

[14] Исключительным случаем в этом плане является, например, гарантия, установленная для работника ч. 4 ст. 64 ТК РФ, что, впрочем, объясняется предшествующим мотивированным и целенаправленным поведением будущего работодателя.

[15] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 октября 2024 г. № 88-23470/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[16] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 сентября 2014 г. № 37-КГ14-4, определение Санкт-Петербургского городского суда от 28 сентября 2009 г. № 12785. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[17] См. также: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 9 ноября 2020 г. по делу № 8Г-23106/2020 // Судебные решения РФ : [сайт]. URL: https://судебныерешения.рф/55026214.

[18] См., например, апелляционное определение Московского городского суда от 19 августа 2022 г. по делу № 33-25646/2022, определение Московского городского суда от 5 сентября 2016 г. № 4г-10015/16. Доступ из СПС «Гарант».

ме путем составления одного документа на бумажном носителе, подписанного сторонами, либо в порядке, предусмотренном ст. 22.3 ТК РФ. Отмечу, что вопрос о введении обязательной письменной формы такого соглашения давно обсуждается в специальной литературе [6, с. 108; 7, с. 388; 8, с. 35–36]. Также нужно отдельно зафиксировать обязательные условия этого соглашения: дату вступления соглашения в силу и дату, с которой трудовой договор считается расторгнутым (иные условия могут быть факультативными). Несоблюдение письменной формы или отсутствие обязательных условий соглашения о расторжении трудового договора свидетельствовали бы о его *незаключенности*.

В этом смысле в судебной практике обоснованно указывается на то, что правовая природа данного основания прекращения трудового правоотношения должна предполагать не только согласие стороны на саму возможность расторжения, но и понимание формы и момента заключения соглашения, «…когда оно будет считаться окончательно оформленным и наступят установленные им юридические последствия»[19].

В существующих же условиях несоблюдение письменной формы пока целесообразно было бы рассматривать в качестве презумпции недостижения соглашения сторонами, которую работодатель должен опровергать в ходе рассмотрения соответствующего индивидуального трудового спора. В таком случае по требованию работника о восстановлении на работе в связи с незаключенностью соглашения на работодателя нужно возлагать бремя доказывания наличия юридического факта (достижения соглашения), с которым связаны последствия в виде прекращения правоотношения. При этом работодатель не должен иметь права ссылаться на свидетельские показания в качестве подтверждения факта заключения указанного соглашения, поскольку необходимые обстоятельства работодатель обязан фиксировать определенным образом как в первичных учетных документах по учету кадров, так и в единой форме сведений для индивидуального (персонифицированного) учета.

Целесообразно также рассмотреть вопрос о включении в ст. 78 ТК РФ положений об аннулировании предложения (оферты) о вступлении в переговоры, о праве сторон до момента вступления соглашения о расторжении трудового договора в силу прекратить его действие совместным письменным волеизъявлением, а также об утрате соглашением силы, если по истечении определенного срока (например, месячного) со дня его заключения работодатель не произвел оформление увольнения работника, а работник продолжает работать. Последний период необходим в качестве средства для предупреждения обхода закона со стороны работодателя посредством манипулирования условием о сроке трудового договора (ч. 2 и 3 ст. 58 ТК РФ), что обеспечит достижение предмета (цели) сделки и позволит избегать так называемых соглашений с открытой датой, которые иногда оформляются работодателем одновременно с заключением трудового договора. Также важно зафиксировать в законе основания недействительности такого соглашения, например, когда оно заключено под влиянием обмана, насилия или угрозы его применения, стечения неблагоприятных обстоятельств, существенного заблуждения, беременности и т. п.

В завершение следует изложить *основные выводы по рассмотренной проблеме*.

1. Соглашение о расторжении трудового договора выделяется в ряду иных оснований прекращения трудового правоотношения тем, что оно направлено прежде всего на завершение действия трудового договора в качестве средства регулирования, образующего субъективные трудовые права и обязанности; его целесообразно исследовать в контексте категории сделки.

---

[19] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 9 ноября 2020 г. по делу № 8Г-23106/2020. URL: https://судебныерешения.рф/55026214.

2. Судебной практикой на основе частноправовой доктрины регулярно формулируются правовые позиции, подтверждающие необходимость применения конструкции сделки для целей трудового права и разработки соответствующей отраслевой теории. Это делает необходимыми выявление и описание ее структуры, а также последствий, которые может вызывать фиксация порока в каждом элементе сделки.

3. На основе анализа судебных актов приведены основные условия, при которых соглашение о расторжении трудового договора можно считать надлежащим, включая описание субъективного и объективного компонентов этой сделки, а также некоторых проблем, возникающих при их квалификации.

4. В существующей правоприменительной практике несоблюдение письменной формы целесообразно рассматривать в качестве презумпции недостижения соглашения сторонами, которую работодатель должен опровергать. Вместе с тем требуется совершенствование содержания ст. 78 ТК РФ, в том числе в части фиксации требования о письменной форме соглашения о расторжении трудового договора и последствий ее несоблюдения, а также вступления соглашения в силу и оснований его недействительности.

Список источников

1. Воронов И. Ю. Применение правовых регуляторов гражданских правоотношений при разрешении трудовых споров // Российское правосудие. 2024. № 10. С. 37–51.

2. Баранов В. М. Квалифицированное молчание законодателя как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75–78.

3. Хохлов Е. Б. К проблеме источников современного трудового права // Российский ежегодник трудового права. 2012. № 7. С. 128–155.

4. Дивеева Н. И. Функции индивидуального правового регулирования трудовых отношений // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 123–126.

5. Глухов А. В. Договорный порядок выплаты выходных пособий при увольнении // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 33–37.

6. Ломакина Л. А. Расторжение трудового договора по соглашению сторон // Государство и право. 2019. № 5. С. 106–111.

7. Новикова Ю. А. Соглашение сторон как основание прекращения трудового договора // Российский ежегодник трудового права. 2014. № 10. С. 383–389.

8. Парягина О. А. Соглашение сторон как основание прекращения трудового договора // Трудовое право. 2008. № 2. С. 31–36.

References

1. Voronov I. Yu. The use of legal regulators of civil relations in the resolution of labor disputes. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2024;(10):37-51. (In Russ.)

2. Baranov V. M. Qualified silence of the legislator as a general legal phenomenon (on the issue of the nature and scope of functioning of gaps in the law). *Gaps in Russian Legislation*. 2008;(1):75-78. (In Russ.)

3. Khokhlov E. B. To the problem of the sources of modern Russian labour law. *Rossijskij ezhegodnik trudovogo prava = Russian Yearbook of Labor Law*. 2012;(7):128-155 (In Russ.)

4. Diveeva N. I. Functions of individual juridical regulation of labour terms. *Tomsk State University Journal*. 2008;(308):123-126. (In Russ.)

5. Glukhov A. V. Contractual procedure for payment of severance payments upon dismissal. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science.* 2013;(1):33-37. (In Russ.)

6. Lomakina L. A. Termination of employment contract by agreement of the parties. *State and Law.* 2019;(5):106-111. (In Russ.)

7. Novikova Yu. A. The agreement of the parties as grounds for termination of labor contract. *Rossijskij ezhegodnik trudovogo prava = Russian Yearbook of Labor Law*. 2014;(10):383-389 (In Russ.)

8. Paryagina O. A. Agreement of the parties as a basis for termination of an employment contract. *Trudovoe pravo = Labor Law.* 2008;(2):31-36 (In Russ.)

Информация об авторе

Д. В. Агашев – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права.

Information about the author

D. V. Agashev – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 22.04.2025; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 22.04.2025; accepted for publication 12.05.2026.

Российское правосудие. 2026. № 7. С. 48–60
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 7. P. 48–60
УДК 349.2 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.7.48-60
Научная статья

Сущность и природа принципов права, регулирующих национальные трудовые правоотношения

Елена Александровна Ершова[1], Игорь Юрьевич Воронов[2]
[1, 2] Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
[1] trudpravo00@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0640-0112
[2] igor.voronov@mail.ru

Аннотация. Специалисты в области общей теории права и трудового права подходили к определению сущности и природы принципов, регулирующих национальные трудовые правоотношения, преимущественно с двух позиций. В основе этих подходов лежат либо классический юридический позитивизм, либо более современная, дискуссионная концепция интегративного правопонимания. Данное исследование базируется на научно обоснованной концепции интегративного подхода к трудовому праву. Ее суть заключается в объединении в рамках единой системы лишь однотипных регуляторов трудовых отношений.
В ходе исследования применялись диалектический метод, а также методы дедукции, индукции, системного анализа и синтеза. Специальный научный инструментарий представлен историческим методом, юридическим анализом и формально-логическим подходом.
Концепция авторов исходит из того, что принципы, на которых зиждется правовое регулирование трудовых отношений внутри страны, по своей сути представляют собой обязательные «организационные меры» для этих правоотношений. Природа данных принципов как национального, так и международного трудового права делает их прямыми регуляторами, обладающими верховенством юридической силы. Они имеют приоритет над иными регуляторами: законами и подзаконными актами, коллективными договорами, а также устоявшимися в практике обычаями.
В завершающей части исследования формулируется предложение о легитимации в научном дискурсе концепции принципов, действующих на стыке национального и международного права. Отмечена роль трудового законодательства, которое детерминирует характер правоотношений в сфере труда в Российской Федерации.

Ключевые слова: принципы трудового права, сущность и природа принципов права, правовые регуляторы трудовых правоотношений, юридический позитивизм, интегративное правопонимание, система трудового права

Для цитирования: Ершова Е. А., Воронов И. Ю. Сущность и природа принципов права, регулирующих национальные трудовые правоотношения // Российское правосудие. 2026. № 7. С. 48–60. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.48-60.

© Ершова Е. А., Воронов И. Ю., 2026

Original article

The Essence and Nature of the Principles of Law Regulating National Labor Relations

Elena A. Ershova[1], Igor Yu. Voronov[2]

[1, 2] Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation
[1] trudpravo00@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0640-0112
[2] igor.voronov@mail.ru

Abstract. Specialists in the field of general theory of law and labor law have historically approached the definition of the essence and nature of the principles governing national labor relations, mainly from two positions. These approaches are based on either classical legal positivism or a more modern, debatable concept of integrative legal understanding. The author's research is based on a scientifically based concept of an integrative approach to labor law. Its essence is to combine only the same type of labor relations regulators within a single system.
The methodological basis of the work includes two groups of approaches. The general theoretical methods include the dialectical method, as well as methods of deduction, induction, system analysis and synthesis. Special scientific tools are presented by the historical method, legal analysis and formal-logical approach.
The author's position boils down to the following: the principles on which the legal regulation of labor relations within the country is based, in their essence, constitute mandatory "organizational measures" for these legal relations. The nature of these principles, both national and international labor law, makes them direct regulators with the supremacy of legal force. They prevail over other regulators: laws and regulations, collective agreements, and well-established customs.
In the final part of the study, a proposal is formulated to legitimize in scientific discourse the concept of principles operating at the junction of national and international law, as well as labor legislation, which determine the nature of domestic legal relations in the field of labor.

Keywords: principles of labor law, essence and nature of principles of law, legal regulators of labor relations, legal positivism, integrative legal understanding, system of labor law

For citation: Ershova E. A., Voronov I. Yu. The essence and nature of the principles of law regulating national labor relationgs. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(7):48-60. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.48-60.

Проблема сущности и природы принципов права, регулирующих трудовые правоотношения, традиционно привлекает пристальное внимание специалистов по теории права и трудовому праву. К. Н. Гусов и Н. Л. Лютов справедливо отмечали: «…вопрос о… принципах – это одна из самых важных и одновременно с этим дискуссионных проблем в праве. В течение многих лет ученые-юристы спорят не только по поводу содержания принципов права, но и в отношении того, как именно следует классифицировать это явление»[1]. Кроме этого, очевидно, что в большинстве общетеоретических и специальных исследований по трудовому праву до сих пор не раскрыты вопросы сущности и природы принципов права в целом и трудового права в частности.

Любое исследование, затрагивающее как общетеоретические, так и отраслевые правовые проблемы, логически требует обращения к базовым научным постулатам и исторической ретроспективе развития соответствующих институтов. В отечественной правовой традиции, начиная с раннего советского периода, безраздельно господствовала доктрина юридического позитивизма. Именно в ее рамках сложилась и укоренилась классификация научных воззрений на принципы права и трудового права, которую можно свести к трем ключевым аспектам. Первый аспект трактует принципы как фундаментальные начала, основополагающие идеи, образующие каркас правовой системы. Второй фокусируется на корреспондирующих правах и обязанностях участников трудовых правоотношений. Третий

[1] *Гусов К. Н., Лютов Н. Л.* Международное трудовое право : учеб. М. : Проспект, 2015. С. 126.

же отождествляет принципы непосредственно с нормами, закрепленными в тексте закона. Каждое из этих направлений заслуживает краткой аналитической характеристики.

В советской правовой науке, включая отрасль трудового права, сложилась устойчивая традиция трактовки правовых принципов через категории «положений» и «идей». Этот подход, сформировавший первое научное направление, долгое время оставался доминирующим. Н. Г. Александров в период 1940-х – 1950-х гг. в своих исследованиях обращался к анализу основополагающих начал советского права, включая его трудовую отрасль. По его оценке, базовые принципы социалистического права выступают в качестве нормативных установок (положений), которые отражают генеральную линию и определяют фундаментальные характеристики регулирования общественных отношений в рамках социалистического правопорядка [1, с. 17]. Ученый выводил принципы советского трудового права из общих начал, лежащих в основе социалистической организации труда. В противовес указанным подходам мы полагаем, что категории «положения» и «идеи» не способны с исчерпывающей полнотой раскрыть сущностные характеристики и природу принципов права, равно как и принципов трудового права в целом, выступающих в роли первичных регуляторов соответствующих правоотношений.

В период с 1940-х по 1980-е гг. различные теоретические и практические стороны принципов трудового права становились предметом изучения ряда ученых. Примечательна в этом отношении позиция одного из ведущих теоретиков права С. С. Алексеева. В 1970-е годы он определял принципы как то, что «пронизывает право, выявляет его содержание в виде исходных, сквозных “идей”, главных начал, нормативно-руководящих положений»[2]. На наш взгляд, в подходе к определению принципов, равно как и в основе предложенного С. С. Алексеевым разграничения норм-принципов и принципов-норм, лежит юридический позитивизм.

Вслед за С. С. Алексеевым Р. З. Лившиц и В. И. Никитинский подчеркивали: «Принцип права – это прежде всего основные положения, руководящие идеи правового регулирования... которые воплотились в правовых нормах» [2, с. 31–32]. С этим тезисом перекликается их же утверждение, что принцип трудового права не способен «охватить» отдельную норму, ибо она не выражает всей полноты «содержания трудового права» [2, с. 38]. Тем не менее предложенная авторами трактовка принципов как «начал», «идей», «положений» носит предельно общий характер. Она оставляет открытым центральный вопрос о сущности принципов в качестве «организаторов» правоотношений и об их природе первичных, непосредственных правовых регуляторов.

Среди позиций авторитетных исследователей привлекает интерес заключение А. Л. Кононова. Он отмечал, что в советской правовой науке категория принципов права носила преимущественно умозрительный, глубоко идеологизированный характер, когда за принципами скрывались не правовые, а политические установки. Господствовавший юридический позитивизм отказывал принципам в статусе самостоятельных источников права, выводя их исключительно из текста законов. В рамках такого подхода принципы и не могли выступать мерилом для оценки самих законодательных норм, да и подобная оценка в принципе не допускалась [3, с. 82].

В научных трудах по трудовому праву, созданных в первые два десятилетия XXI в., подход к осмыслению принципов права остается преимущественно дихотомичным. С одной стороны, сохраняется влияние классического позитивистского взгляда. С другой – набирает

---

[2] *Алексеев С. С.* Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права : курс лекций : в 2 т. Т. 1. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. С. 102.

силу дискуссионная доктрина интегративного правопонимания. Эта концепция предлагает синтетическую модель, где регулятивная функция распределяется между тремя уровнями: общесоциальными нормами (прежде всего моралью), индивидуальными актами (индивидуальными соглашениями, судебными решениями по отдельным делам) и собственно правовыми регуляторами. В монографии «Преемственность в трудовом праве» (2010 г.) И. И. Андриановская высказывает неоднозначную позицию: принципы, будучи фундаментом (основой) правовой системы, в первую очередь олицетворяют ее устойчивость и постоянство (стабильность) [4, с. 47]. В продолжение своего исследования автор указанной монографии отмечает, что принципы, функционирующие в рамках конкретных институтов трудового права, представляют собой «*основные идеи, руководящие начала* внутри каждого института…» (курсив наш. – *Е. Е., И. В.*) [4, с. 57]. В ходе развития собственной научной позиции в 2020 г. исследователь солидаризировалась с рядом правоведов, занимающихся проблематикой трудовых правоотношений. Их общий вывод сводится к необходимости модификации ст. 2 ТК РФ – как в части ее редакции (формы), так и в части смыслового наполнения (содержания). Подобная корректировка, по их мнению, диктуется актуальными реалиями социально-экономического характера. И. И. Андриановская, в частности, высказала идею о необходимости систематизировать все принципы трудового права и скорректировать их содержание, чтобы оно точнее отражало их сущность [5, с. 80]. Данное предложение представляется весьма своевременным. Впрочем, И. И. Андриановская, анализируя проблему сквозь призму юридического позитивизма, полагала, во-первых, что принципы права выражают сущность данной правовой сферы и детерминируют ее внутреннее построение. Во-вторых, автор трактовала принципы трудового права как «стержень (*основу*) отрасли права» (курсив наш. – *Е. Е., И. В.*) [5, с. 78]. Указанный авторский метод, к сожалению, оставляет в тени содержательное наполнение самой сущности принципов, регулирующих трудовые отношения.

Н. В. Кешикова предлагает рассматривать правовые принципы как идеи, фундаментом которых, по ее мнению, выступает определенная мировоззренческая позиция или умозрительная конструкция, рожденная в рамках научного дискурса [6, с. 110]. А. А. Арямов, что весьма показательно, охарактеризовал данную точку зрения как наглядный образец «юридической эклектики» [7, с. 22].

К сожалению, и в ряде современных диссертаций по трудовому праву сохраняется тенденция к смешению принципов трудового права с принципами-идеями. Между тем сама возможность «воздействия» идей на организацию и динамику правоотношений вызывает серьезные сомнения; природа подобного воздействия остается концептуально не проясненной.

По мнению Д. Ю. Гладких, категория «идея» не может служить основой для определения принципов трудового права. Автор обоснованно полагает, что подобная терминология выводит сущность принципа за границы правового поля, превращая его в предельно широкую категорию, применимую к различным сферам человеческой деятельности [8, с. 12–13]. С этой позицией трудно не согласиться, однако полагаем необходимым ее уточнить. На наш взгляд, функцию наиболее общего, т. е. общесоциального, регулятора реальных общественных связей выполняет не отдельная идея, а их целостная система – идеология. Принципы же права, и в частности трудового права, выступают регуляторами иного порядка – правовыми и непосредственными; именно они структурируют правовые (в том числе трудовые) правоотношения. Во-вторых, требуется четкое терминологическое разграничение: понятия «правовые регуляторы правоотношений» и «общесоциальные регуляторы фактических общественных отношений» образуют парную категориальную связь, однако их отождествление было бы теоретической ошибкой. Практическая значимость их различения также не вызывает сомнений.

Анализ научной мысли XX и XXI вв. позволяет сделать промежуточное заключение: в рамках теории права и трудового права сложилась устойчивая традиция трактовать правовые принципы и принципы трудового права через категории «основных положений», «исходных начал», «базиса», «основ» или «идей». Эта концептуальная линия получила широкое распространение в специальной литературе по трудовому праву. Тем не менее указанная теоретическая позиция, укорененная в позитивистской парадигме, демонстрирует свою ограниченность. Она оказывается неспособной адекватно раскрыть подлинную сущность и внутреннюю природу как общих принципов права, так и принципов, специфичных для сферы труда.

В советской правовой доктрине параллельно существовало научное направление, трактовавшее принципы трудового права через призму прав и обязанностей трудящихся. Истоки данной концепции восходят к работам И. Войтинского, который, опираясь на положения Конституции СССР 1936 г., утверждал: «С положением ст. 12 Конституции СССР неразрывно связаны дальнейшие принципы социалистического правового регулирования труда, закрепленные в гл. X Конституции как основные... трудовые права и... обязанности граждан СССР. В этом и заключаются основные принципы системы советского социалистического трудового права» [9, с. 82]. Таким образом, сама система трудового права выводилась автором из конституционно закрепленного статуса работника.

Н. Г. Александров в своих работах развил данную концепцию, полагая, что фундаментальные права и обязанности граждан в сфере труда следует трактовать как автономные, специфические принципы, лежащие в основе советского трудового законодательства [10, с. 6]. Данную позицию разделяли Р. З. Лившиц и В. И. Никитинский [2, с. 35], а также ряд других исследователей. Впоследствии позиция Н. Г. Александрова претерпела определенную эволюцию: ученый предложил рассматривать права и обязанности трудящихся сквозь призму принципов, на которых базируется *правовое регулирование* социалистической организации труда в обществе. Примечательно, что данная концепция Н. Г. Александрова нашла прямое отражение в законодательстве: именно 21 декабря 2001 г. была утверждена ст. 2 ТК РФ. В тексте Кодекса фигурирует формулировка «основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений». Считаем, что это не равнозначно более конкретному понятию «принципы трудового права».

Декларация, закрепляющая основополагающие принципы и права в сфере труда[3], получила официальное утверждение в ходе 86-й сессии Международной конференции труда, состоявшейся 18 июня 1998 г. Она установила корреляцию между принципами трудового права, с одной стороны, и базовыми правами и обязанностями работников, с другой, а также их правовыми гарантиями. В действующей ст. 2 ТК РФ закреплен именно такой подход. При детальном анализе правового содержания большинства так называемых «основных принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений», перечисленных в данной статье, становится очевидным: по своей сути они не представляют собой фундаментальные принципы права, регулирующие сферу труда. Фактически их ядро образуют конкретные права и обязанности сторон трудового договора – работников и работодателей, а также юридические гарантии, обеспечивающие их практическое осуществление. Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ[4] и последовавшие за

[3] Международная организация труда: конвенции, документы, материалы : справ. пособие / сост. и авт. предисл. и вступ. ст. З. С. Богатыренко. М. : Дело и Сервис, 2007. С. 536–537.

[4] Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых

ним законодательные акты федерального уровня не привнесли в ст. 2 ТК РФ ничего, кроме сугубо редакционных правок, что, к сожалению, не изменило ее содержательной сути.

Правоведы традиционно содержание принципов трудового права раскрывают через перечень ключевых прав и обязанностей сторон трудовых отношений. Такой подход характерен для комментариев к ТК РФ и многих учебных пособий, изданных на рубеже XX–XXI вв. Однако более релевантной представляется позиция О. В. Смирнова, высказанная еще в 1977 г. с опорой на философию и общую теорию права. Ученый отмечал: «...формулирование принципов права в виде основных прав и обязанностей граждан представляется неубедительным... Принципы права соотносятся с нормами действующего законодательства... как категории сущности и явления» [11, с. 49]. Эту концепцию сегодня разделяют ряд современных авторов, работающих в области теории права и трудового права.

Анализ теоретических и отраслевых концепций, касающихся сущности правовых принципов и их специфики в сфере труда, на протяжении XX и начала XXI столетий позволяет констатировать устойчивую тенденцию. В рамках науки трудового права вслед за общетеоретическими подходами сохраняется, к сожалению, практика смешения самих принципов права с основными правами и обязанностями сторон трудового правоотношения. В этом контексте заслуживает внимания позиция А. М. Лушникова, который систематизирует принципы отрасли, ориентируясь на преобладающие научные парадигмы: от понимания их как фундаментальных (исходных) отраслевых начал до фактического уравнивания с ключевыми трудовыми правами работников [12, с. 12].

Во второй половине XX столетия в сфере общей теории права, как и в науке трудового права, закрепилось еще одно, третье направление научной мысли. Его методологический фундамент также составляли подходы, характерные для юридического позитивизма. В рамках данной парадигмы центральным предметом изысканий для теоретиков права и специалистов по трудовому праву выступали так называемые «принципы-нормы» или «нормы-принципы». Однако, что прискорбно, между принципами и нормами права как разнородными правовыми регуляторами правоотношений не проводилось должного разграничения.

В монографии «Основные принципы советского трудового права» (1977 г.) О. В. Смирнов, отталкиваясь от отождествления права и закона, сформулировал характерный тезис: принципы права представляют собой вторичную категорию относительно правовых норм. Нормы права, как правило, носят сущностный, «принципиальный» характер [13, с. 15]. Вывод автора представляется нам спорным. В основе нашей позиции лежит убеждение, что именно принципы права, включая принципы трудового права, выступают в качестве первичного регулятора правовых отношений. Нормы же, закрепленные в законодательстве (точнее, в нормативных правовых актах), носят по отношению к ним производный, вторичный характер. Однако нельзя игнорировать достижения О. В. Смирнова в исследовании правовых принципов; его научный поиск привел к фундаментальному заключению: принципы права воплощают общее, абстрактное, сущностное и системное начала, они глубже нормы, тогда как сама норма «богаче» принципа [13, с. 11].

Принимая во внимание обобщенную оценку В. В. Ершовым позиций видных советских правоведов второй половины прошлого столетия, можно констатировать ряд характерных методологических установок. Исследователи, опиравшиеся на догмы юридического позитивизма либо на дискуссионную интегративную теорию, объединяющую право и неправовые

нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (ред. 18.07.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 27. Ст. 2878.

феномены, во-первых, отказывались признавать правовые принципы в качестве самостоятельных регуляторов общественных отношений, фокусируя свой анализ исключительно на нормах права в законодательстве, «…а точнее – национальных нормативных правовых актах». Во-вторых, в их работах отсутствовало четкое концептуальное разграничение между принципами и нормами права, что породило теоретически уязвимую конструкцию «норм-принципов права». В-третьих, указанная научная традиция оставляла без должного осмысления проблему корреляции и субординации («соотношения») принципов и норм права [14, с. 10].

К сожалению, в отечественной правовой науке сложилась устойчивая традиция, приравнивающая принципы права к его нормам. Эта тенденция, закрепившись в общетеоретических работах, проникла и в специальные исследования по трудовому праву. Примечательно, что данная методологическая позиция сохраняет свою актуальность не только на протяжении XX в., но и в нынешнем XXI столетии. Приверженцы рассматриваемого позитивистского подхода, как правило, выдвигали спорный тезис, согласно которому фундамент всей российской правовой системы, включая отрасль трудового права, образуют лишь правовые нормы, или же так называемые «нормы-принципы».

Наша позиция опирается на иную точку зрения, сформированную в рамках научной концепции интегративного правопонимания и апробированную практикой судов, разрешающих трудовые споры. Ее суть заключается в том, что базисом, фундаментом всей правовой системы выступают именно принципы права [15, с. 6–7]. Следовательно, и фундамент системы трудового права зиждется на правовых принципах, в том числе отраслевых. Они выступают в качестве базисных, первичных и прямых правовых регуляторов, непосредственно упорядочивающих сферу трудовых правоотношений.

В докторской диссертации, посвященной основным принципам трудового права, И. К. Дмитриева осуществила комплексный анализ соответствующей проблематики [16]. Авторское исследование с высокой степенью точности определило регулятивный потенциал принципов трудового права, установило их взаимосвязь с иными правовыми началами. Автор также конкретизировала положение этих принципов как в содержании отрасли, так и в механизме правового регулирования трудовых и непосредственно сопряженных с ними отношений. Тем не менее в работе И. К. Дмитриевой обнаруживается спорный, по сути, позитивистский вывод. Автор утверждает: «Принципы трудового права… *исходные начала*» (курсив наш. – *Е. Е., И. В.*) [16, с. 16]. В исследовании И. К. Дмитриевой детально рассмотрены разнообразные формы выражения «основных принципов трудового права» [16, с. 579, 580]. Данный анализ заслуживает особого внимания, тем не менее в трудах данного исследователя принципы и нормы трудового права зачастую не получали должного разграничения. Иллюстрацией служит формулировка И. К. Дмитриевой, представленная в третьем пункте новизны ее докторского исследования: она определяет принципы в качестве исходных норм, квалифицируя их либо как нормы-принципы, либо как иные нормы. Отличительная черта этих норм состоит в их опосредованном, а не прямом участии в правовом регулировании, которое реализуется исключительно в неразрывной связи и единстве с другими правовыми нормами [16, с. 16]. По нашему мнению, вывод автора о невозможности или значительной сложности всеобъемлющего регулирования общественных отношений посредством правовых принципов представляется спорным. Напротив, мы исходим из того, что принципы трудового права представляют собой самостоятельные, первичные и непосредственные регуляторы именно трудовых правоотношений, а не фактических общественных связей, базирующихся на регуляторах общесоциального характера.

В отечественной правовой доктрине, включая первые десятилетия нынешнего столетия, сохраняется устойчивая позитивистская тенденция. Во-первых, ряд теоретиков права и исследователей трудовых отношений, обращаясь к сущности правовых и отраслевых принципов, продолжают оперировать неопределенными категориями; во-вторых, эти категории демонстрируют свою небольшую продуктивность как для процесса создания принципов и норм права, так и для их практической реализации в сфере правоприменения. Например, принципы трудового права сводятся исключительно к моральным категориям или ценностям, их сущность определяется исключительно правовыми нормами, которые получают формальное закрепление в действующем законодательстве. Поэтому предложение других исследователей, основанное на научно обоснованном интегративном понимании трудового права, о дальнейшем развитии теоретической базы, способной раскрыть сущность и природу принципов права и трудового права, представляется вполне обоснованным и актуальным [17, с. 52]. Нам также представляется, что современная доктрина трудового права требует развития; ей недостает углубленного изучения не только природы, но и самой сущности, а также функционального назначения принципов права, которые лежат в основе правового регулирования трудовых правоотношений в национальном правопорядке.

Экспертные заключения в области трудового права, как правило, формируются на базе актуальных положений, закрепленных в ст. 2, 3 и 4 ТК РФ. Наибольшие дискуссии обычно вызывает ст. 2 ТК РФ, где закреплены девятнадцать «основных принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений». В рамках научной дискуссии по трудовому праву, включая учебные издания, высказывается обоснованная позиция, согласно которой законодательное закрепление девятнадцати отраслевых принципов выглядит своеобразным «абсолютным рекордом» [18, с. 167]. Подобное количество, как отмечается, объективно ведет к их обесцениванию. Наряду с фундаментальными основами отрасли в них начинают проступать частности, затрагивающие регулирование лишь отдельных элементов трудового правоотношения. Критике подвергается и отсутствие единой классификационной схемы принципов права. Наконец, конструкция большинства этих «основополагающих начал», по мнению исследователей, вряд ли может быть признана «идеальной и совершенной» [19, с. 65].

Анализируя положения ст. 2 ТК РФ, А. М. Лушников и М. В. Лушникова выявили ряд внутренних противоречий. По их оценке, третий абзац данной нормы искусственно сводит в рамки единого принципа правовые принципы, обладающие различной юридической природой, например запрет принудительного труда и запрещение дискриминации в сфере труда. Кроме того, авторы обращают внимание на дублирование: ряд принципов сформулирован как гарантии прав сторон трудовых отношений, что фактически повторяет содержание ст. 21 и 22 ТК РФ, где закреплены основные права и обязанности работника и работодателя [18, с. 167]. А. Я. Петров акцентировал внимание на том, что ст. 2 ТК РФ демонстрирует синтез («слияние») ряда фундаментальных теоретических конструкций, свойственных российскому праву в целом и отрасли трудового права в отдельности [19, с. 68]. Это цели и задачи правового регулирования в сфере труда, применяемые юридические способы (методы) такого регулирования, равно как и существующие способы защиты субъективных трудовых прав и свобод. Наконец, в фокусе внимания ст. 2 ТК РФ находится и доктринальное содержание понятия правового института. Анализ работ авторитетных правоведов, посвященных отечественному трудовому праву, выявляет существенные пробелы, которые коренятся в природе главных правовых регуляторов – принципов, на которых зиждется отрасль трудового права. Сложившаяся ситуация, считаем, настоятельно требует корректировки норм действующего Трудового кодекса.

К выводам ведущих исследователей трудового права целесообразно добавить следующее соображение: закрепление в нормах ТК РФ принципов права, регулирующих трудовые правоотношения, не влечет за собой трансформации их фундаментальной природы. Эти принципы сохраняют статус первичных по своей юридической силе правовых регуляторов, они продолжают непосредственно определять и структурировать всю систему трудовых отношений, складывающихся в национальном правовом поле. На наш взгляд, положения трудового законодательства не выступают ни первичным, ни исчерпывающим механизмом правового регулирования в сфере труда. Потенциал норм трудового права для полного охвата всей сложной палитры трудовых и тесно сопряженных с ними правоотношений представляется ограниченным. Опираясь на общенаучные и теоретические доводы, сформированные в рамках интегративной концепции правопонимания, которая синтезирует исключительно однородные регуляторы – в первую очередь правовые принципы и нормы, закрепленные как на национальном, так и на международном уровне, мы приходим к следующему выводу: *принципы права, регулирующие сферу национальных трудовых правоотношений, следует считать исходными, универсальными и абстрактными правовыми регуляторами*. Они действуют непосредственно, обладая собственной (высшей) юридической силой в рамках системы правовых регуляторов национальных трудовых правоотношений. Следовательно, необходимо уточнить: все многообразие трудовых и тесно с ними связанных правоотношений способны регулировать на базовом уровне принципы права и лишь затем, детально, – собственно нормы трудового права. Первые из них отличаются большей абстрактностью формулировок, тогда как вторые носят конкретный характер, детально отражая специфику и существенные свойства правоотношений в сфере труда.

По мнению Т. Н. Нешатаевой, принципы права представляют собой императивные правила, имеющие характер jus cogens, их нарушение или игнорирование недопустимы [20, с. 113]. Трудовое законодательство и судебная практика подтверждают этот тезис: формулировка ряда принципов трудового права в качестве императивных запретов представляется оптимальной для данной отрасли права. В частности, это касается норм, закрепленных в ст. 3 и 4 ТК РФ, – запрета дискриминации и запрещения принудительного труда. Правоприменительная эффективность этих принципов трудового права во многом обусловлена именно этой категоричной, запретительной формой.

С гносеологической точки зрения теоретики права и специалисты трудового права признают: сущность принципов трудового права остается неизменной даже тогда, когда они включаются в национальные нормативные правовые акты, в том числе Трудовой кодекс Российской Федерации, по своей природе они выступают в качестве первичных и самостоятельных правовых регуляторов [15, с. 7]. Конкретизируя эту позицию, можно утверждать, что принципы, лежащие в основе правового регулирования трудовых правоотношений, представляют собой категорию объективного права. Их сущностное наполнение сохраняется даже при отсутствии прямой фиксации (закрепления) в нормативных правовых актах, включая ТК РФ; они формируются и поддерживаются в правоприменительной деятельности управомоченных субъектов, например в практике судебных органов.

В связи с этим отметим усиление роли научных положений, сформированные в русле интегративной концепции понимания трудового права, отстаивающей отграничение правовых регуляторов трудовых правоотношений от регуляторов общесоциального и индивидуального характера. Сами же принципы права и трудового права признаны первичными однородными правовыми регуляторами, непосредственно организующими национальные трудовые правоотношения.

По мнению А. М. Лушникова, современная правовая мысль вновь обращается к трактовке отраслевых принципов, сформировавшихся еще в первой половине XX столетия [12, с. 28]. Развивает эти положения В. В. Ершов-младший, отмечая, что в минувшем столетии крупнейшие правоведы в области трудового права совершили «значительный шаг вперед» – переход от простого отождествления принципов трудового права с правами и обязанностями граждан к разработке целостной доктрины правового регулирования, раскрывающей подлинную сущность и специфику трудовых правоотношений [17, с. 52].

Исследователь обоснованно предложил для научного дискурса категорию «принципы права, регулирующие трудовые правоотношения». Согласно его трактовке, принципы[5] права представляют собой онтологически однородные, соотносимые, разнообразные, обязательные и исполняемые правовые регуляторы правоотношений, которые носят фундаментальный характер и раскрывают сущность самого права. Именно в соответствии с принципами права «…конкретизируются иные однородные, соотносимые и соответствующие правовые регуляторы» [17, с. 54]. В системе правового регулирования национальных трудовых правоотношений принципы права приоритетны по отношению к иным правовым регуляторам.

Н. Винер, стоявший у истоков кибернетики, пришел к обоснованному выводу: общественные отношения имеют «…объективное содержание, полученное из внешнего мира» [22, с. 30]. Отталкиваясь от философских построений Н. Винера и развивая позиции авторитетных советских и российских специалистов в сфере трудового права относительно *сущности и природы* принципов права и трудового права, отметим, что, на наш взгляд, *сущность* принципов права, регулирующих национальные трудовые правоотношения, состоит в том, что они отражают сущность права (трудового права) в целом, являются основаниями всеобщей связи элементов единой системы правовых регуляторов российских трудовых правоотношений, реализуемых в России, имеют фундаментальный характер и являются обязательными *«мерами организации»* национальных трудовых правоотношений. По своей *природе* принципы национального и международного права, в том числе и трудового права, – это первичные, прямые и непосредственные *правовые регуляторы* национальных трудовых правоотношений, высшие по юридической силе по отношению к другим разнообразным правовым регуляторам: нормативным правовым актам, нормативным правовым соглашениям (договорам), обычаям.

Заключение

Принимая во внимание рамки настоящей работы, в завершение исследования можно лишь констатировать, что согласно положениям ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Это обстоятельство предопределяет высокую значимость для отечественной правоприменительной практики, особенно судебной, вопроса о прямом действии на территории страны не только национальных, но и международных принципов права и трудового права.

Учитывая проанализированные в статье теоретические положения, выработанные с позиции научно обоснованной концепции интегративного понимания трудового права, объединяющей только онтологически однородные правовые регуляторы трудовых правоотношений, можно сформулировать следующие выводы.

---

[5] Как считает Е. А. Ершова, термин «принцип», в переводе с латинского означающий «начало», «основа», не раскрывает природу этой категории [21, с. 541–542].

Во-первых, принципы национального и международного права и трудового права дискуссионно, а с позиции правоприменения – контрпродуктивно рассматривать в качестве «идей», «начал», «основных положений», «основ», «прав и обязанностей сторон трудового правоотношения», отождествлять их с «нормами права, содержащимися в законодательстве».

Во-вторых, по своей *сущности* принципы национального и международного права и трудового права являются объективными *«мерами организации»* национальных трудовых правоотношений. Они определяют сущность трудового права в целом и являются объективными, абстрактными основаниями всеобщей связи элементов единой системы правовых регуляторов трудовых правоотношений, реализуемых в Российской Федерации.

В-третьих, по своей *природе* принципы национального и международного права и трудового права имеют фундаментальный характер и верховенство по отношению к другим разнообразным и соотносимым правовым регуляторам правоотношений – нормативным правовым актам, нормативным правовым соглашениям (договорам), обычаям, которые конкретизируются в соответствии с принципами права.

В-четвертых, исследование позволило авторам выработать научное понятие принципов национального и международного права и трудового права, регулирующих национальные трудовые правоотношения. Это организующие национальные трудовые правоотношения первичные, однородные и наиболее абстрактные правовые регуляторы, основания всеобщей связи и развития других правовых регуляторов как элементов их единой, многоуровневой и развивающейся системы.

Список источников

1. Александров Н. Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 16–29.

2. Лившиц Р. З., Никитинский В. И. Принципы советского трудового права // Советское государство и право. 1974. № 8. С. 31–39.

3. Кононов А. Л. Об общих принципах права во французской и бельгийской судебной практике по административным делам // Государство и право. 2001. № 3. С. 82–86.

4. Андриановская И. И. Преемственность в трудовом праве : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. 264 с.

5. Андриановская И. И. Соотношение системы принципов трудового права и структуры Трудового кодекса РФ // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 78–80.

6. Кешикова Н. В. Принципы права в свете постнеклассической юридической рациональности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 5. С. 109–115.

7. Арямов А. А. Характеристика принципов права как правовых регуляторов // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 18–42.

8. Гладких Д. Ю. Воздействие принципов трудового права на правовое регулирование служебно-трудовых отношений в органах внутренних дел : дис. … канд. юрид. наук. Пермь, 2002. 190 с.

9. Войтинский И. Против извращений в теоретической работе по советскому трудовому праву // Проблемы социалистического права. 1937. № 1. С. 81–94.

10. Александров Н. Г. и др. Экономическая политика КПСС, труд и право: вопросы трудового права в свете решений XXIV съезда КПСС / под ред. Н. Г. Александрова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. 157 с.

11. Смирнов О. В. Основные принципы советского трудового права. М. : Юрид. лит., 1977. 216 с.

12. Лушников А. М. Проблемы общей части российского трудового права: научное наследие, современное состояние и перспективы исследований : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. 39 с.

13. Смирнов О. В. Соотношение норм и принципов в советском праве // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 11–18.

14. Ершов В. В. Принципы права: сущность и функции // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 5–16.

15. Ершов В. В., Ершова Е. А. Специальные принципы российского трудового права // Российское правосудие. 2019. № 3. С. 5–13.

16. Дмитриева И. К. Основные принципы трудового права : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. 620 с.

17. Ершов В. В., мл. Природа и классификация принципов права, регулирующих трудовые правоотношения // Российское правосудие. 2026. № 1. С. 50–56.

18. Лушников А. М., Лушникова М. В. Очерки теории трудового права. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 938 с.

19. Петров А. Я. Спорные аспекты принципов российского трудового права // Трудовое право. 2008. № 11. С. 65–72.

20. Нешатаева Т. Н. Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 3. С. 113–125.

21. Ершова Е. А. Природа и регуляторы трудовых правоотношений // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : моногр. / отв. ред. А. А. Фролова. М. : Проспект, 2025. С. 529–543.

22. Винер Н. Кибернетика и общество / пер. Е. Г. Панфилова ; общ. ред. и предисл. Э. Я. Кольмана. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 200 с.

References

1. Alexandrov N. G. Socialist principles of Soviet law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*. 1957;(11):16-29. (In Russ.)

2. Livshits R. Z., Nikitinsky V. I. Principles of Soviet labor law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*. 1974;(8):31-39. (In Russ.)

3. Kononov A. L. On the general principles of law in French and Belgian judicial practice in administrative cases. *State and Law*. 2001;(3):82-86. (In Russ.)

4. Andrianovskaya I. I. *Continuity in labor law.* Monograph. 2nd ed., rev. and enl. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin State University; 2010. 264 p. (In Russ.)

5. Andrianovskaya I. I. Correlation of the system of principles of labor law and the structure of the Labor Code of the Russian Federation. *Juridical Techniques.* 2020;(14):78-80. (In Russ.)

6. Keshikova N. V. Principles of law in the context of post-nonclassical legal rationality. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoj akademii = Bulletin of Irkutsk State Economics Academy.* 2012;(5):109-115. (In Russ.)

7. Aryamov A. A. Characteristics of principles of law as legal regulators. *Pravosudie/Justice.* 2024;6(3):18-42. (In Russ.)

8. Gladkikh D. Yu. *The impact of the principles of labor law on the legal regulation of official-labor relations in law enforcement agencies.* Cand. Sci. (Law) Dissertation. Perm; 2002. 190 p. (In Russ.)

9. Voitinsky I. Against perversions in theoretical work on Soviet labor law. *Problemy sotsialisticheskogo prava = Problems of Socialist Law.* 1937;(1):81-94. (In Russ.)

10. Alexandrov N. G., et al. *The economic policy of the CPSU, labor and law: issues of labor law in the light of the decisions of the XXIV Congress of the CPSU.* Ed. N. G. Alexandrov. Moscow: Publishing House of Moscow University; 1973. 157 p. (In Russ.)

11. Smirnov O. V. *Basic principles of Soviet labor law.* Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1977. 216 p. (In Russ.)

12. Lushnikov A. M. *Problems of the general part of Russian labor law: scientific heritage, current state and prospects of research.* Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2004. 39 p. (In Russ.)

13. Smirnov O. V. Correlation of norms and principles in Soviet law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law.* 1977;(2):11-18. (In Russ.)

14. Ershov V. V. Principles of law: essence and functions. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2019;(2):5-16. (In Russ.)

15. Ershov V. V., Ershova E. A. Special principles of Russian labour law. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2019;(3):5-13. (In Russ.)

16. Dmitrieva I. K. *Basic principles of labor law.* Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2004. 620 p. (In Russ.)

17. Ershov V. V., Jr. The nature and classification of legal principles governing labor relations. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(1):50-56. (In Russ.)

18. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. *Essays on the theory of labor law.* St. Petersburg: Publishing House of R. Aslanov "Yuridicheskij tsentr Press"; 2006. 938 p. (In Russ.)

19. Petrov A. Ya. Controversial aspects of the principles of Russian labor law. *Trudovoe pravo = Labor Law.* 2008;(11):65-72. (In Russ.)

20. Neshataeva T. N. On general principles of law and judicial interpretation. *Journal of Russian Law.* 2023;27(3):113-125. (In Russ.)

21. Ershova E. A. The nature and regulators of labor relations. In: A. A. Frolova, ed. *The value of law (on the 100th anniversary of O. E. Leist's birth).* Monograph. Moscow: Prospekt; 2025. Pp. 529–543. (In Russ.)

22. Wiener N. *Cybernetics and society.* Transl. by E. G. Panfilov; general ed. and preface by E. Ya. Kolman. Moscow: Publishing House of Foreign Literature; 1958. 200 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Ершова – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения;

И. Ю. Воронов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения.

Information about the authors

E. A. Ershova – Doctor of Science (Law), Professor, Head of the Labor Law and Social Security Law Department;

I. Yu. Voronov – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Labor Law and Social Security Law Department.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Российское правосудие. 2026. № 7. С. 61–69
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 7. P. 61–69
УДК343.1 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.7.61-69

Научная статья

Трансформация процессуально-правовых средств обеспечения гласности в условиях цифровизации уголовного судопроизводства: теоретико-прикладная классификация

Екатерина Александровна Костенюк
Оренбургский районный суд Оренбургской области, Оренбург, Российская Федерация, kostenyuk.y@list.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу процессуально-правовых средств и условий, обеспечивающих реализацию гласности в современном уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации. Цель статьи – продемонстрировать процесс трансформации процессуально-правовых средств обеспечения гласности в современных условиях цифровизации судопроизводства и сформировать их теоретико-прикладную классификацию. Задачи исследования: отразить основные положения в сфере гласности и средств ее обеспечения, дать ее оригинальную классификацию, указать пути оптимального решения существующих проблем.

В ходе исследования применялись методы сравнительного правоведения, синтеза, анализа, иные.

Сформулирована и обоснована авторская дефиниция «процессуально-правовые средства обеспечения гласности», учитывающая современные реалии цифровизации в уголовном правосудии и соответствующую практику применения. Предложена оригинальная трехуровневая классификация условий и средств обеспечения гласности: первый уровень – полная (безусловная) гласность, второй уровень – полная ограниченная гласность, третий уровень – частично ограниченная гласность. Классификация основана на критериях субъектного состава и степени доступа к информации об уголовном судопроизводстве. В статье проведен анализ мнений ученых, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, а также актуальной судебной практики, включая судебные решения кассационных судов 2025 г. Обоснован тезис: техническая возможность онлайн-трансляции в уголовном судопроизводстве в процессе эволюции цифровых технологий в национальном правосудии трансформировалась из факультативного права суда на обеспечение гласности судопроизводства в обязательное средство ее обеспечения в случаях ограничения фактического доступа в зал судебного заседания.

Ключевые слова: уголовный процесс, гласность уголовного судопроизводства, открытость судопроизводства, уголовно-процессуальные средства обеспечения гласности, цифровизация, трансформация, онлайн-трансляция, позиции высших судебных инстанций, судебная практика

Для цитирования: Костенюк Е. А. Трансформация процессуально-правовых средств обеспечения гласности в условиях цифровизации уголовного судопроизводства: теорети-

© Костенюк Е. А., 2026

ко-прикладная классификация // Российское правосудие. 2026. № 7. С. 61–69. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.61-69.

Original article

Transformation of Procedural and Legal Means of Ensuring Transparency in the Context of Digitalization of Criminal Proceedings: Theoretical and Applied Classification

Ekaterina A. Kostenyuk

Orenburg District Court of the Orenburg Region, Orenburg, Russian Federation, kostenyuk.y@list.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of procedural and legal means and conditions ensuring the implementation of publicity in modern criminal proceedings in the context of digitalization. The objective of the article is to demonstrate the process of transformation of procedural and legal means of ensuring publicity in the modern conditions of digitalization of legal proceedings and to formulate their theoretical and applied classification. The objectives of the study are to reflect the main provisions in the field of publicity and the means of ensuring it, to indicate the ways of optimally solving the existing problems, through an original classification.

During the study, the methods of comparative law, synthesis, analysis, and others were used.

The author formulated and substantiated the author's definition of "procedural and legal means of ensuring publicity," taking into account the modern realities of digitalization in criminal justice and the corresponding practice of application. An original three-level classification of conditions and means of ensuring publicity is proposed: the first level is complete (unconditional) publicity, the second level is complete limited publicity, the third level is partially limited publicity. The classification is based on criteria for the composition of the subjects and the degree of access to information about criminal proceedings. The article analyzes the opinions of scholars, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, and current judicial practice, including cassation court decisions from 2025. It is substantiated that the technical feasibility of online broadcasting in criminal proceedings, as digital technologies evolve in national justice, has transformed from an optional right of the court to ensure the openness of proceedings into a mandatory means of ensuring it in cases of restricted access to the courtroom.

Keywords: criminal proceedings, openness of criminal proceedings, openness of court proceedings, criminal procedural means of ensuring openness, digitalization, transformation, online broadcasting, positions of higher judicial authorities, judicial practice

For citation: Kostenyuk E. A. Transformation of procedural and legal means of ensuring transparency in the context of digitalization of criminal proceedings: theoretical and applied classification. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(7):61-69. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.61-69.

Гласность выступает фундаментальной гарантией справедливого правосудия, что находит отражение в ст. 123 Конституции Российской Федерации и конкретизируется в ст. 241 УПК РФ в качестве правовой гарантии объективного, квалифицированного информирования общественности о деятельности суда. Тем самым подтверждаются законность, справедливость уголовного судопроизводства, в котором на основании ст. 6 УПК РФ в наибольшей степени актуализируется вопрос защиты от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав, свобод.

В современных условиях, характеризующихся повсеместным внедрением кардинально изменивших современный мир достижений цифрового общества, трансформируются не только сферы науки и экономики, здравоохранения и промышленности, но и область правосудия, превращая информационные технологии в средства обеспечения гласности в суде. В результате обеспечивающие гласность уголовно-процессуально-правовые средства представляют двуединую систему юридических инструментов, обеспечивающих разбирательство дела в суде в открытом формате через: 1) традиционные (основные) уголовно-процес-

суальные средства (присутствие в зале суда; формирование личного и общественного мнения о судопроизводстве, его результатах; открытое оглашение судебного приговора (иного решения) и пр.); 2) инновационные (дополнительные) технологии, демонстрирующие тенденции проникновения в судопроизводство цифровой гласности посредством видео-конференц-связи, трансляции, видео-, фото-, кинофиксации, видео- и аудиопротоколирования, опубликования материалов на сайте Верховного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции.

В результате в современной России содержание гласности уголовного судопроизводства неизбежно трансформируется: возможность фактического присутствия заинтересованных лиц в зале суда преобразуется в право на информационный доступ к уголовному судопроизводству и его актам в режиме реального времени.

В этих условиях необходимы переосмысление подхода к гласности уголовного судопроизводства как к обеспечиваемой посредством традиционных средств ее реализации и разработка авторской концепции в отношении уголовно-процессуально-правовых средств ее обеспечения в условиях цифровизации.

Анализ научных трудов позволяет констатировать два направления в использовании процессуально-правовых средств обеспечения гласности в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации. Представители традиционной научной школы, например В. В. Дорошков, рассматривают данные технологии как технические способы трансляции реализуемого в судебном заседании уголовного судопроизводства [1]. Однако превалирует подход, согласно которому названные уголовно-процессуальные средства в условиях активного развития информационных технологий трансформируются в самостоятельные цифровые инструменты, призванные обеспечить открытость (прозрачность) «цифровой среды» судопроизводства. Так, Л. Н. Масленникова отмечает: создание в России оригинальной национальной модели уголовного судопроизводства, эффективность которого реализуется посредством цифровых технологий, «…позволит уйти от бумажной волокиты, необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела… приостановления и прекращения дел, защитит конституционное право граждан на доступ к правосудию» [2, с. 71]. Аналогичной позиции придерживаются многие другие российские ученые, утверждающие, что цифровизация в уголовном судопроизводстве – объективная реальность, обусловленная закономерностями генезиса общества и государства в современных условиях [3, с. 165]. Разделяем также позицию, в соответствии с которой уголовное судопроизводство, осуществляемое с использованием цифровых технологий и позволяющее обеспечить гласность судопроизводства, его доступность, открытость и предусмотренную законом оперативность, требует обеспечения баланса между защитой права на получение информации о судебном процессе и соблюдением режима охраняемой нормативно тайны, ограничением прав и нормативных интересов [4, с. 61].

Внимание данным вопросам уделяют высшие судебные инстанции. Так, Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 15 июня 2023 г. № 32-П отмечено: поскольку доступ к правосудию неразрывно связан с информационной открытостью судопроизводства, трансформация процессуальных средств обеспечения гласности неизбежно диктует переход правосудия от «права на фактическое присутствие в суде» к «праву на цифровую верификацию» судебного процесса[1].

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2023 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 26. Ст. 4880.

Верховный Суд Российской Федерации, поддерживая идеи имплементации цифровых стандартов в уголовное судопроизводство, указывает на неизбежность последовательного расширения системы процессуально-правовых средств обеспечения гласности посредством инновационных (дополнительных) таких средств. Указанный подход отражен в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»[2].

В результате в эпоху неизбежных цифровых трансформаций в уголовном судопроизводстве процессуально-юридические средства обеспечения гласности, получающие регламентацию, развитие (ст. 241.1 УПК РФ и пр.) и детализированные в правовых позициях высших судебных инстанций, демонстрируют новые возможности цифрового доступа к правосудию участников процесса и общественности при сохранении особенностей российской судебной системы, в том числе в отношении ограничений гласности [5, с. 8].

Цифровизация уголовного судопроизводства, включающая цифровую верификацию, детерминирует, соответственно, формирование в национальной правовой системе цифровой гласности, которая обеспечивает конституционное право на доступ к уголовному правосудию вне зависимости от пространственно-территориальных границ, констатации сложных условий, влияющих на трансформацию гласности, формируя тем самым среду доверия к уголовному правосудию, обеспечивая достоверность процессуально значимой информации.

При этом уголовно-процессуальные правовые средства обеспечения гласности представляют собой установленную нормами УПК РФ (в частности, ст. 241, 259) и детализированную в правовых позициях высших судебных инстанций Российской Федерации систему правовых инструментов (технико-юридических и организационных), обеспечивающих возможность беспрепятственного получения участниками уголовного судопроизводства, общественностью, иными заинтересованными лицами информации о ходе и результатах рассмотрения уголовного дела в суде не только через традиционные формы фактического присутствия, но и через цифровые каналы (онлайн-трансляции, электронные реестры, иные), помимо случаев, указанных в законе, в целях защиты публичных и частных интересов.

Учитывая позицию российского законодателя о внедрении в уголовное судопроизводство обеспечивающих гласность цифровых технологий, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации об адаптации уголовного судопроизводства к цифровой среде, равно как и уголовно-процессуальный правовой статус субъекта уголовного судопроизводства и соответствующую степень ограничения доступа к правосудию, автор обосновывает классификацию уголовно-процессуально-правовых средств обеспечения гласности (трехуровневую).

Первый уровень полной (безусловной) гласности предполагает полное обеспечение гласности в уголовном судопроизводстве, т. е. открытый доступ к правосудию в порядке ч. 1 ст. 241 УПК РФ (публикация материалов на сайте суда, в ГАС «Правосудие» (с учетом Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[3]), свобода на письменную фиксацию информации, на ведение аудиозаписи и прямых веб-трансляций, фотографирования, видеозаписи судебного процесса в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»). Разделяем позицию О. В. Кача-

---

[2] Российская газета. 2012. 19 дек.

[3] Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6217.

ловой, согласно которой к ведущим задачам внедрения в уголовный процесс современных технологий относятся, в частности, формирование доступа к уголовно-процессуальной информации, возможность дистанционного участия в процессе, фиксация реализуемых процессуальных действий [6, с. 71].

Разделяя изложенную научную позицию, как и позиции высших судов, отметим, что в условиях цифровой трансформации уголовного судопроизводства отказ суда в обеспечении дистанционного доступа к открытому судебному заседанию (при наличии необходимых технических возможностей) должен расцениваться не как реализация судейского усмотрения, а в качестве необоснованного ограничения фундаментального конституционного права на доступ к правосудию, нарушения гласности судопроизводства. По нашему убеждению, именно обозначенная интерпретация соответствует вектору развития российского уголовного правосудия, где технический инструментарий направлен на легитимность процессуальных действий.

Второй уровень уголовно-процессуально-правовых средств обеспечения гласности предполагает законное *ограничение гласности* судопроизводства ввиду необходимости защиты конституционных ценностей, что проявляется в ограниченном доступе к информации по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 241 УПК РФ (государственная тайна, дела о преступлениях против половой неприкосновенности, необходимость обеспечения личной безопасности). Указанный уровень предполагает выдачу персонифицированных копий актов *исключительно сторонам* уголовного судопроизводства, а доступ к «Электронному делу» в системе ГАС «Правосудие» по соответствующему коду.

Заслуживает поддержки позиция А. Ю. Чурикова о том, что в условиях глобальной цифровизации отечественного уголовного судопроизводства требуются повышенные национальные стандарты в сфере обеспечения информационной безопасности, учитывающие высокие требования к защите персональных данных, иной важной конфиденциальной информации [7, с. 182].

Автор полностью разделяет данный подход, отмечая, что трансформация средств гласности уголовного судопроизводства на названном уровне имеет специфический «вектор» и направлена не на расширение внешнего доступа к уголовному судопроизводству, а на обеспечение его «внутренней технологической прозрачности» при сохранении абсолютной «герметичности» уголовного процесса для посторонних лиц (не сторон уголовного судопроизводства). По нашему убеждению, внедрение специализированных защищенных каналов связи в уголовном судопроизводстве и систем детерминированного доступа к нему является обязательным условием обеспечения гласности, при котором цифровая трансформация судопроизводства не вступает в противоречие с необходимостью охраны государственной или иной охраняемой законом тайны (ч. 2 ст. 241 УПК РФ).

Третий уровень – это частично ограниченная гласность, т. е. ограничение гласности уголовного судопроизводства, касающееся объема обнародованных данных о судопроизводстве или о круге лиц (помимо оснований, указанных в п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ), с доступом к судопроизводству формально открытому, однако ограниченному техническими способами или объемом данных. На этом уровне сохраняется фактическая гласность для непосредственных участников уголовного процесса. Данный уровень включает: во-первых, онлайн-трансляцию с применением технологий анонимизации (сокрытие лица, цифровое искажение голоса участников уголовного судопроизводства – потерпевших или свидетелей, иных лиц); во-вторых, отсроченную публикацию судебных актов с изъятием определенных категорий данных об уголовном судопроизводстве и запрет на видеосъемку при сохранении права присутствовать в зале заседания. Правовым основанием выделения данного уровня

уголовно-процессуально-правовых средств обеспечения гласности в суде служит позиция Конституционного Суда Российской Федерации, изложенная в Определении от 28 декабря 2023 г. № 3345-О[4], в котором Суд подтвердил концептуальную допустимость и необходимость поиска целесообразного баланса между правом общества на получение информации об уголовном судопроизводстве и правом участников процесса на защиту частной жизни и персональных данных.

Автор солидарен с указанной правовой позицией и утверждает, что в условиях активной цифровизации российского судопроизводства именно «частично ограниченная гласность» позволяет обеспечить конституционный принцип открытого судебного разбирательства в рамках уголовного судопроизводства, обеспечивая право доступа к правосудию и одновременно необходимый уровень защиты прав, законных интересов (частных и публичных). Полагаем, что применение инструментов анонимизации и цифровых фильтров на данном уровне выступает оптимальным способом обеспечения гласности уголовного правосудия, исключающим необоснованное посягательство на конституционные права отдельной личности в цифровом пространстве.

Исследование генезиса процессуально-правовых средств обеспечения гласности в суде в условиях цифровизации позволяет констатировать развитие научной дискуссии относительно их содержания. Систематизация современных доктринальных воззрений обусловила выделение трех ключевых концептуальных подходов к интерпретации данного правового института.

Первый из них – технолого-центрический подход, в соответствии с которым информационные технологии в уголовном судопроизводстве рассматриваются не в качестве вспомогательного инструментария, а как принципиально новая форма объективации гласности – «цифровая прозрачность». Представляется, что трансформация уголовного судопроизводства в электронный формат детерминирует признание «сетевой доступности» правосудия категорией, равнозначной физическому присутствию в зале суда. По мнению Е. П. Гришиной и С. В. Тасакова, цифровое правосудие рассматривается не только в качестве гарантии его необходимой доступности, но и как особый вид государственной сферы деятельности, которая должна отвечать требованиям по защите в организационно-правовом режиме законных интересов и прав каждого участника процесса, в том числе на безопасность [8, с. 83].

Изложенная концепция соответствует предложенной автором позиции о признании онлайн-трансляций уголовного судопроизводства облигаторным (обязательным) элементом системы обеспечения гласности в суде.

Представители второго – правоохранительного (функционального) подхода акцентируют внимание на рисках «избыточной медиатизации уголовного процесса». Так, Н. В. Спесивов, справедливо указывая на такую опасность, подчеркивает: несмотря на то что в современном обществе в уголовно-процессуальной сфере достаточно сложно найти четкие способы установления баланса интересов государства, общества и личности, общества и государства, доступное и справедливое судопроизводство должно демонстрировать и правовые национальные традиции, и особый социальный контекст, что обеспечит отсутствие «…довлеющего превалирования интересов государства, если они расходятся с назначением уголовного судопроизводства и социальными целями и ценностями общества» [9, с. 260].

---

[4] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2023 г. № 3345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Боровикова Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

Именно указанный подход позволит признать уголовный процесс не лабиринтом, в котором теряются конституционные права и интересы, а дорогой к справедливости [9, с. 260].

Автор в полной мере солидарен с указанными предостережениями, что продемонстрировано в обосновании третьего уровня классификации уголовно-процессуальных средств обеспечения гласности, предусматривающего механизмы анонимизации и цифровой фильтрации данных о судопроизводстве.

В рамках третьего – институционального подхода в отношении содержания уголовно-процессуально-правовых средств обеспечения гласности в условиях цифровизации исследовательский интерес сосредоточен на значении гласности уголовного судопроизводства в отечественной правовой системе, на ключевой роли в этом Верховного Суда Российской Федерации (как регулятора баланса публичных, частных интересов), на классификации уголовно-процессуальных средств обеспечения гласности по критерию вовлеченности общества в информационный сегмент уголовного дела.

Синтез представленных подходов, касающихся процессуально-правовых средств обеспечения гласности в суде в условиях цифровизации, позволяет прийти к выводу, что трансформация такого рода средств представляет собой сложный процесс, свидетельствующий о конвергенции технических возможностей и о правовых ограничениях и направленный на достижение оптимальной открытости правосудия без ущерба для интересов личности.

Уголовно-процессуальные правовые средства обеспечения гласности судопроизводства, соответственно, представляют собой предусмотренную законодательством и детализированную в правовых позициях высших судебных инстанций систему юридических инструментов, обеспечивающих разбирательство уголовного дела в суде в открытом формате через 1) основные (традиционные) уголовно-процессуальные средства: присутствие в судебном заседании, включая представителей средств массовой информации и общественности; формирование внутреннего убеждения о судопроизводстве, его итогах, о личности подсудимого, обстоятельствах уголовного дела, о реализации назначения, целей и задач судопроизводства; создание общественного мнения об уголовном судопроизводстве; открытое оглашение приговора суда (иного решения); 2) дополнительные, демонстрирующие тенденции внедрения в процесс социокультурного феномена цифровизации, цифровой доступ к деятельности суда (трансляция, письменная, фото-, кино-, видеофиксация, аудио- и видеопротоколирование, видео-конференц-связь, обязательное опубликование приговора суда на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»).

Гласность уголовного судопроизводства при этом, не обладая абсолютным характером, может быть ограничена в суде в целях защиты конституционно значимых ценностей на основе принципа пропорциональности, а достижение искомого баланса интересов должно осуществляться не через изоляцию информации о судопроизводстве, а посредством применения специальных средств ее защиты, включая инструменты анонимизации.

Подобный подход концептуально обосновывает третий уровень классификации уголовно-процессуально-правовых средств обеспечения гласности в российском суде (уровень частично ограниченной гласности).

Представляется важным отметить: знаковым событием в эволюции рассматриваемого правового механизма уголовно-процессуально-правовых средств обеспечения гласности является постановление Президиума Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2025 г. № 77-2415/2025[5], в соответствии с которым вышестоящая инстанция признала

[5] Судебные решения РФ : [сайт]. URL: https://1kas.sudrf.ru (дата обращения: 12.05.2026).

существенным нарушением требований ст. 241 УПК РФ действия суда, который, ограничив доступ общественности в зал заседания по организационно-техническим причинам («отсутствие мест»), не принял необходимых мер по организации альтернативной трансляции судопроизводства. В результате кассационный суд отменил судебный акт, указав на недопустимость подмены гласности судопроизводства ее формальной видимостью и признав, что онлайн-трансляция – обязательное уголовно-процессуальное средство обеспечения гласности в ситуациях, когда физический доступ к правосудию объективно ограничен.

Заключение

В условиях цифровой трансформации уголовного судопроизводства гласность перерастает рамки пассивной организационной формы, преобразуясь в динамический комплекс процессуально-правовых средств, гарантирующих реализацию ст. 123 Конституции России. Гласность уголовного судопроизводства в результате выступает не только как процедурное правило, но как фундаментальная конституционная ценность, определяющая сущность уголовного правосудия в демократическом обществе и правовом государстве.

Предложенная теоретико-прикладная классификация уровней уголовно-процессуальных средств обеспечения гласности в уголовном судопроизводстве демонстрирует, что обеспечение гласности уголовного судопроизводства сегодня – это не факультативная возможность, а императивная обязанность суда, вытекающая из конституционной позиции и публично-правовой природы уголовного процесса. Анализ современной доктрины и судебной практики подтверждает также, во-первых, неуклонное движение российской судебной системы к реализации презумпции безусловной гласности судопроизводства и, во-вторых, что суд обязан исчерпать весь арсенал уголовно-процессуальных средств – от организации удаленного онлайн-присутствия до применения механизмов цифровой анонимизации, прежде чем констатировать невозможность проведения открытого разбирательства.

Принимая во внимание изложенное, констатируем: на современном этапе развития российского уголовного судопроизводства его оптимизация и цифровизация осуществляются в целях обеспечения защиты прав, интересов человека, гражданина [10, с. 11, 12]. При этом ограничение гласности допустимо исключительно как ultima ratio при условии соблюдения критериев законности, необходимости и соразмерности.

Список источников

1. Дорошков В. В. Взгляды ученых на современное российское уголовное правосудие // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1. С. 46–51.

2. Масленникова Л. Н. К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // Lex russica. 2020. Т. 73, № 1. С. 70–87.

3. Россинский С. Б. Развитие цифровых технологий как фактор, обуславливающий потребность в изменении правил ознакомления с материалами уголовного дела // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 1. С. 164–172.

4. Дарда А. В. Влияние современных информационных технологий на осуществление правосудия // Юридическая наука. 2020. № 10. С. 60–68.

5. Зотова А. Ф. Гласность и транспарентность как требования открытости в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2025. 26 с.

6. Качалова О. В. Частные и публичные интересы при производстве по уголовным делам и цифровизация уголовного судопроизводства // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 69–77.

7. Чурикова А. Ю. Цифровая трансформация и транспарентность уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 1. С. 179–183.

8. Гришина Е. П., Тасаков С. В. Цифровые технологии в сфере правосудия по уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 4. С. 77–85.

9. Спесивов Н. В. Цели и ценности российского уголовного судопроизводства // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. № 1. С. 256–261.

10. Миронова Е. Ю. Нравственные начала уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества : автореф. … дис. канд. юрид. наук. Иркутск, 2024. 26 с.

References

1. Doroshkov V. V. Scientists' views on modern Russian criminal justice. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.* 2024;(1):46-51. (In Russ.)

2. Maslennikova L. N. First results of the scientific project No. 18-29-16018 "The Concept of Forming up Criminal Proceedings Providing Access to Justice in the Conditions of Digital Technologies Development". *Lex Russica*. 2020;73(1):70-87. (In Russ.)

3. Rossinsky S. B. The development of digital technologies as a factor determining the need to change the rules for reviewing criminal case materials. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow.* 2025;(1):164-172. (In Russ.)

4. Darda A. V. Impact of modern information technologies on the administration of justice. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science.* 2020;(10):60-68. (In Russ.)

5. Zotova A. F. *Publicity and transparency as requirements of openness in criminal proceedings.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Volgograd; 2025. 26 p. (In Russ.)

6. Kachalova O. V. Private and public interests in proceedings in criminal cases and the digitalisation of criminal proceedings. *The Rule-of-law State: Theory and Practice.* 2025;(1):69-77. (In Russ.)

7. Churikova A. Yu. Digital transformation and transparency in criminal proceedings. *Legal Order: History, Theory, Practice.* 2026;(1):179-183. (In Russ.)

8. Grishina E. P., Tasakov S. V. Digital technologies in justice in criminal cases. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia.* 2022;13(4):77-85. (In Russ.)

9. Spesivov N. V. Goals and values of Russian criminal proceedings. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life.* 2026;(1):256-261. (In Russ.)

10. Mironova E. Yu. *Moral principles of criminal proceedings in the context of digitalization of society.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Irkutsk; 2024. 26 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. А. Костенюк – помощник судьи.

Information about the author

E. A. Kostenyuk – Assistant Judge.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2026; одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 21.05.2026.

The article was submitted 04.02.2026; approved after reviewing 17.02.2026; accepted for publication 21.05.2026.

Российское правосудие. 2026. № 7. С. 70–82
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 7. P. 70–82
УДК 343.615.1 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.7.70-82

Научная статья

Неизгладимое обезображивание лица как признак состава преступления: закон, теория, судебная практика

Владимир Николаевич Сафонов

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, svn205@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3676-1894

Аннотация. Законодательная регламентация ответственности и правоприменительная интерпретация неизгладимого обезображивания лица как признака тяжкого вреда здоровью – актуальная проблема, остроту которой задают: технико-юридические аспекты норм с этим признаком; вступление в силу с 1 сентября 2025 г. нового приказа Минздрава России от 8 апреля 2025 г. № 172н «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»; оценочная природа феномена неизгладимого обезображивания лица; характерная практика рассмотрения уголовных дел о преступлениях с этим оценочным признаком состава преступления и существенной ролью дискреционного подхода (усмотрения) правоприменителя. Последнее актуально также и в контексте полемики относительно обвинительного уклона отечественного правосудия.

Рассматриваются особенности технико-юридической конструкции состава, правоприменительная интерпретация неизгладимого обезображивания лица как признака тяжкого вреда здоровью и практика назначения наказания. Судебные подходы к пониманию неизгладимого обезображивания лица в рамках эстетического критерия выступают задачей исследования. Автор обращается к феномену неизгладимого обезображивания лица как признаку состава преступления с позиций диалектического подхода к содержанию и сущности любого социального явления. Методы исследования – системный, логический, сравнительный и собственно-юридический.

Резюмируется, что диспозиции норм о причинении тяжкого вреда здоровью по признаку неизгладимости обезображивания лица имеют сложную природу, являясь бланкетными, что предполагает соответствующий уровень юридической техники «бланкетной части» уголовного закона.

Обезображивание лица относится к оценочным признакам состава преступления, что предполагает заметную роль усмотрения правоприменителя и высокий уровень правосознания субъекта правоприменения. Констатируется сложившаяся сбалансированная судебная практика применения этого признака в рамках дискреционного подхода, которая также показательна в контексте дискурса об обвинительном уклоне в российском правосудии и свидетельствует о сформировавшихся подходах не в пользу обвинительного уклона.

Ключевые слова: тяжкий вред здоровью, неизгладимое обезображивание лица, оценочный признак, дискреция, назначение наказания, обвинительный уклон

Для цитирования: Сафонов В. Н. Неизгладимое обезображивание лица как признак состава преступления: закон, теория, судебная практика // Российское правосудие. 2026. № 7. С. 70–82. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.70-82.

© Сафонов В. Н., 2026

Original article

Indelible Facial Disfigurement as a Sign of a Crime: Law, Theory, Judicial Practice

Vladimir N. Safonov

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, svn205@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3676-1894

Abstract. Legislative regulation of liability and law enforcement interpretation of indelible facial disfigurement as a sign of serious harm to health is an urgent problem, the severity of which is set by: technical and legal aspects of norms with this sign; entry into force on 1 September 2025 of the new Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 4 August 2025 No. 172n "On approval of the Procedure for determining the severity harm caused to human health"; the evaluative nature of the phenomenon of indelible disfigurement of the face; the characteristic practice of considering criminal cases of crimes with this evaluative feature of the corpus delicti and the essential role of the discretionary approach (discretion) of the law enforcement officer. The latter is also relevant in the context of the controversy regarding the accusatory bias of domestic justice.

The study examines the features of the technical and legal structure of the offense, the law enforcement interpretation of permanent disfigurement of the face as a sign of serious harm to health, and the practice of sentencing. The study aimed to explore the judicial approaches to understanding permanent disfigurement of the face within the framework of the aesthetic criterion.

The author addresses the phenomenon of indelible facial disfigurement as a sign of a crime from the standpoint of a dialectical approach to the content and essence of any social phenomenon. The research methods are systematic, logical, comparative and proper – legal.

It is summarized that the dispositions of the norms on causing serious harm to health on the basis of the indelibility of a person have a complex nature, being general, which implies an appropriate level of legal technique for the "general part" of the criminal law. Facial disfigurement is an evaluative element of a crime, which implies a significant role for the discretion of the law enforcement officer and a high level of legal awareness on the part of the law enforcement subject. The article states the established balanced judicial practice of applying this feature within the framework of a discretionary approach, which is also indicative in the context of the discourse on the accusatory bias in Russian justice and indicates that established approaches are not in favor of the accusatory bias.

Keywords: severe harm to health, permanent disfigurement of the face, evaluative criterion, discretion, imposition of punishment, accusatory bias

For citation: Safonov V. N. Indelible facial disfigurement as a sign of a crime: law, theory, judicial practice. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(7):70-82. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.70-82.

Неизгладимое обезображивание лица (далее – НОЛ) буквально упомянуто лишь единожды в нормах российского уголовного права – в качестве конструктивного (атрибутивного) признака состава умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ). Однако фактическое его распространение более заметно и присутствует во множестве норм Особенной части УК РФ именно в качестве одного из видов тяжкого вреда здоровью. Составы преступлений о причинении тяжкого вреда здоровью предусмотрены разными главами УК РФ. Здесь логично говорить в первую очередь о главе 16, в нормах которой здоровье человека выступает основным непосредственным объектом посягательств. В статье 118 УК РФ той же главы предусмотрена ответственность за неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью, ст. 113 УК регулирует ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта, а ст. 114 УК – за тот же вред, причиненный при превышении пределов необходимой обороны или мер по задержанию лица, совершившего преступление.

В то же время ряд глав УК РФ содержит нормы, в которых здоровье человека выступает дополнительным объектом. Это касается и случаев умышленного или неосторожного причинения тяжкого вреда здоровью человека в виде НОЛ.

Примером в этом отношении может служить уголовное дело по обвинению Р. и Д. в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 3 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, рассмотренное в кассационном порядке Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации, когда тяжкий вред здоровью по признаку НОЛ лицу был причинен в ходе разбойного нападения и стал признаком особо квалифицированного разбоя[1].

Это уголовное дело стало показательным с точки зрения сложности применения оценочного признака состава преступления – причинение неизгладимого обезображивания лица – и наличия наиболее типичных судебных ошибок.

Поскольку личность может выступать дополнительным объектом других посягательств, НОЛ потерпевшего как признак тяжкого вреда здоровью может быть признаком полиобъектных преступлений против собственности, общественной безопасности и общественного порядка, здоровья населения, безопасности движения и эксплуатации транспорта и др.

Обращение к нормам о НОЛ позволяет выделить их технико-юридические и правоприменительные особенности, что обусловливает доктринальный интерес к ним.

Технико-юридические особенности составов причинения тяжкого вреда здоровью по признаку неизгладимого обезображивания лица

Составы преступлений причинения тяжкого вреда здоровью имеют характерные технико-юридические конструкции. Так, если в ст. 118 УК РФ неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью называется в качестве родового признака, т. е. без перечня его видов, то в ч. 1 ст. 111 УК РФ предусмотрена ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, который выступает в 13 видах. Один из них – умышленно причиненное обезображивание лица. На первый взгляд, эта норма сформулирована с простой диспозицией, поскольку деяние в ней только поименовано, а его признаки не раскрываются. Однако обращение к особенностям норм о причинении вреда здоровью приводит к иным выводам. В уголовно-правовой доктрине около трех десятилетий ведется дискуссия о технико-юридической природе преступлений против здоровья. На бланкетности норм настаивает П. С. Яни: «…категория “вред здоровью”, содержание которой раскрыто в нормативном тандеме соответствующих Правил и Медицинских критериев, к которым Правила отсылают судебно-медицинских экспертов и правоприменителей, носит бланкетный характер, и для ответа на поставленный вопрос придется обратиться к названным нормативным актам» [1, с. 35]. Не признавал бланкетности упомянутых норм Г. Н. Борзенков, утверждавший, в частности, что тесная связь уголовного права с нормами иных отраслей права не является свидетельством бланкетности большинства его норм [2], а Н. И. Пикуров к бланкетным относит не все диспозиции норм о преступлениях против здоровья, а только некоторые признаки этих составов [3]. Однако и технико-юридическое построение, и интерпретационные особенности состава НОЛ как вида тяжкого вреда здоровью лишь усиливают позицию П. С. Яни.

Действовавшие до 1 сентября 2025 г. Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. приказом Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н[2]) (далее – Медицинские критерии), разработанные для реализации п. 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, не вполн-

[1] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2009 г. № 85-о09-15. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Приказ Минздравсоцразвития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

не последовательно описывали признаки этого вида вреда здоровью человека. В частности, в п. 6.10 Медицинских критериев указывается, что степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, выразившегося в неизгладимом обезображивании его лица, определяется судом; производство судебно-медицинской экспертизы ограничивается лишь установлением неизгладимости данного повреждения, а также его медицинских последствий в соответствии с Медицинскими критериями. Там же определяется: «Под неизгладимыми изменениями понимаются такие повреждения лица, которые с течением времени не исчезают самостоятельно (без хирургического устранения рубцов, деформаций, нарушений мимики и прочее, либо под влиянием нехирургических методов) и для их устранения требуется оперативное вмешательство (например, косметическая операция)». Кроме того, в подп. 1–3 п. 61 Медицинских критериев применительно к оценке ожогов мягких тканей описываются границы лица, косметически заметные рубцы и понятие обезображивания. В частности, обезображивание определялось как «...резкое изменение естественного вида лица человека в результате воздействия внешних причин. При этом обосновывается вывод о неизгладимости повреждения».

Обратим внимание на то, что понятие «обезображивание лица» вряд ли соответствовало его трактовке в судебной практике и теории уголовного права, поскольку содержит лишь один смыслообразующий термин «резкое изменение естественного вида лица человека», мало что дающий для констатации обезображивания лица [4]. Видимо, поэтому в действующем документе этого определения нет.

Примечательно, что суды, обосновывая свои решения, связанные с определением границ лица человека, обращались к источникам, которые не относятся ни к нормам уголовного права в буквальном смысле, ни к «бланкетной части» уголовного закона в противоречие принципу законности (ст. 3 УК РФ).

Так, Воткинский районный суд Удмуртской Республики, возвращая прокурору уголовное дело по обвинению лица в совершении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, с применением предмета, используемого в качестве оружия (п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ), указал, что обвинительное заключение составлено с нарушением положений УПК РФ, поскольку без правовой оценки остались НОЛ и причинение психического расстройства как следствие травмы головы. Обращает на себя внимание источник обоснования наличия НОЛ и трактовки границ лица – пособие «Клиническая анатомия лицевого отдела головы» (ФГБОУ высшего образования «Иркутский государственный медицинский университет» Минздрава России, кафедра анатомии человека, оперативной и судебной медицины, 2019), раздел 5 «Топографические области лица»). Будем точны: упомянул суд и подп. 1–3 п. 61 Медицинских критериев, но во вторую очередь[3].

В действовавшей нормативной базе обращают на себя внимание как минимум два аспекта: 1) важнейшие положения, определяющие признаки деяний всех категорий тяжести (ст. 15 УК РФ), связанных с причинением тяжкого вреда здоровью, были размещены не в основном тексте Медицинских критериев, а в Приложении к Медицинским критериям, поименованном как «Таблица процентов стойкой утраты общей трудоспособности в результате различных травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин», причем в п. 61, названном «Мягкие ткани»; 2) сами Медицинские критерии обозначены как Приложение к приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н.

[3] Постановление Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 27 февраля 2024 г. № 1-551/2023 1-84/2024 по делу № 1-551/2023. Здесь и далее доступ на сайте «Судебные и нормативные акты РФ», если не указано иное.

Предположим, что обращение суда к учебному пособию «Клиническая анатомия лицевого отдела головы» в рамках вопроса о границах лица было в определенной степени вынужденным и обусловленным отсутствием описания границ лица в основной части Медицинских критериев (п. 6.10). На эту мысль наталкивают и публикации. В частности, В. А. Путинцев и А. М. Брыкина утверждают: «Отсутствие в этих “Правилах” разъяснений о границах лица, его элементов, черт, выступающих частей и т. д. дало повод оспаривать локализацию повреждений в области лица в судах» [5, с. 5]. Действительно, границы лица – один из наиболее дискуссионных вопросов ответственности за неизгладимое обезображивание лица. Именно спорности границ лица, а точнее – обоснованию необходимости расширения границ признака, связанного с НОЛ, до области «эстетически значимой зоны» [6] или до «неизгладимого обезображивания части тела» [7, с. 1720] в контексте рассматриваемого признака посвящено множество научных публикаций исследователей – юристов [8; 9] и представителей медицинской научной и практической мысли [5; 6].

В изученном нами массиве уголовных дел не обнаружено случаев квалификации судами обезображивания частей тела, выходящих за пределы лица, как неизгладимого обезображивания лица; напротив, такие повреждения исключались из обвинения[4]. Хотя Е. В. Хромов и приводит случаи, когда «суды, описывая характер ран, обезображивающих лицо, наряду с иными дефектами допускают включение в обвинительные приговоры повреждений на волосистой части головы, шее» [4, с. 114] в «виде резаной раны левой скуловой и околоушной области, обширного участка отсутствия роста волос в теменной области с покраснением, вызвавшие причинение в своей совокупности тяжкого вреда здоровью по признаку неизгладимого обезображивания лица» [4, с. 114], либо «в виде ушибленных ран в правой щечной-скуловой области и верхней трети передней боковой поверхности шеи слева в подчелюстной области, которые неизгладимо обезображивают лицо» [4, с. 114], думается, что заметной роли такие случаи в судебной практике не играют.

Согласимся с Е. В. Хромовым в следующем: при комплексных повреждениях лица следует исключать из обвинения повреждения тех частей тела, которые не охватываются границами лица. Заслуживает внимания предложение этого автора «…на законодательном уровне признать в качестве признака тяжкого вреда здоровью неизгладимое обезображивание человека, а не только его лица, поскольку визуально-эстетическая оценка происходит в результате комплексного восприятия внешнего облика потерпевшего окружающими» [4, с. 114].

Нормы позитивного права не имеют дефиниции неизгладимого обезображивания лица. Судебная практика выработала довольно развернутую трактовку этого феномена.

Е. В. Хромовым предложена следующая, на наш взгляд, сбалансированная дефиниция: «…под неизгладимым обезображиванием лица понимать посттравматическое искажение лицевых тканей (рубцы, шрамы) и (или) частей лица (уши, нос, губы, глаза) вплоть до их полной или частичной ампутации, влекущее резкое изменение естественного вида (динамических и статических характеристик), асимметрию, деформацию, изменение мимики, нарушение целостности анатомического строения, придающее лицу неприятный, отталкивающий, безобразный, а иногда и уродливый вид, отрицательно влияющее на внешний облик человека как составляющую его психического здоровья, вызывающее резко негативные эмоции наблюдателей и потерпевшего, неустранимое терапевтическими (консервативными) методами лечения» [4, с. 121]. Достоинством дефиниции является и указание на нередкую связь НОЛ с психическим здоровьем человека. В любом случае желательна трактовка НОЛ

[4] Приговор Норильского городского суда Красноярского края от 10 января 2024 г. № 1-18/2024 (1-450/2023) по делу № 1-18/2024 (1-450/2023) (№12301040010000405).

на уровне профильного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации либо в норме позитивного права.

Нормативная база квалификации НОЛ в «бланкетной части» правовой нормы (в Медицинских критериях) нуждалась в совершенствовании ввиду недостаточной структурированности, имела несодержательное определение обезображивания лица. 8 апреля 2025 г. приказом Минздрава России № 172н вместо отмененных Медицинских критериев утвержден новый Порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (далее – Порядок). Приказ срочный: он действует с 1 сентября 2025 г. по 1 сентября 2031 г. В пяти подпунктах п. 5.1.10 «Неизгладимое обезображивание лица» новый документ излагает порядок констатации этого телесного повреждения. Кроме существовавших в предыдущем документе положений о порядке определения этого вида вреда здоровью судом здесь повторяются пределы компетенции судебно-медицинской экспертизы. В остальных трех подпунктах даются определения изгладимых и неизгладимых последствий повреждения лица и определяются границы лица. Как видим, новый Порядок отказался от дефиниции обезображивания лица, что следует признать правильным с учетом уровня принятого документа, сложности и степени определенности на настоящий момент этого признака.

Судебное толкование неизгладимого обезображивания лица как признака тяжкого вреда здоровью

Констатация или непризнание неизгладимого повреждения лица человека обезображивающим – наиболее очевидная и сложная проблема квалификации этого вида увечья. Выше мы приводили пример того, как суд субъекта Российской Федерации допустил квалификационную ошибку по делу Д. и Р.

Речь шла о 10 линейных и косо-горизонтальных рубцах на лице молодого человека длиной от 1,0 до 8,0 см, причиненных ему в ходе покушения на убийство, сопряженного с разбоем. Суд первой инстанции не признал эти повреждения обезображивающими лицо потерпевшего. По жалобе потерпевшего и кассационному представлению прокурора Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суд Российской Федерации пересмотрела дело и не согласилась с доводами суда первой инстанции. С учетом 16-летнего возраста и социального статуса потерпевшего – учащегося средней школы коллегия констатировала: «…практически на всей поверхности лица, а именно: в области лба, щеки, верхней губы, нижней челюсти, образовались 10 неизгладимых рубцов, общей длиной 36,0 см, из них 4 неизгладимых рубца длиной от 5,5 см до 8,0 см проходят через весь лоб потерпевшего» и заключила, что «рубцы на лице потерпевшего А. хорошо заметны со значительного расстояния, изменяют естественный вид лица и обезображивают его»[5].

В изученных нами приговорах по 100 уголовным делам, рассмотренным судами по этому признаку в период с 2019 по 2024 г., соблюдался «классический» подход, в соответствии с которым оценка неизгладимого обезображивания лица строилась с учетом двух критериев: медицинского и юридического, при этом в основе последнего лежит эстетический подход. Точно учитывалась и компетенция относительно критериев: экспертная и судебная соответственно. Действительно, все многообразие аргументов, послуживших основанием для квалификации судами неизгладимых повреждений лица как обезображивающих или не признанных таковыми, укладывается в гамму факторов обезображивания лица, предложенных Е. В. Хромовым в виде системы: 1) медико-визуальные, 2) эстетически-оценочные, 3) социальные, 4) общие [4].

[5] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2009 г. № 85-о09-15. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Достоинство системы состоит и в наполнении указанных факторов конкретными критериями, влекущими признание неизгладимого повреждения лица обезображивающим.

Поскольку практика рассмотрения уголовных дел данной категории стала предметом междисциплинарного диспута (с позиций принципов уголовного права и институтов уголовного процесса), обратимся к некоторым особенностям процедуры их рассмотрения. На наш взгляд, судебные разбирательства по установлению оценочного признака (НОЛ) показывают их соответствие принципам уголовного права и уголовного процесса, иногда обнаруживая нарушения норм материального или процессуального права.

Так, Санкт-Петербургский городской суд, рассматривая в апелляционном порядке уголовное дело в отношении Г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, не согласился с судом первой инстанции и не признал наличие НОЛ со следующим обоснованием: «…исследовав представленные в уголовном деле фотоизображения потерпевшего, наблюдая последнего в судебном заседании, учитывая пол потерпевшего, его возраст, образ жизни, который в публичных, массовых мероприятиях не участвует, учитывая тот факт, что наличие повреждения не отразилось на повседневной жизни потерпевшего, последний до настоящего времени не стремился устранить дефект внешности, при наличии таковой возможности, учитывая незначительные размеры повреждения, а также с учетом того, что повреждение хотя и расположено на носу, но при этом не выделяется на фоне лица, не бросается в глаза… суд приходит к выводу, что довод потерпевшего о сильном обезображивании его лица, что влияет на невозможность его трудоустройства, является его субъективным мнением о его внешнем виде и не позволяет прийти к выводу о достаточности этих доказательств для формирования эстетического критерия, на основании которых можно утверждать о признаках уродливости, асимметрии, непривлекательности лица потерпевшего и стойкого обезображивания. Сам по себе факт отсутствия кончика носа и наличия рубца на его месте не свидетельствует об обезображивании лица потерпевшего»[6]. Еще одна деталь: в этом приговоре суд указал на необходимость установления умысла на причинение тяжкого вреда здоровью в виде НОЛ. В итоге суд апелляционной инстанции отменил приговор суда первой инстанции и признал Г. виновным в преступлениях, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 112 и ч. 1 ст. 119 УК РФ.

На наш взгляд, этот случай показателен: он является конкретным и практическим аргументом в пользу исследователей – сторонников необходимости назначения экспертизы, касающейся эстетического критерия и называемой по-разному: эстетической, портретной и т. п.

Наиболее типичные судебные подходы включают осмотр потерпевшего визуально, исходя из общепринятых эстетических представлений о нормальной внешности человека, осмотр его фотографий до повреждения, позицию потерпевшего, количество и локализацию повреждений и др.[7]

Судами учитываются факторы, относящиеся не только к физическому, но и к психическому здоровью потерпевшего: «Помимо этого суд учитывает мнение потерпевшей о том, что наличие неизгладимого рубца негативно влияет на качество ее жизни и общение с другими людьми, нарушает эстетические общепринятые нормы о красоте лица. Согласно заключению эксперта, повреждение вызвало нарушение тройничного нерва, затруднено открывание рта, присутствует боль при жевании и питье, а также слезотечение из правого глаза»[8].

---

[6] Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 13 ноября 2023 г. № 22-6968/2023 по делу № 22-6968/2023.

[7] Приговор Старооскольского городского суда Белгородской области от 24 января 2024 г. № 1-48/2024 1-655/2023 по делу № 1-48/2024.

[8] Приговор Раменского городского суда Московской области от 18 января 2024 г. № 1-24/2024 1-27/2024 1-842/2023 по делу № 1-24/2024.

Уместно обсуждение гендерного аспекта.

*В 2% приговоров гендерный аспект так или иначе звучал: «Таким образом, суд приходит к выводу, что у потерпевшей С. А. А., фотографии которой были осмотрены в судебном заседании, была установлена ее внешность в ходе рассмотрения дела в суде, действительно имеется шрам на лице, который визуально заметен, нарушает мимику лица, является отталкивающим, а потому обезображивает лицо потерпевшей С. А. А., **являющейся женщиной**»[9] (выделено нами. – В. С.).*

В другом случае суд также развернуто представил аргументы наличия НОЛ женщины: «…рассматриваемые повреждения расположены на открытом участке тела – на лице. При этом… повреждения повлекли асимметрию лица, изменили его. Как сама потерпевшая, так и свидетели указали, что лицо потерпевшей вследствие причиненных повреждений приобрело отталкивающий вид. Потерпевшая находится в молодом возрасте (20 лет), работает заместителем директора магазина и проходит обучение в образовательном учреждении, т. е. ведет публичный образ жизни, но стесняется своего лица вследствие полученных повреждений, скрывает свое лицо под маской, ограничила свой круг общения, болезненно реагирует на просьбы»[10].

Впрочем, гендерный аспект не играет очевидной роли, о чем свидетельствует следующий и другие приговоры.

Суд не согласился с органами следствия: «Телесное повреждение в виде рубца на спинке носа потерпевшей не привело к изменению естественного вида лица, деформированию головы, нарушению мимики и искажению внешнего облика, то есть данные телесные повреждения не обезображивают лицо потерпевшей А. А.»[11].

Учитывались динамика изменения повреждений лица, их локализация, внешний вид, доступность повреждения для обозрения посторонними и мнение потерпевших.

Так, не находя обезображивания лица потерпевшей, суд указал: «На фотографиях, изображенных непосредственно после наложения швов, шрам выглядит иначе, чем по истечении времени. Со стороны окружающих ее людей дискомфорта при общении не испытывает из-за наличия шрама. Физического дискомфорта она при этом не испытывает, устранение шрама возможно при косметологической операции. Ее самооценка от наличия шрама не пострадала, при взгляде в зеркало в фас шрам незаметен, и его заметить можно, только если пристально вглядываться, при этом необходимо поднять подбородок кверху, что она в обычной жизни не делает»[12].

Иногда возникает ощущение, что суды, сосредоточиваясь на оценке повреждений лица потерпевшего, оставляли без достаточного внимания другие подлежащие установлению и оценке признаки деяния.

Так, Шушенский районный суд Красноярского края осудил гражданина по ч. 1 ст. 111 УК РФ за умышленное причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью, в том числе и в виде НОЛ, за то, что под-

---

[9] Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 12 января 2024 г. № 1-610/2023 1-86/2024 по делу № 1-610/2023.

[10] Приговор Ленинского районного суда г. Нижнего Тагила Свердловской области от 12 октября 2023 г. № 1-405/2023 по делу № 1-405/2023.

[11] Приговор Алтайского районного суда Алтайского края от 24 января 2024 г. № 1-188/2023 1-20/2024 по делу № 1-188/2023.

[12] Приговор Норильского городского суда Красноярского края от 10 января 2024 г. № 1-18/2024 1-450/2023 по делу № 1-18/2024.

судимый нанес К. А. В., голова которого после падения его на асфальтированную поверхность находилась на краю бетонной ступени указанного крыльца, не менее двух ударов кулаком правой руки в область лица, а также левой ногой, обутой в обувь, один удар в область лица, от которых К. А. В. ударился левой ушной раковиной о край бетонной ступени, покрытой кафелем с острой кромкой. Своими действиями виновный причинил К. А. В. в том числе ушибленную рану левой ушной раковины, т. е. тяжкий вред по признаку неизгладимого обезображивания лица[13].

Казалось бы, суд должен был обсудить форму вины, с которой было причинено телесное повреждение: ведь в схожих случаях, когда умышленный удар причиняет даже спортсмен-единоборец и причиняет вред здоровью или смерть в результате падения и удара жертвы о твердую поверхность, судебная практика ответственность субъекта нередко связывает с неосторожной формой вины, что подвергается критике в литературных источниках [9; 10; 11; 12]. В рамках данного уголовного дела форма вины не обсуждалась.

В другом деле не обсуждался вопрос об особо жестоком способе причинения неизгладимого обезображивания лица, когда субъект преступления схватил за волосы женщину и прижал ее лицом к газовой горелке[14].

В большинстве случаев суды указывали материально-правовую основу квалификации причинения неизгладимого обезображивания лица: УК РФ, постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522, п. 6.10 Медицинских критериев, реже – положения Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Практически во всех приговорах и постановлениях суды указывали на медицинский и юридический (эстетический) критерии квалификации НОЛ.

Практика квалификации судами неизгладимых повреждений лица

Анализируя судебную практику данной категории уголовных дел за 2015–2019 гг., Е. В. Хромов пришел к заключению, что в 12% случаев суды не соглашаются с выводами органов предварительного расследования о наличии этого признака [4]. На основе анализа уголовных дел данной категории, рассмотренных судами в период с 2019 по 2024 г., мы получили иные данные: по 51% уголовных дел первоначальная квалификация (ч. 1 ст. 111 или п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ) не была подтверждена в ходе судебного разбирательства. В результате переквалификации правовая оценка изменена на:

- ч. 1 ст. 112 УК РФ или п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ – 6% уголовных дел от всего объема переквалифицированных преступлений;
- ст. 118 УК РФ – 1%;
- ст. 114 УК РФ – 1%;
- ст. 115 УК РФ – 92% уголовных дел (как и в предыдущих случаях – от всего числа переквалифицированных преступлений).

Процессуальный аспект переквалификации деяний: 14% деяний переквалифицированы прокурорами в порядке ст. 246 УК РФ, правовая оценка остальных деяний изменена судами по результатам рассмотрения уголовных дел.

---

[13] Приговор Шушенского районного суда Красноярского края от 30 января 2024 г. № 1-222/2023 1-9/2024 по делу № 1-222/2023.

[14] Приговор Зарайского городского суда Московской области от 12 октября 2023 г. № 1-121/2023 по делу № 1-121/2023.

В 49% от всего массива уголовных дел признак НОЛ нашел свое подтверждение в результате тщательного исследования материалов уголовных дел судами. Таким образом, сложно назвать какую-либо другую категорию уголовных дел, когда первоначальная квалификация в ходе судебного разбирательства изменялась бы судами столь кардинально, как правовая оценка НОЛ. Однако не будем забывать, что НОЛ – оценочная категория, применение которой сопряжено с дискреционным подходом (усмотрением) правоприменителя, что предполагает высокий уровень правосознания правоприменителя, что, собственно, и наблюдается особенно отчетливо в данном случае. Эти данные – говорящие в контексте дискурса об обвинительном уклоне в отечественном судопроизводстве (на чем несколько детальнее мы остановимся далее) и свидетельствуют о позитивных тенденциях в сфере уголовного судопроизводства.

Практика назначения наказания за причинение вреда здоровью в виде неизгладимого обезображивания лица в контексте полемики об обвинительном уклоне отечественного правосудия

Изучение практики назначения наказания по делам рассматриваемой категории позволяет увидеть несколько особенностей:

1) очевидную зависимость от окончательной квалификации деяний;

2) наличие значительного массива уголовных дел, прекращенных по основанию освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, и незначительного числа – в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Естественно, речь идет о преступлениях, переквалифицированных на ст. 115 УК РФ. Таких (прекращенных) – 18% от всего числа переквалифицированных дел и, следовательно, около 9% от всего массива дел этой категории;

3) наличие значительного массива уголовных дел, когда подтвержденная квалификация НОЛ влекла условное наказание в виде лишения свободы. Лишение свободы реально назначалось, как правило, в случаях: причинения этого телесного повреждения наряду с другими, относящимися к тяжкому вреду; совокупности преступлений; совокупности приговоров; реже – с учетом личности преступника (страдающие алкоголизмом, отрицательно характеризующиеся).

Сравнительный аспект назначения наказания (по отношению к остальным признакам составов преступлений, предусмотренным ст. 111 УК РФ) – отдельная проблема. На поверхности одно – более мягкая практика назначения наказаний по сравнению с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни.

Практика рассмотрения уголовных дел о неизгладимом обезображивании лица в контексте иных аспектов научного диспута

Затронутая проблема сконцентрировала вокруг себя множество спорных вопросов. Здесь рассмотрим лишь два.

1. В научных источниках встречается критика переквалификации уголовных дел с норм о причинении тяжкого вреда здоровью человека по признаку неизгладимого обезображивания лица на более мягкие статьи УК РФ. Некоторые исследователи считают такую практику противоречащей положениям УПК РФ, она якобы возлагает на суд не свойственную ему функцию формулировать обвинение, поскольку «полномочия суда, регламентированные ст. 29 УПК РФ, не предусматривают осуществления судом функции установления признака вреда, причиненного здоровью человека» [7 с. 1720]. Взамен предлагаются сложные процессуальные формы, неоправданно идущие вразрез с уголовно-процессуальными нор-

мами, направленные якобы на упрощение судебного разбирательства [7]. С этим нельзя согласиться, так как обвинение в НОЛ формулирует орган предварительного расследования, а суд проверяет и тем самым устанавливает его обоснованность.

2. Изучение судебной практики по делам о НОЛ невольно отсылает к дискуссии об обвинительном уклоне отечественного уголовного судопроизводства [13], нередко – с хлесткими и не вполне обоснованными утверждениями [14].

Практика рассмотрения уголовных дел о НОЛ весьма показательна, так как она подразумевает применение оценочного признака состава преступления в рамках дискреционного подхода, т. е. с широкими пределами усмотрения правоприменителя (суда). Предпринятое исследование показывает, что правовая, процессуальная, статистическая стороны рассмотрения судами дел этой категории не только не позволяют говорить об обвинительном подходе, а, напротив, дают основание признать соответствие судебной практики принципам уголовного права и уголовного процесса. Предвидя возражение о том, что нельзя делать вывод об обвинительном уклоне, исходя лишь из одной категории уголовных дел, напомним: речь идет о такой категории уголовных дел, когда обвинительный уклон привел бы к иным показателям в части квалификации и наказуемости деяний.

Поэтому согласимся с утверждением В. А. Давыдова, который, полемизируя относительно обвинительного уклона в российском уголовном судопроизводстве и высказавшись не в пользу этой тенденции, пришел к выводу о позитивных изменениях, наблюдаемых в последние годы в российском уголовном процессе [15].

В качестве заключения считаем уместным сделать следующие выводы.

1. Уголовно-правовые нормы о причинении тяжкого вреда здоровью в виде неизгладимого обезображивания лица имеют бланкетную диспозицию, что предполагает такой технико-юридический уровень «бланкетной части» правовой нормы, который исключал бы правовую неопределенность.

2. Неизгладимое обезображивание лица представляет собой оценочную категорию, применение которой в рамках дискреционного подхода предполагает высокий уровень правосознания субъекта правоприменения.

3. Судебная практика нуждается в легальной дефиниции обезображивания лица.

4. Сосредоточившись на оценочной категории «неизгладимое обезображивание лица», суды иногда оставляют без внимания другие признаки состава преступления: форму и вид вины, значение способа совершения преступления, что может влиять на точность квалификации деяний.

5. В сложных случаях целесообразно назначение экспертизы (эстетической, портретной), касающейся эстетического критерия обезображивания лица, заключение которой не имело бы заранее установленной силы и оценивалось бы судом наряду с другими доказательствами.

6. Значительный уровень (около 50%) изменения первоначальной квалификации неизгладимого повреждения лица в пользу более мягкой нормы УК РФ свидетельствует о положительных тенденциях в российском уголовном судопроизводстве, в частности о тщательном рассмотрении судами Российской Федерации дел этой категории, когда суды приходят к выводу о том, что не всякое повреждение лица является обезображивающим.

7. Сложившаяся судебная практика применения признака «неизгладимое обезображивание лица» в целом базируется на глубоком знании судьями уголовного закона и подзаконных актов, что обеспечивает соблюдение принципов уголовного права и уголовного процесса и свидетельствует не в пользу тезиса об обвинительном уклоне в современном отечественном уголовном судопроизводстве.

Список источников

1. Яни П. Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Законность. 2023. № 2. С. 32–36.

2. Борзенков Г. Бланкетные ли диспозиции статей УК о причинении вреда здоровью? // Законность. 2007. № 12. С. 14–18.

3. Пикуров Н. И. Правовая природа актов определения тяжести вреда здоровью и размеров наркотических средств: их сходство и различие // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 34–40.

4. Хромов Е. В. Неизгладимое обезображивание лица как признак тяжкого вреда здоровью человека // Уголовное право. 2019. № 5. С. 113–121.

5. Путинцев В. А., Брыкина А. М. Неизгладимое обезображивание лица как один из признаков тяжкого вреда здоровью // Медицинская экспертиза и право. 2012. № 5. С. 4–9.

6. Поздеев А. Р., Жиделев Г. В., Селезнева Т. Е. и др. Об уточнении признака «неизгладимое обезображивание лица» // Проблемы экспертизы в медицине. 2013. Т. 13, № 2. С. 20.

7. Шаматульский И. А. Неизгладимое обезображивание лица как признак тяжкого вреда здоровью // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1716–1720.

8. Усов М. В. Неизгладимое обезображивание лица как признак умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека: проблемы квалификации // Молодой ученый. 2023. № 38. С. 157–159.

9. Донец А. А. К вопросу о правильности определения признаков тяжкого вреда здоровью // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 5 нояб. 2019 г.) / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза : Наука и просвещение, 2019. С. 89–91.

10. Сафонов В. Н. Вина в преступлениях против жизни и здоровья, совершенных с применением приемов спортивных единоборств // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 4. С. 149–167.

11. Сафонов В. Н. Квалификация преступлений, совершенных спортсменами с применением приемов бойцовских единоборств вне сферы спорта // Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте : сб. материалов Всерос. науч.-практ. стола (Санкт-Петербург, 31 окт. 2020 г.) / ред. Е. Н. Рахманова. СПб. : Астерион, 2020. С. 86–94.

12. Сафонов В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений против жизни и здоровья, совершенных с применением приемов спортивных единоборств // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / гл. ред. В. В. Марчук. Минск : Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, 2020. Вып. 13. С. 198–208.

13. Воскобитова Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 455–462.

14. Пронькина Е. Ф. Обвинительный уклон как форма деформации правосознания правоприменителя // Актуальные вопросы публичного права : материалы XIX Всерос. науч. конф. студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 12–13 нояб. 2020 г.) / отв. ред. Е. А. Потапов. Вып. 19. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2020. С. 509–513.

15. Давыдов В. А. Об «обвинительном уклоне» в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2015. № 7. С. 5–9.

References

1. Yani P. The problems of qualification of the intentional infliction of grievous bodily harm. *Zakonnost'* = *Legality.* 2023;(2):32-36. (In Russ.)

2. Borzenkov G. Are there blank dispositions of articles of the Criminal Code on causing harm to health? *Zakonnost'* = *Legality*. 2007;(12):14-18. (In Russ.)

3. Pikurov N. I. The legal nature of acts determining the severity of harm to health and the size of narcotic drugs: their similarities and differences. *Rossijskaya yustitsiya* = *Russian Justice*. 2009;(8):34-40. (In Russ.)

4. Khromov E. V. Indelible disfigurement of the face as a sign of serious harm to human health. *Ugolovnoe pravo* = *Criminal Law.* 2019;(5):113-121. (In Russ.)

5. Putintsev V. A., Brykina A. M. Indelible facial disfigurement as one of the signs of serious harm to health. *Meditsinskaya ekspertiza i pravo* = *Medical Expertise and Law*. 2012;(5):4-9. (In Russ.)

6. Pozdeev A. R., Zhidelev G. V., Selezneva T. E., et al. About sign specification “indelible disfiguration of face of persons”. *Medical Examination Problem*. 2013;13(2):20. (In Russ.)

7. Shamatulsky I. A. Lasting disfigurement of face as an element of grievous bodily harm. *Actual Problems of Russian Law.* 2014;(8):1716-1720. (In Russ.)

8. Usov M. V. Indelible facial disfigurement as a sign of intentional infliction of serious harm to human health: problems of qualification. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2023;(38):157-159. (In Russ.)

9. Donets A. A. To the question of correctness of determination of signs of heavy harm of health. In: G. Yu. Gulyaev, ed. *Jurisprudence in theory and in practice: current issues and modern aspects*. Collection of articles II of the International Scientific and Practical Conference (Penza, 5 November 2019). Penza: Nauka i prosveshchenie; 2019. Pp. 89–91. (In Russ.)

10. Safonov V. N. Guilt in crimes against life and health committed with the use of martial arts techniques. *Leningrad Legal Journal*. 2020;(4):149-167. (In Russ.)

11. Safonov V. N. Qualification of crimes committed by athletes using martial arts techniques outside the field of sports. In: E. N. Rakhmanova, ed. *Criminal law and criminological problems of countering crime in sports.* Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Table (St. Petersburg, 31 October, 2020). St. Petersburg: Asterion; 2020. Pp. 86–94. (In Russ.)

12. Safonov V. N. Theoretical basis for the qualification of crimes against life and health, committed with the use of techniques martial arts. In: V. V. Marchuk, ed. *Problems of strengthening law and order: science, practice, trends.* Collection of scientific papers. Minsk: Scientific and Practical Center for Strengthening the Rule of Law and the Rule of Law of the General Prosecutor’s Office of the Republic of Belarus; 2020. Issue. 13. Pp. 198–208. (In Russ.)

13. Voskobitova L. A. Accusation or accusatory bias? *Actual Problems of Russian Law*. 2014;(3):455-462. (In Russ.)

14. Pronkina E. F. Accusatory bias and distortion of law enforcement awareness. In: E. A. Potapov, ed. *Actual issues of public law*. Materials of the XIX All-Russian Scientific Conference of Students and Young Scientists (Yekaterinburg, 12–13 November, 2020). Issue 19. Yekaterinburg: Ural State Law University; 2020. Pp. 509–513. (In Russ.)

15. Davydov V. A. On “accusatorial bias” in criminal proceedings. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2015;(7):5-9. (In Russ.)

Информация об авторе

В. Н. Сафонов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, федеральный судья в отставке.

Information about the author

V. N. Safonov – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Department, Retired Federal Judge.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 12.05.2026.

Российское правосудие. 2026. № 7. С. 83–89
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 7. P. 83–89
УДК 343.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.7.83-89

Научная статья

Возврат из-за рубежа виртуальных активов преступного происхождения как новое направление международного сотрудничества

Денис Анатольевич Кунев
Верховный Суд Российской Федерации, Москва, Российская Федерация,
https://orcid.org/0000-0002-4374-9164

Аннотация. В статье рассматривается формирование нового направления международного сотрудничества в сфере возврата из-за рубежа виртуальных активов преступного происхождения. Анализируются особенности правовой природы виртуальных активов, их влияние на трансформацию традиционных механизмов взаимной правовой помощи, а также роль международных стандартов, в том числе разработанных ФАТФ.
Выявлены ключевые проблемы, связанные с идентификацией владельцев, определением юрисдикции и обеспечением сохранности активов. Обосновывается необходимость формирования специализированных правовых и организационных механизмов, направленных на повышение эффективности трансграничного взаимодействия государств.

Ключевые слова: виртуальные активы, криптовалюта, международное сотрудничество, возврат активов, ФАТФ, поставщики услуг виртуальных активов, блокчейн, конфискация, юрисдикция, финансовый мониторинг

Для цитирования: Кунев Д. А. Возврат из-за рубежа виртуальных активов преступного происхождения как новое направление международного сотрудничества // Российское правосудие. 2026. № 7. С. 83–89. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.83-89.

Original article

The Repatriation of Virtual Assets of Criminal Origin from Abroad as a New Area of International Cooperation

Denis A. Kunev

Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
https://orcid.org/0000-0002-4374-9164

Abstract. The article examines the emergence of a new area of international cooperation in the recovery of virtual assets of criminal origin from abroad. It analyzes the legal nature of virtual assets and their impact on the transformation of traditional mechanisms of mutual legal assistance. Particular attention is paid to international standards, including those developed by the FATF.
The paper identifies key challenges related to ownership identification, jurisdiction, and asset preservation. It substantiates the need to develop specialized legal and organizational mechanisms to enhance the effectiveness of cross-border cooperation.

Keywords: virtual assets, cryptocurrency, international cooperation, asset recovery, FATF, virtual asset service providers, blockchain, confiscation, jurisdiction, financial monitoring

© Кунев Д. А., 2026

For citation: Kunev D. A. The repatriation of virtual assets of criminal origin from abroad as a new area of international cooperation. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(7):83-89. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.83-89.

Эффективное противодействие трансграничной преступности невозможно без формирования отлаженных механизмов международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции как системообразующего элемента устойчивых, а главное – предсказуемых межгосударственных контактов. В уголовном судопроизводстве они традиционно обеспечиваются путем осуществления взаимодействия по вопросам уголовного преследования, экстрадиции, передачи осужденных для отбывания наказания.

В последней трети XX – начале XXI в. глобализация преступной деятельности и усложнение финансовых отношений обусловили формирование комплексной системы международно-правовых стандартов в сфере возврата из-за рубежа преступных активов в страны их происхождения с целью лишения преступности ее финансовой основы. В результате закрепленные в Конвенции ООН против коррупции[1], а также ряде других глобальных и региональных международных договоров положения способствовали нормативному обособлению данной формы трансграничного взаимодействия и ее научному осмыслению.

Например, А. Г. Волеводз обосновал самостоятельность международного розыска, ареста и конфискации имущества как акта международной правовой помощи [1, с. 14]. В середине 2010-х гг. М. А. Михеенкова выделила международный розыск, арест и конфискацию нажитого преступным путем имущества в качестве новой формы правовой помощи по признаку принятия обеспечительных мер непосредственно на основании поручения суда иностранного государства[2]. В исследованиях конца 2010-х – начала 2020-х гг. определены существенные признаки такого сотрудничества, в том числе включающие межотраслевое правовое регулирование нормами и принципами различных отраслей международного и национального права[3]. В настоящее время комплексное развитие правовых основ возврата активов, сложившиеся модели и практики соответствующего трансграничного взаимодействия позволяют квалифицировать международное сотрудничество в данной сфере как самостоятельный межотраслевой правовой институт.

В современных условиях соответствующее трансграничное взаимодействие не может рассматриваться изолированно от формирующихся наднациональных стандартов обязывающего характера, в том числе вырабатываемых в рамках деятельности Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)[4]. Они оказывают определяющее влияние на трансформацию национальных правовых систем и практики взаимодействия компетентных органов, включая вопросы обмена информацией, оказания взаимной правовой помощи, конфискации доходов от преступлений и их возврата [2, с. 5–8]. При этом принципиально важно, что данные стандарты исходят из широкого понимания пред-

---

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.

[2] *Михеенкова М. А.* Международное сотрудничество: курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2016. С. 1275.

[3] *Кунев Д. А.* Возврат из-за рубежа преступных активов: теория и практика : учеб. пособие / науч. ред. А. Г. Волеводз. М. : Прометей, 2021. С. 63–64.

[4] Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. URL: http://www.fatf-gafi.org/recommendations.html/ (дата обращения: 07.04.2026).

мета сотрудничества относительно любых видов преступных активов, включая цифровые[5].

В связи с этим особый интерес вызывает новое направление международного сотрудничества государств и их компетентных органов, связанное с розыском, арестом, конфискацией и возвратом из-за рубежа широкого спектра виртуальных активов преступного происхождения. Например, в практике российских компетентных органов имеются факты направления запросов в Республику Казахстан и Литовскую Республику о наложении ареста на криптовалюту в рамках расследуемого уголовного дела в отношении группы лиц, обвиняемых в организации преступного сообщества и мошенничестве в особо крупном размере[6]. Соответствующая практика в зарубежных юрисдикциях также расширяется.

Данный вид, в отличие от устоявшихся форм взаимной правовой помощи, не в полной мере обладает нормативной завершенностью, однако уже демонстрирует явные признаки самостоятельности, выражающиеся в формировании специфического предмета регулирования, устойчивого комплекса правовых и организационных средств, ориентированных на достижение самостоятельной цели трансграничных сношений, а также регламентируемых на уровне международных стандартов особых механизмов взаимодействия, собственной функциональной направленности и воспроизводимости соответствующих механизмов в правоприменительной деятельности различных государств.

Таким образом, речь идет о правовой конструкции, в рамках которой происходит трансформация традиционных моделей международного взаимодействия под влиянием цифровизации общественных отношений. При этом совокупность вышеуказанных признаков позволяет отграничить новое направление от искусственного расширения сферы применения традиционных инструментов международного сотрудничества, несмотря на то что оно находится на стадии становления и характеризуется весьма высокой степенью правовой неопределенности. Это не снижает значимости данного направления, а, напротив, придает ему приоритетный характер в контексте стремительной цифровизации транснациональной преступности.

Поскольку виртуальные активы характеризуются такими признаками, как децентрализованная природа, отсутствие территориальной локализации, высокая скорость трансграничного перемещения, существенная сложность идентификации бенефициарных владельцев, они предопределяют необходимость выработки специальных правовых и организационных механизмов их трансграничного выявления, ареста, конфискации и возврата.

Другими словами, мы являемся свидетелями трансформации предмета международно-правового сотрудничества в уголовном судопроизводстве, который касается цифровых активов, существующих в распределенных информационных системах и обладающих самостоятельной экономической ценностью. На первый взгляд может показаться, что рассматриваемая проблема сводится преимущественно к расширению предмета международного сотрудничества за счет включения в него нового объекта – виртуальных активов. Однако подобный подход представляется излишне упрощенным. В действительности речь идет о

---

[5] FATF (2025), Asset Recovery Guidance and Best Practices, FATF, Paris. URL: https://www.fatf-gafi.org/content/fatf-gafi/en/publications/Methodsandtrends/asset-recovery-guidance-best-practices-2025.html/ (дата обращения: 07.04.2026).

[6] По материалам Международного семинара в Международном учебно-методическом центре финансового мониторинга для представителей подразделений финансовой разведки, правоохранительных, надзорных и судебных органов России, Египта, Йемена, Джибути и Саудовской Аравии по теме «Институт возврата активов: современные проблемы и пути их решения» с участием автора статьи (Россия, г. Москва, 11 декабря 2025 г.).

значительно более глубокой трансформации, затрагивающей не только объект регулирования, но и саму конструкцию трансграничного взаимодействия.

Виртуальные активы не просто дополняют перечень имущества, в отношении которого могут осуществляться трансграничные розыск, арест, конфискация и возврат. Их правовая природа объективно меняет способы такой деятельности. Децентрализованный характер оборота, отсутствие устойчивой территориальной привязки, возможность быстрого перемещения между юрисдикциями и использование инструментов анонимизации формируют принципиально иную модель правоприменения.

В связи с этим содержание классической взаимной правовой помощи также не может оставаться неизменным. Оно требует расширения за счет включения технологически обусловленных действий, направленных на выявление, блокирование, последующее изъятие и обеспечение сохранности виртуальных активов. Существенное значение приобретает взаимодействие с поставщиками услуг, связанных с виртуальными активами (ПУВА), поскольку именно через них в значительной части случаев обеспечивается доступ к информации о движении средств, пользователях и механизмах контроля над активами.

В современной международной практике ключевую роль в формировании соответствующих подходов играют стандарты ФАТФ, касающиеся регулирования ПУВА, а также механизмов отслеживания и обмена информацией о соответствующих транзакциях. Например, реализация закрепленных в Рекомендациях ФАТФ правил контроля передачи сведений, обязывающих ПУВА собирать и передавать друг другу персональные данные отправителя и получателя при совершении транзакций (Travel Rule), фактически закладывает основу для идентификации участников трансграничных операций с виртуальными активами и тем самым создает предпосылки для их последующего розыска, ареста, конфискации и возврата.

Следует учитывать, что стандарты ФАТФ в рассматриваемой сфере носят не вспомогательный, а фактически нормообразующий характер. Они формируют обязательную для имплементации в национальные законодательства и правоприменительные практики модель поведения государств, включая требования к регулированию ПУВА, механизмы идентификации участников транзакций и обмена информацией. В результате складывается наднациональный регуляторный контур, в рамках которого *возврат виртуальных активов приобретает черты нового направления международного сотрудничества*, а не факультативного элемента уголовного преследования.

Результативность данных действий в значительной степени обусловлена способностью государства обеспечивать координацию между контрольно-надзорными, правоохранительными и судебными органами, интеграцию механизмов финансового мониторинга, уголовного преследования и международного информационного обмена, включая неформальные и оперативные каналы международного сотрудничества. Например, практика функционирования подразделений финансовой разведки и правоохранительных органов в сетях по возврату активов демонстрирует, что в условиях высокой скорости перемещения виртуальных активов и ограниченной эффективности традиционных процедур взаимной правовой помощи неформальные каналы обмена информацией зачастую обладают большей эффективностью по сравнению с традиционными механизмами.

Развитие данного направления требует не только совершенствования нормативной базы, но и формирования специализированной правоприменительной практики, включая подготовку кадров, обладающих компетенциями в области цифровых технологий, а также создание международных механизмов координации, ориентированных на работу с виртуальными активами. Именно здесь формируется новая «точка роста» всей системы возврата активов, а в определенной степени – и ее будущее.

Вместе с тем современная правоприменительная практика свидетельствует о наличии существенных ограничений в реализации указанных стандартов. Прежде всего это обусловлено отсутствием унифицированного международно-правового режима признания и исполнения решений о конфискации виртуальных активов, а также различиями в национальных подходах к регулированию их оборота от полного запрета до признания имуществом, особыми цифровыми правами, платежными средствами или финансовыми инструментами.

Например, в России в феврале 2026 г. цифровая валюта признана имуществом путем внесения соответствующих поправок в уголовный закон[7], в то время как в ряде стран, в том числе Бангладеш, Египте, Ираке, Марокко, Непале и некоторых других, фиксируются существенные сложности с наложением ареста и конфискацией цифровых валют из-за отсутствия либо недостаточного правового регулирования данной сферы[8].

В свою очередь, указанные различия предопределяют неоднородность подходов к их аресту, конфискации и последующему возврату. Возникает довольно специфическая ситуация: один и тот же актив фактически начинает существовать сразу в нескольких правовых плоскостях. В одной юрисдикции он может рассматриваться как объект гражданского оборота, в другой – как имущество, подлежащее аресту или конфискации, в третьей – как объект, правовой статус которого вообще не определен. Эти расхождения не просто теоретические. Они прямо осложняют признание и исполнение решений иностранных судов и иных органов. В результате становится очевидной потребность в выработке согласованных международных подходов, без которых система начинает давать сбои и вовсе перестает функционировать.

Отдельный пласт проблем связан с установлением принадлежности виртуальных активов конкретному лицу. На первый взгляд может показаться, что развитие инструментов блокчейн-аналитики уже сняло остроту вопроса. Действительно, движение средств в распределенных реестрах сегодня отслеживается с высокой степенью детализации. Но это лишь часть задачи. Финальная идентификация бенефициарного владельца по-прежнему требует сведéния разрозненных данных в единую картину. Речь идет об информации, поступающей от регулируемых посредников, подразделений финансовой разведки, правоохранительных органов, а также материалах судебных производств. Без этой интеграции выводы остаются вероятностными, а не доказанными.

При этом проблема доказывания заслуживает отдельного внимания. Традиционные стандарты оценки доказательственной базы при отслеживании транзакций, связанных с виртуальными активами, оказываются достаточными не во всех случаях. В первую очередь тогда, когда участники оборота умышленно используют механизмы анонимизации, например миксеры, тумблеры и другие инструменты, затрудняющие идентификацию пользователей.

Именно поэтому встает вопрос: являются ли допустимыми доказательствами результаты блокчейн-аналитики? Речь идет не только о признании таких сведений источником доказательственной информации, но и о выработке критериев их оценки с точки зрения достоверности, верификации и относимости к предмету доказывания. В то же время возрастает и значение косвенных доказательств, с помощью которых формируется вывод о принадлежности активов. В совокупности это оказывает влияние на тактику расследования и судебную оценку доказательств по делам, связанным с криминальным оборотом виртуальных активов.

---

[7] Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 8. Ст. 773.

[8] По материалам Международной научно-практической конференции «Преступления цифровой эпохи: ожидания и ответы» с участием автора статьи (Непал, г. Катманду, 27–28 февраля 2025 г.).

Не менее значимым элементом выступает своевременная фиксация виртуальных активов и обеспечение их сохранности, так как они могут быть перемещены в иную юрисдикцию либо трансформированы в другую форму практически мгновенно. Временной фактор здесь приобретает самостоятельное правовое значение. На практике это выражается в необходимости оперативного использования механизмов временного блокирования активов на соответствующих платформах, а также незамедлительного принятия мер по изъятию средств доступа, включая приватные ключи и иные инструменты фактического контроля. Даже незначительное промедление в подобных ситуациях может существенно снизить результативность последующих процессуальных действий, а в ряде случаев сделать конфискацию фактически невозможной.

Особую сложность также представляет вопрос юрисдикционной привязки. В условиях, когда распределенные реестры не обладают территориальной локализацией в традиционном понимании, сама логика определения применимого механизма международного сотрудничества меняется. В этом случае проблема носит уже не столько технический, сколько концептуальный характер.

Принцип территориальности, длительное время рассматривавшийся как базовое основание международного взаимодействия, сохраняет значение, однако перестает быть универсальным инструментом. Критерии фактического контроля, инфраструктурной привязки и идентификации участников продолжают использоваться, но уже не позволяют во всех случаях установить надлежащую юрисдикцию с необходимой степенью определенности.

В результате ключевым становится вопрос о том, какое именно государство обладает правом инициировать и осуществлять процессуальные действия в отношении соответствующих активов. При отсутствии очевидной территориальной точки привязки возможны различные подходы. В одних случаях определяющее значение придается месту нахождения пользователя или предполагаемого бенефициара. В других – юрисдикции оператора платформы либо месту регистрации поставщика соответствующих услуг. Нередко выбор зависит не только от нормативной модели конкретного государства, но и от фактической возможности обеспечить исполнение принимаемого решения. Каждая из этих моделей имеет собственные ограничения и не дает универсального решения, что и поддерживает дискуссионный характер вопроса. Использование указанных критериев в совокупности позволяет формировать гибкую модель юрисдикционного определения, адаптированную к особенностям цифровых активов и обеспечивающую возможность эффективного правоприменительного воздействия.

Таким образом, современный этап развития международно-правового сотрудничества в сфере возврата виртуальных активов характеризуется формированием нового концептуального подхода к данному явлению как самостоятельному направлению международно-правового взаимодействия, обладающему специфической правовой природой, отличной от традиционных механизмов возврата материальных активов. Как представлено выше, это обусловлено тем, что эффективный возврат виртуальных активов уже не может быть в полной мере реализован в рамках классической модели взаимной правовой помощи, ориентированной на территориально определенные объекты, и требует формирования особого правового режима, учитывающего децентрализованный и трансграничный характер цифровых финансовых инструментов.

Содержание международного сотрудничества в сфере возврата виртуальных активов включает не только процессуальные действия, но и технологически обусловленные меры, направленные на выявление, отслеживание, блокирование и изъятие цифровых активов, осуществляемые во взаимодействии с ПУВА. При этом эффективность возврата виртуаль-

ных активов определяется уровнем интеграции механизмов финансового мониторинга, уголовного преследования и международного обмена информацией, а также степенью имплементации стандартов ФАТФ в национальные правовые системы.

Подводя итоги изложенному, можно сформулировать следующие выводы. В условиях высокой динамики перемещения виртуальных активов приоритетное значение приобретают неформальные и ускоренные формы международного взаимодействия, включая обмен информацией между подразделениями финансовой разведки и прямое взаимодействие правоохранительных и даже судебных органов. Определение юрисдикции в отношении виртуальных активов должно осуществляться на основе комплексного подхода, учитывающего фактический контроль над активом, местонахождение ключевых инфраструктурных элементов и возможность правоприменительного воздействия. Развитие правового регулирования возврата виртуальных активов требует формирования унифицированных международных механизмов, обеспечивающих признание и исполнение решений о конфискации цифровых активов, а также стандартизацию процедур взаимодействия государств. При этом без выстраивания полноценной, интегрированной и технологически оснащенной системы международно-правового сотрудничества возврат активов останется декларацией даже при наличии формально совершенного законодательства.

Список источников

1. Волеводз А. Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методика) / науч. ред. А. Б. Соловьев. М. : Юрлитинформ, 2000. 477 с.

2. Плохов С. В. Современные вызовы и новые решения в сфере возврата из-за рубежа активов незаконного происхождения // Законность. 2026. № 2. С. 3–8.

References

1. Volevodz A. G. *International search, arrest and confiscation of criminally obtained funds and property (legal basis and methodology)*. Scientific ed. A. B. Soloviev. Moscow: Yurlitinform; 2000. 477 p. (In Russ.)

2. Plokhov S. V. Modern challenges and new solutions in the sphere of return from abroad of assets of illicit origin. *Legality.* 2026;(2):3-8. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Кунев – кандидат юридических наук, судья.

Information about the author

D. A. Kunev – Candidate of Science (Law), Judge.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 16.06.2026; одобрена после рецензирования 23.06.2026; принята к публикации 24.06.2026.

The article was submitted 16.06.2026; approved after reviewing 23.06.2026; accepted for publication 24.06.2026.

Российское правосудие. 2026. № 7. С. 90–100
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 7. P. 90–100
УДК 347.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.7.90-100

Научная статья

Мировые стандарты формирования кадрового резерва судей: опыт и вызовы для судебной системы Казахстана

Даурен Булатович Муратбеков[1], Ернар Нурланович Бегалиев[2]

[1, 2] Высший Судебный Совет Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

[1] atyigai@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-3030-3739

[2] ernar-begaliev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6659-8576

Аннотация. Статья посвящена анализу мировых стандартов формирования кадрового резерва судей и оценке их применимости к судебной системе Республики Казахстан. На основе документов Совета Европы, ООН и зарубежной судебной практики выделены первостепенные принципы такого формирования: меритократия, прозрачность, независимость, этическая добропорядочность и цифровая оценка. Рассмотрены модели некоторых зарубежных государств. Уделено внимание возможностям внедрения в менеджмент: искусственного интеллекта, HR-аналитики и наставничества.

Сформулированы предложения по совершенствованию казахстанской модели: внутренний конкурс, цифровой рейтинг, обучение в Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан, электронно-цифровой мониторинг профессиональной деятельности через персонализированные цифровые кабинеты. Сделан вывод о значении цифровых технологий для повышения объективности и эффективности конкурсных процедур.

Ключевые слова: кадровый резерв судей, глобальные стандарты, цифровое правосудие, отбор на основе заслуг, независимость судей, международный опыт, искусственный интеллект

Для цитирования: Муратбеков Д. Б., Бегалиев Е. Н. Мировые стандарты формирования кадрового резерва судей: опыт и вызовы для судебной системы Казахстана // Российское правосудие. 2026. № 7. С. 90–100. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.90-100.

Original article

Global Standards for the Formation of a Judicial Talent Pool: Experience and Challenges for the Judicial System of Kazakhstan

Dauren B. Muratbekov[1], Yernar N. Begaliyev[2]

[1, 2] Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan

[1] atyigai@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-3030-3739

[2] ernar-begaliev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6659-8576

Abstract. The article analyzes global standards for the formation of a judicial talent pool and assesses their applicability to the judicial system of the Republic of Kazakhstan. Based on the documents of the Council of Europe, the United Nations, and foreign judicial practice, the fundamental principles are

© Муратбеков Д. Б., Бегалиев Е. Н., 2026

identified: meritocracy, transparency, independence, ethical integrity, and digital assessment. Particular attention is paid to the possibilities of integrating artificial intelligence, HR analytics, and mentoring into judicial management.
Proposals are formulated for improving the Kazakhstani model, including internal competitive selection, digital ranking, training at the Academy of Justice under the High Judicial Council of the Republic of Kazakhstan, and electronic monitoring of professional performance through personalized digital accounts. The conclusion emphasizes the role of digital technologies in enhancing the objectivity and efficiency of competitive selection procedures.

Keywords: judicial talent pool, global standards, digital justice, merit-based selection, judicial independence, international experience, artificial intelligence

For citation: Muratbekov D. B., Begaliyev Ye. N. Global standards for the formation of a judicial talent pool: experience and challenges for the judicial system of Kazakhstan. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(7):90-100. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.90-100.

В условиях цифровой глобализации для обеспечения независимости, эффективности и доступности правосудия судебные органы всех государств сталкиваются с необходимостью модернизации. Механизм организации обучения пула квалифицированных кандидатов с организаторскими способностями на руководящие судейские должности, обеспечивающий преемственность, профессионализм и независимость, в судебных органах принято называть формированием «кадрового резерва». Роль кадрового пула резервистов в этом процессе приобретает значимость, поскольку качественный отбор и подготовка опытных судей являются первостепенными факторами укрепления доверия общества к судам и их соответствия общепризнанным стандартам.

Согласно данным Верховного Суда Республики Казахстан (далее – ВС), представленным в официальном отчете за первое полугодие 2025 г.[1], наблюдается незначительный рост судебных показателей.

Во-первых, отмечен рост числа оправданных лиц на 49% (с 90 до 134), а без учета дел частного обвинения – на 128% (с 26 до 58). Данный показатель может служить косвенным индикатором качества проводимой работы по подготовке кадрового судебного состава, включая профессиональную оценку и отбор кандидатов.

Во-вторых, зафиксировано увеличение количества примирительных процедур в гражданском судопроизводстве – с 41,6% в аналогичном периоде 2024 г. до 46,9% за пять месяцев 2025 г. Рост числа медиабельных исков до более чем 113 тыс. сопровождался успешным разрешением почти половины из них посредством альтернативных процедур (согласно отчету). Данный показатель объясняется использованием цифровых решений при анализе и распределении дел. Представленная информация о возможностях ведения «цифрового досье осужденного, электронной подаче ходатайств, онлайн рассмотрения дел судом, анализа судебной практики программами анализа больших данных» только подтверждает намерение ВС совершенствовать внедрение информационных технологий в деятельность своего ведомства.

В-третьих, увеличение числа рассматриваемых дел, в частности рост количества исков в административной юстиции, включая имущественные споры и вопросы государственных закупок, а также неравномерная территориальная нагрузка только усиливают давление на судейский корпус. В этой связи назрела необходимость подбора высококвалифицированных судей и, соответственно, оптимизации процессов отбора и подготовки кадров, готовых к новым вызовам.

---

[1] Итоги работы судов Республики Казахстан за первое полугодие 2025 года (по официальным данным Верховного Суда Республики Казахстан) // PRG : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36262566&pos=21;-50#pos=21;-50 (дата обращения: 12.08.2025).

Целями исследования в данной статье являются анализ мировых норм формирования судебного кадрового резерва и оценка возможности их применения в казахстанской модели «кадрового резерва» с учетом организационно-правовых и национальных традиций Казахстана. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: изучение передового опыта зарубежных стран в области отбора судей-профессионалов, обладающих лидерскими качествами, для последующего обучения и комплектования руководящего состава; выявление вызовов, возникающих при адаптации данных норм в национальный контекст, а также разработка рекомендаций по модернизации функционирования существующего пула кадровых резервистов Казахстана.

Теоретические и практические основы глобальных норм формирования кадрового резерва судей

Существующая модель резерва профессиональных судебных кадров Казахстана требует совершенствования с учетом как национального правового контекста, так и прогрессивного передового опыта, основанного на эффективных общепризнанных эталонах. К важным принципам этих стандартов относятся: независимость судей, предполагающая отсутствие любого давления при отборе и назначении на должности; прозрачность и открытость процедур, обеспечивающих доверие общества к органам правосудия; меритократический подход, гарантирующий отбор кандидатов на основе их профессиональных и личных качеств; а также равенство возможностей, предусматривающее недопущение дискриминации по любым признакам.

С учетом общемировых признанных стандартов в целях повышения прозрачности и объективности процедур рекрутинга судей-руководителей, а также эффективности назначений Высшим Судебным Советом Республики Казахстан[2] (далее – ВСС) предпринимаются последовательные шаги коррекции механизма кадрового отбора судей.

Исторический контекст развития эталонов формирования резерва профессиональных кадров судей эволюционировал от локальных национальных моделей к мировым, подчеркивающим унификацию и защиту прав человека. Рекомендация CM/Rec (2010)12 Комитета министров Совета Европы устанавливает переход от изолированных национальных подходов к глобальным нормам, требующим прозрачного отбора на основе квалификации и меритократии[3]. В документах по реформе ВСС и системе отбора, подготовки и продвижения судей в соответствии с Заключением Венецианской комиссии Совета Европы указывается на необходимость соблюдения прав человека и исключения избыточного вмешательства в личную жизнь кандидатов при оценке их профессиональных и морально-этических качеств; на недопустимость смешения дисциплинарной ответственности судей, оценки их профессиональной деятельности и этических нарушений с необходимостью их нормативного разграничения[4].

---

[2] Формирование кадрового резерва на вышестоящие и руководящие судейские должности // Высший Судебный Совет Республики Казахстан : [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/vss/activities/9054?lang=ru (дата обращения: 17.05.2025).

[3] Рекомендация Комитета министров Совета Европы № Rec (2010)12 государствам-членам о судьях: независимость, эффективность и ответственность (принята Комитетом министров 17 ноября 2010 г. на 1098-м заседании Комитета министров). Доступ из СПС «Гарант».

[4] Kazakhstan – Opinion on the Concept Paper on the Reform of the High Judicial Council. Adopted by the Venice Commission at its 117th Plenary Session (Venice, 14–15 December 2018). CDL-AD(2018)032. Venice Commission, 2018. 19 p. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282018%29032-e&utm_source (дата обращения: 13.05.2026).

В ELI-Mount Scopus Standards (опубликованы 16 апреля 2025 г.) подчеркивается: «Отбор судей, назначения, профессиональная оценка и продвижение по службе должны основываться на их заслугах»[5]. Для обеспечения подотчетности и защиты независимости важно, чтобы органы по отбору кандидатов включали представительство судей, независимых авторитетных юристов. Последующие документы европейских рекомендаций отражают эволюцию, начавшуюся с Бангалорских принципов судебного поведения 2002 г., где указывается на необходимость поддержания и развития профессиональных знаний, практических навыков и личных качеств [1, p. 53].

Роль признанных зарубежных организаций в установлении эталонов качества неоспорима. Совет Европы продвигает стандарты через рекомендации, такие как CM/Rec (2010)12, обеспечивая гармонизацию с развитыми странами, а ООН разрабатывает глобальный инструментарий по правосудию (2023), фокусируясь на этических нормах для отбора судей.

Отбор на основе заслуг, с учетом квалификации и морально-этических качеств интерпретирован в странах с развитой судебной организацией в критерий «merit-based selection» (широко используемый термин в зарубежных источниках, который означает «отбор на основе заслуг»). Добропорядочность, «мягкие качества» («soft skills» – способность бесконфликтно вершить правосудие) и морально-этические качества должны присутствовать на протяжении всего срока карьеры. Например, в Нидерландах эти морально-психологические качества отслеживаются первоначально при отборе независимыми экспертами-психологами и через обратную связь – от контактирующих коллег (адвокатов, прокуроров). Ранее в Казахстане психодиагностическое обследование не практиковалось, как и в России [2, с. 159–160].

В Сингапуре формирование корпуса судей осуществляется через систему динамического IT-отбора [3, с. 55–63]. Комиссия судебной службы[6] поддерживает постоянный пул потенциальных кандидатов и осуществляет назначения с учетом текущих потребностей и механизмов HR-аналитики, планирования, сопровождения «резервистов», оперативного назначения.

Критерии отбора в Сингапуре основаны на обязательном соблюдении принципа заслуг, что включает следующие элементы:

1) *профессиональная компетентность*: необходимы высшее юридическое образование (обычно в университетах общего права, таких как Национальный университет Сингапура) и стаж практики не менее 10 лет в качестве адвоката, юриста или академического юриста. Кандидаты сдают письменные экзамены и проходят практические испытания, позволяющие оценивать знание права и аналитические способности;

2) *моральные качества*: оценка добропорядочности, честности и отсутствия конфликтов интересов проводится посредством проверки биографии и рекомендаций. Это включает анализ судебных дел, где кандидат выступал стороной процесса, для исключения предвзятости;

3) *лидерские и коммуникативные навыки*: комиссия учитывает способность кандидатов эффективно управлять судебными процессами и взаимодействовать с общественностью;

4) *прозрачность и объективность*: процесс отбора публичен в части объявления вакансий, а решения комиссии фиксируются и доступны для обжалования в рамках установленных процедур.

---

[5] Judicial selection, appointments, professional evaluation, and promotion must be based on merit // ELI-Mount Scopus European Standards of Judicial Independence. Vienna : European Law Institute, 2025. P. 41. URL: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/ELI-Mount_Scopus_European_Standards_of_Judicial_Independence.pdf (дата обращения: 13.05.2026).

[6] Singapore Judicial Service Commission. Annual Report 2024. Singapore, 2025. URL: https://www.jsc.gov.sg/publications/annual-reports/ (дата обращения: 13.05.2026).

В странах ЕС, где нет понятия «резерв», отбор судей проводится также под конкретные будущие вакансии на основе HR-аналитики. В перспективе использование IT-технологий с аудитом и контролем через интеллектуальные алгоритмы представляется более эффективным, поскольку минимизирует ошибки, связанные с HR-фактором обработки больших данных.

В Германии, к примеру, применяется подход с высоким уровнем отсевов, предполагающий обязательное наличие полного юридического образования (4,5 года), прохождение успешной сдачи экзаменов двухступенчатой системы (Staatsexamen), двухлетнюю промежуточную практическую подготовку (Referendariat) для начальных ступеней в иерархии правосудия. Детализация программ обучения варьируется законами местных земель [4, с. 66–69]. При назначении в федеральные суды необходимы подтвержденный значительный профессиональный опыт и высокие квалификационные показатели[7].

В Германии нет формализованного «кадрового резерва» в постсоветском понимании: кандидаты на должности судей оцениваются и утверждаются на земельном и федеральном уровнях, через комитеты по отбору (Richterwahlausschuss), включающие представителей министерств юстиции, парламентов и судейских ассоциаций, где рассматривается их профессиональная и этическая пригодность, а затем происходят выборы судей тайным голосованием. Федеральные судьи назначаются министром юстиции совместно с Комитетом по избранию судей (Richterwahlausschuss), что обеспечивает более объективную оценку кандидатов[8].

Таким образом, немецкая модель сочетает жесткий отбор судей через Комитет по избранию судей и двухлетнюю промежуточную профессиональную стажировку (Referendariat) между первым и вторым экзаменом, что обеспечивает высокий уровень квалификации корпуса. Германия выделяется как страна с наиболее жесткой системой экзаменов и практической подготовки, тогда как многие другие европейские государства делают акцент либо на стаже, либо на институциональной прозрачности и системе подготовки в специализированных школах.

В Германии и в Казахстане различия формирования пула резервистов квалифицированных судей проявляются в правовых традициях и институциональных механизмах, но оба подхода ориентированы на обеспечение независимости и профессионализма. В Германии как федеративном государстве с континентальной системой права процесс отбора судей сочетает элементы децентрализации и строгой квалификационной оценки, в то время как в Казахстане акцент делается на централизованном конкурсном отборе, проводимом ВСС.

Интеграция передовых правовых норм в национальную систему правосудия Казахстана способствует институционализации принципов открытости, объективности, независимости и как следствие – профессионализма судей. 18 июня 2025 г. Комитет министров Совета Европы принял решение пригласить Казахстан к участию в Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам[9] (Конвенция № 30). Ранее Казахстан, ратифицировав Конвенцию ООН против коррупции, принял на себя обязательства по обеспечению прозрачности и объективности в судебных процедурах, в том числе соблюдению антикоррупционных критериев, применительно к процедурам формирования кадрового резерва судей. Принципы независимости судебных органов ООН 1985 г. и Европейская хартия о

---

[7] Deutsches Richtergesetz (DRiG) // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_drig/englisch_drig.html (дата обращения: 14.05.2026).

[8] Richterwahlausschuss // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Richterwahlausschuss (дата обращения: 14.05.2026).

[9] Казахстан пригласили вступить в Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам // Zakon.kz : [сайт]. URL: ttps://www.zakon.kz/sobytiia/6481795-kazakhstan-priglasili-vstupit-v-evropeyskuyu-konventsiyu-o-vzaimnoy-pravovoy-pomoshchi-po-ugolovnym-delam.html (дата обращения: 15.08.2025).

статусе судей 1998 г. формируют основы для беспристрастного отбора судей и прогнозируемого карьерного развития, что критически важно в условиях проводимого реформирования. Рекомендации Киевской конференции[10], учитывающие специфику региона, дополняют эти подходы инструментами организационного и управленческого характера.

По данным исследований и заключений Венецианской комиссии Совета Европы, европейские государства используют различные модели отбора, подготовки и продвижения судей, включая карьерные – через стаж и профессиональные заслуги, а также конкурсные механизмы формирования кадрового потенциала органов правосудия[11].

Сравнительно-правовой анализ европейских моделей показывает дефицит унифицированного подхода к формированию корпуса судей [5].

В Австрии кандидаты выдвигаются президентами административных судов по предложению правительства, что обеспечивает баланс между исполнительной властью и судебной автономией [6, с. 5]. В Болгарии и в Литве предусмотрены обязательные квалификационные требования и значительный юридический стаж (от 8 лет), во Франции применяется конкурсная модель с элементами карьерного продвижения по сочетанию компетенций, достигнутых результатов, этического поведения и способности работать в условиях нагрузки [6, с. 5–23]. В Грузии отбор кандидатов осуществляется посредством оценок добросовестности и компетенции, включая коммуникативные навыки [6, с. 21].

В Словении должность в судах высшей инстанции предусматривает наличие значительного опыта работы судьей либо продолжительной профессиональной юридической деятельности [6, с. 39–41]. В Испании должности замещаются лицами, имеющими не менее 8 лет стажа работы в судебной сфере в течение 12 лет, предшествующих дате объявления конкурсной процедуры [6, с. 24–25].

Ряд стран используют судебные школы для систематической подготовки: в Хорватии [6, с. 29–30] предусмотрено обучение в Государственной школе судебных чиновников, в Чехии принята трехлетняя стажировка стажера-судьи перед экзаменами [6, с. 30–32]. В Финляндии квалификационные требования для замещения судебной должности в Верховном административном суде устанавливают, что кандидат должен быть признанным правовым экспертом и соответствовать общим квалификационным требованиям [6, с. 32–33]. В Италии назначение судей осуществляется по результатам публичного конкурсного экзамена [6, с. 35–37].

Единым требованием в европейских странах выступает наличие моральных качеств, таких как честность, добросовестность, отсутствие дискриминационных установок. Наиболее отчетливо такие качества закреплены в законодательстве Сербии, где они получили нормативное определение [6 с. 40–42]. Независимые органы отбора в лице судебных советов или комиссий (KRS) действуют и в Польше, членство которой в Европейской сети советов правосудия (ENCJ) было приостановлено из-за явной зависимости от исполнительной власти [6, с. 23–24; 7, p. 187–194]. Примечательно, что в Польше из-за неполной интеграции специализированного обучения наблюдалась проблема с трудоустройством выпускников [8, с. 15–22].

Аналогичная проблема зафиксирована в Сербии, когда реформирование процессов подготовки судей при Судебной академии сопровождалось правовыми спорами относительно статуса и порядка карьерного продвижения выпускников Академии, включая дискуссии о соответствии новой модели конституционным принципам [9, p. 518–522].

---

[10] Kyiv Recommendations on Judicial Independence in Eastern Europe, South Caucasus and Central Asia. URL: https://odihr.osce.org/odihr/KyivRec (дата обращения: 13.05.2026).

[11] European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Report on Judicial Appointments. CDL-AD(2007)028. Strasbourg: Council of Europe, 2007.

Примечательно, что для назначения в Суд Европейского Союза согласно одному из семи критериев отбора требуется «профессиональный опыт на соответствующем уровне продолжительностью не менее двадцати лет»[12].

В Соединенных Штатах Америки формирование федерального судейского корпуса (аналог кадрового резерва) осуществляется посредством конституционной процедуры назначения. Судьи федеральных судов, включая Верховный суд США, назначаются Президентом с согласия Сената и обладают пожизненным сроком полномочий в соответствии со ст. II и III Конституции США[13]. В американской модели прослеживаются элементы политического влияния – Президент опирается на рекомендации Американской ассоциации юристов (ABA) и политических советников. Это не формализованный «резерв», а скорее процесс номинации по достижениям на основании рейтинга по стажу. ABA проводит независимую оценку кандидатов по критериям заслуг («отбор на основе заслуг»), включая профессиональный опыт, этику и квалификацию, присваивая рейтинги («Well Qualified», «Qualified» или «Not Qualified») [10; 11, p. 330–331]. На уровне штатов (где судьи в большей степени избираются или назначаются губернаторами) резерв формируется через комиссии по судебным назначениям (в источниках – Judicial Nominating Commissions), которые отбирают кандидатов на основе заслуг. Например, в Калифорнии комиссия оценивает кандидатов по стажу и этическим качествам. Данный подход способствует независимости, но подвержен политическому влиянию[14].

Резерв профессиональных кадров судей Казахстана централизованно формируется ВСС, регламентируется ст. 38-3 Закона Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей»[15]. Национальный резерв формируется на 3 года (для руководящего состава – 5 лет) и используется для замещения вакансий, но зачисление в базу избранных кандидатов не гарантирует назначения на желаемую руководящую вакантную должность.

Сравнительный анализ европейских моделей формирования кадрового резерва и отбора судей на примере административной юстиции свидетельствует о выраженных различиях в институциональных механизмах, процедурах назначения и способах обеспечения добросовестности корпуса судей, обусловленных особенностями национальных правовых систем.

Во-первых, в Европе преобладают модели, ориентированные на специализацию и независимость, где часто предпочитают отдельную ветвь судебной власти или специализированные разветвления. В Нидерландах для замещения высших управленческих позиций (включая судей и старших госслужащих) проводятся открытые конкурсы, организуемые внешними частными компаниями, независимыми от государственной администрации [4, с. 70–72]. Различие проявляется в подготовке: в Европе (например, во Франции) функционируют специализированные институты, такие как Высший совет магистратуры (CSM), фокусирующиеся на административном праве, в то время как в Казахстане подготовка осуществляется централизованно в Академии правосудия при ВСС, ориентированной на общую юриспруденцию.

---

[12] Статут Суда Европейского Союза (Консолидированная версия). Протокол № 3 о Статуте Суда Европейского Союза. Люксембург : Суд Европейского союза, 2016. URL: https://curia.europa.eu/jcms/jcms/p1_219149/ru/ (дата обращения: 26.08.2025).

[13] Administrative Office of the United States Courts. Understanding the Federal Courts. Washington, D.C. : Administrative Office of the United States Courts, 2024. 48 p.

[14] Отбор судей в Калифорнии / Стэнфордская школа права. Стэнфорд : Stanford Law School, 2017. 24 с. URL: https://law.stanford.edu/wp-content/uploads/2017/06/Judicial-Selection-in-California.pdf (дата обращения: 26.08.2025).

[15] Закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 г. № 132-II «О судебной системе и статусе судей» (с изм. 2025 г.) // KODEKSY-KZ : [сайт]. URL: https://kodeksy-kz.com/ka/o_sudebnoj_sisteme.htm (дата обращения: 26.08.2025).

Во-вторых, сложность и длительность отбора в Европе, как правило, выше (например, в Германии 6–7 лет). В Латвии экзамены следуют после 5 лет стажа с акцентом на практику. В Казахстане отбор упрощен: конкурс включает экзамены и собеседование после 5 лет стажа без обязательной стажировки, что делает процесс менее длительным, но ориентированным преимущественно на теоретические знания.

В-третьих, отбор судей в Европе осуществляют независимые комиссии: во Франции CSM ограничивает вмешательство, повышает компетенции судей через обучение и стажировки, ориентируясь на непрерывное развитие, в Польше KRS с парламентским участием обеспечивает баланс.

В-четвертых, в Европе развиваются цифровизация и использование искусственного интеллекта (далее – ИИ): в Эстонии и Германии внедрили ИИ для оптимизации процессов правосудия. Франция внедрила e-learning в CSM для виртуальных конкурсов, хотя прямых упоминаний использования ИИ-решений в кадровом отборе в источниках не выявлено. Сингапур применяет ИИ в системе правосудия, в том числе для анализа документов [12].

В Республике Казахстан приняты Концепция развития искусственного интеллекта на 2024–2029 гг.[16], а также Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 г. № 230-VIII «Об искусственном интеллекте»[17], что свидетельствует о формировании правовой базы для внедрения ИИ-технологий в государственные процессы, включая органы правосудия. Но на текущем этапе европейская судебная практика демонстрирует более высокую степень зрелости в использовании ИИ-инструментов. Несмотря на тенденцию к конвергенции подходов, критически важным остается сохранение процессуальных гарантий справедливости и принципа состязательности при интеграции ИТ-решений в правосудие [13, с. 28–31].

В-пятых, в Европе приняты строгие меры в целях недопущения коррупции: так, в Румынии практикуются антикоррупционные проверки[18], в Словении подают декларации об имуществе для предотвращения конфликтов интересов. В Казахстане также применяются аналогичные меры, исключая конфликт между моральным и правовым сознанием [14, с. 24–25].

В-шестых, непрерывное децентрализованное обучение (опыт Италии) выступает необходимым элементом для кадрового резерва [4, с. 26, 37]. Ветераны национальных органов правосудия иногда сетуют, что имеют достаточный опыт и обучаться им уже нечему. Это заблуждение. Внедренные IT-продукты ВС постоянно эволюционируют, позволяя при возрастающей нагрузке эффективнее справляться с делами, а новые парадигмы менеджмента правосудия требуют дополнительного повышения личных компетенций.

В-седьмых, помимо внедрения обязательных курсов, тренингов, стажировок, наставничества в Казахстане, как мы полагаем, следует пересмотреть механизм обучения рекрутов кадрового резерва с ежегодной оценкой прогресса по опыту Королевства Нидерланды [4, с. 70–72]. Там после отбора к каждому кандидату прикрепляется наставник, разрабатывается индивидуальный план повышения компетенций, включающий обучение, стажировку и специализированные курсы (например, по медиации или ИИ в судопроизводстве). Каждые полгода оцениваются индивидуальные достижения, успешные лица продвигаются вперед,

---

[16] Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 г. № 592 «Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан : [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592.

[17] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230.

[18] Anti-Corruption and Integrity Outlook 2026: Romania // OECD : [website]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/anti-corruption-and-integrity-outlook-2026_0c8910f8-en/romania_c05dde5b-en.html (дата обращения: 16.05.2026).

а неуспешные после годичного срока могут быть исключены из списков кадрового резерва. Примечательно, что оценку достижений проводит уже не наставник, а независимая комиссия по цифровому профилю[19].

В Казахстане все эти процедуры должны отслеживаться ИИ-технологиями в рейтингах через цифровую панель мониторинга [15, с. 69, 71] из личных кабинетов кандидатов и зачисленных в кадровый резерв судей с обязательной оценкой личностных качеств через валидные тесты. Безусловно, это потребует нормативного разграничения функций человека и машинных систем [16, с. 46].

Первостепенными критериями оценки станут конструктивность мышления, широта эрудиции, эмоциональная уравновешенность и способность принимать решения быстро и беспристрастно (аналогичная модель апробирована в Литве[20]). Кандидатам на руководящие должности предлагается дополнительно предъявлять требования по наличию сертификатов о профессиональном развитии (включая программы MBA), публикаций в научных и методических изданиях, участию в экспертных группах и стажировках.

В целях оптимизации механизма кадрового резерва судей представляется обоснованным нормативное закрепление приоритетного порядка назначения судей на руководящие должности из числа резервистов по результатам внутреннего конкурса, так как повторное прохождение отборочного конкурса представляется нецелесообразным. В дальнейшем с развитием цифровых инструментов мониторинга качества правосудия и внедрением интегрированной IT-системы возможно прямое назначение из кадрового резерва без дополнительного конкурса, что нивелирует опасения казахстанских ученых о возможном административном рычаге давления на судью для включения в кадровый пул или исключения из него [17, с. 99].

Заключение

Следует отметить, что предложенные направления развития требуют взвешенного подхода к реализации указанных нововведений. В европейских странах с высоким уровнем развития уже применяется ИИ, пул обучаемых резервистов формируется на основе долгосрочной кадровой HR-аналитики, назначения осуществляются преимущественно без кадрового резерва. Полагаем, что в национальных условиях следует взвешенно изучить и избрать собственную модель развития. Первостепенная роль в этом отводится Академии правосудия при ВСС Республики Казахстан, которая должна периодически отслеживать достижения рекрутов и координировать повышение их компетенций, работать в тесном сотрудничестве с наставниками, оказывая им методическое содействие. Представляется целесообразным признать роль Академии как ведущего эксперта и координатора в разработке программ развития руководящего кадрового потенциала органов правосудия. По результатам аудита компетенций резервистов Академия вправе пересмотреть и адаптировать образовательные модули, оптимизируя их содержание и методические подходы. Судьи, входящие в кадровый резерв, обладают опытом, накопленным за годы длительной практики, и их обучение в Академии перед назначением на вышестоящую должность должно стать нормой. Проведенный анализ зарубежного опыта демонстрирует необходимость и обязательность для судей обучения, особенно для судей со стажем, которым знания о методах менеджмента в условиях новых возможностей IT-решений необходимы из-за расширяющихся возможностей ИИ.

---

[19] Судебный институт UCL. Судебная подготовка и образование в других юрисдикциях. Лондон : Унив. колледж Лондона, 2020. С. 24 (на англ. яз.).

[20] Модель отбора и оценки судей (Литва). Вильнюс : Судебный совет Литвы / Norway Grants, 2022. С. 5–6 (на англ. и лит. яз.).

Список источников

1. David B. Ethics and judicial integrity under the Bangalore principles // RAIS Journal for Social Sciences. 2023. Vol. 7, no. 2. P. 50–54.

2. Жукокова Н. К. Сравнительно-правовая характеристика отбора судей в Российской Федерации и в Республике Казахстан // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3. С. 156–162.

3. Арыстанов А. Секреты успеха Сингапура. Сингапур : SunMedia Pte Ltd, 2021. 184 с.

4. Оберто Д. Подбор и подготовка судей в Европе: сравнительное исследование : пер. М. : Статут, 2005. 137 с.

5. Aarli R., Sanders A. Judicial councils everywhere? Judicial administration in Europe, with a Nordic perspective // International Journal for Court Administration. 2023. Vol. 14, no. 2. Art. 3.

6. Папуашвили Г., Дегтярев К., Банич С. Сравнительный анализ процедур отбора и назначения судей административных судов. Страсбург : Изд-во Совета Европы, 2023. 43 с.

7. Filipek P. The new national council of the judiciary and its impact on the Supreme court in the light of the principle of judicial independence // Problemy Współczesnego Prawa Międzynarodowego, Europejskiego i Porównawczego. 2018. Vol. XVI. P. 177–196.

8. Бочаров Т., Дмитриева А., Скугаревский Д. Профессиональное образование судей: сравнительный анализ центров подготовки судей в Европе (Франция, Португалия, Польша): аналитический обзор. СПб. : ИПП ЕУСПб, 2018. 24 с.

9. Kmezić M. The judicial academy as conditio sine qua non for the effectiveness and efficiency of the Serbian judiciary // European Public Law. 2015. Vol. 21, no. 3. P. 509–525.

10. Solum L. B. Virtue jurisprudence: a virtue-centered theory of judging // Metaphilosophy. 2003. Vol. 34, no. 1–2. P. 178–213.

11. Goldman S. Evaluating the evaluator: has the ABA rated president Trump's judicial nominees fairly? // Texas Law Review. 2020. Vol. 99, issue 2. P. 325–358.

12. Socol de la Osa D. U., Remolina N. Artificial intelligence at the bench: legal and ethical challenges of informing – or misinforming – judicial decision-making through generative AI // Data & Policy. 2024. Vol. 6. Art. e59.

13. Задорожная В. А., Тищенко А. В., Карович С. Использование информационных технологий в сфере отправления правосудия: позитивные и негативные эффекты // Российское правосудие. 2024. № 11. С. 16–31.

14. Джусупова Р. С. Влияние морального и правового сознания на социальное поведение // Вестник Академии правосудия. 2025. № 2. С. 20–26.

15. Драпеза В. А., Белодед Н. И. Ситуационные центры государственных органов в Республике Беларусь как эффективный ответ на международные вызовы // Инновационные тренды в международном бизнесе и устойчивом менеджменте : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 16–18 нояб. 2023 г.) / отв. ред. А. Д. Мурзин. Ростов н/Д : Спутник науки, 2024. С. 68–74.

16. Жудро К. С. Искусственный интеллект и правосудие: возможности и риски // Российское правосудие. 2024. № 7. С. 41–50.

17. Есембаева Ж. Е. Совершенствование судебной власти в Республике Казахстан. Алматы : Ун-т Туран, 2019. 186 с

References

1. David B. Ethics and judicial integrity under the Bangalore principles. *RAIS Journal for Social Sciences*. 2023;7(2):50-54.

2. Zhukokova N. K. Comparative legal characteristic of selection of judges in the Russian Federation and in the Republic of Kazakhstan. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2014;(3):156-162. (In Russ.)

3. Arystanov A. *Secrets of Singapore's success*. Singapor : SunMedia Pte Ltd; 2021. 184 p. (In Russ.)

4. Oberto D. *Selection and training of judges in Europe: comparative study*. Transl. Moscow: Statut; 2005. 137 p. (In Russ.)

5. Aarli R., Sanders A. Judicial councils everywhere? Judicial administration in Europe, with a Nordic perspective. *International Journal for Court Administration*. 2023;14(2):3.

6. Papuashvili G., Degtyarev K., Banich S. *Comparative analysis of the selection and appointment procedures for judges of administrative courts*. Strasbourg: Council of Europe Publishing House; 2023. 43 p. (In Russ.)

7. Filipek P. The new national council of the judiciary and its impact on the Supreme court in the light of the principle of judicial independence. *Problemy Współczesnego Prawa Międzynarodowego, Europejskiego i Porównawczego.* 2018;(XVI):177-196.

8. Bocharov T., Dmitrieva A., Skugarevsky D. *Professional education of judges: a comparative analysis of judicial training centers in Europe (France, Portugal, Poland): analytical review*. St. Petersburg: Institute of Law Enforcement Problems of the European University of St. Petersburg; 2018. 24 p. (In Russ.)

9. Kmezić M. The judicial academy as conditio sine qua non for the effectiveness and efficiency of the Serbian judiciary. *European Public Law.* 2015;21(3):509-525. (In Russ.)

10. Solum L. B. Virtue jurisprudence: a virtue-centered theory of judging. *Metaphilosophy.* 2003;34(1-2):178-213.

11. Goldman S. Evaluating the evaluator: has the ABA rated president Trump's judicial nominees fairly? *Texas Law Review.* 2020;99(2):325-358.

12. Socol de la Osa D. U., Remolina N. Artificial intelligence at the bench: Legal and ethical challenges of informing – or misinforming – judicial decision-making through generative AI. *Data & Policy*. 2024;(6):e59.

13. Zadorozhnaya V. A., Tishchenko A. V., Karoviic S. The use of digital technologies in the administration of justice: positive and negative effects. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2024;(11):16-31. (In Russ.)

14. Dzhusupova R. S. The influence of moral and legal consciousness on social behavior. *Bulletin of the Academy of Justice.* 2025;(2):20-26.

15. Drapeza V. A., Beloded N. I. Situation centers of government bodies in the republic of Belarus as an effective response to international challenges. In: A. D. Murzin, ed. *Innovative trends in international business and sustainable management*. Materials of the III International Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, 16–18 November, 2023). Rostov-on-Don: Sputnik nauki; 2024. Pp. 68–74. (In Russ.)

16. Zhudro K. S. Artificial intelligence and justice: opportunities and risks. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2024;(7):41-50. (In Russ.)

17. Esembayeva Zh. E. Improvement of judicial power in the Republic of Kazakhstan. Almaty: Turan University; 2019. 186 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. Б. Муратбеков – руководитель аппарата Высшего Судебного Совета Республики Казахстан;

Е. Н. Бегалиев – доктор юридических наук, профессор, член Высшего Судебного Совета Республики Казахстан.

Information about the authors

D. B. Muratbekov – Chief of Staff, High Judicial Council of the Republic of Kazakhstan;

Ye. N. Begaliyev – Doctor of Science (Law), Professor, Member of the Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 24.08.2025; одобрена после рецензирования 16.09.2025; принята к публикации 21.05.2026.

The article was submitted 24.08.2025; approved after reviewing 16.09.2025; accepted for publication 21.05.2026.

Российское правосудие. 2026. № 7. С. 101–112
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 7. P. 101–112
УДК 341.01 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.7.101-112

Научная статья

Особенности применения международных договоров об охране смежных прав судами России

Валентина Петровна Талимончик
Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, talim2008@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5302-460X

Аннотация. Автор выявляет специфику имплементации международных договоров об охране смежных прав в контексте их применения судами России. Целью исследования является установление основных направлений судебной практики применения международных договоров при защите смежных прав посредством определения системных связей договоров об охране смежных прав и особенностей их имплементации; выявления ключевых правовых позиций по применению этих международных договоров судами.
В ходе исследования использовались проблемно-теоретический, сравнительно-правовой методы в сочетании с системным подходом.
По результатам анализа судебной практики выявлена активная роль Суда по интеллектуальным правам в имплементации Римской конвенции 1961 г. и Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам. Практика Суда основана на взаимосвязи Римской конвенции 1961 г. и Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам, что позволило обосновать обратное действие Римской конвенции 1961 г. ввиду наличия этой взаимосвязи, что служит «ориентиром» для судов Российской Федерации при решении ключевого вопроса о признании их прав, возникающего в каждом деле, где участвуют иностранные обладатели смежных прав. Римская конвенция 1961 г. без «привязки» к Договору ВОИС по исполнениям и фонограммам применяется в том случае, когда ее положений достаточно для решения вопроса о признании прав иностранных обладателей смежных прав на территории России. Суд по интеллектуальным правам опирается на критерии предоставления национального режима, установленные Римской конвенцией 1961 г., учитывая положения Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам, если обстоятельства дела связаны с иными технологиями, чем эфирное вещание, которое было урегулировано Римской конвенцией 1961 г.

Ключевые слова: судья, суд, правосудие, международные договоры, имплементация, смежные права, Суд по интеллектуальным правам, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Римская конвенция 1961 г.

Для цитирования: Талимончик В. П. Особенности применения международных договоров об охране смежных прав судами России // Российское правосудие. 2026. № 7. С. 101–112. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.101-112.

© Талимончик В. П., 2026

Original article

The Specifics of the Application of International Treaties on the Protection of Related Rights by Russian Courts

Valentina P. Talimonchik

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, talim2008@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5302-460X

Abstract. The author identifies the specifics of the implementation of international treaties on the protection of related rights in the context of their application by Russian courts. The purpose of the study is to establish the main directions of judicial practice in the application of international treaties for the protection of related rights by identifying the systemic relationships of treaties for the protection of related rights and the specifics of their implementation; establishing key legal positions on the application of these international treaties by courts.

The research used problem-theoretical, comparative-legal methods in combination with a systematic approach.

The analysis of judicial practice revealed the active role of the Intellectual Property Rights Court in the implementation of the Rome Convention of 1961 and the WIPO Performances and Phonograms Treaty. The Court's practice is based on the relationship between the 1961 Rome Convention and the WIPO Performances and Phonograms Treaty, which made it possible to justify the reverse effect of the 1961 Rome Convention in view of this relationship, and serves as a "guideline" for the courts of the Russian Federation in resolving the key issue of recognition of their rights arising in every case involving foreign holders of related rights. The Rome Convention of 1961, without being "tied" to the WIPO Performances and Phonograms Treaty, is applied when its provisions are sufficient to resolve the issue of recognizing the rights of foreign holders of related rights in Russia. The Intellectual Property Rights Court relies on the criteria for granting national treatment established by the Rome Convention of 1961, taking into account the provisions of the WIPO Performances and Phonograms Treaty, if the circumstances of the case relate to technologies other than broadcasting, which was regulated by the Rome Convention of 1961.

Keywords: judge, court, justice, international treaties, implementation, related rights, Intellectual Property Rights Court, World Intellectual Property Organization, Rome Convention of 1961

For citation: Talimonchik V. P. The specifics of the application of international treaties on the protection of related rights by Russian courts. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(7):101-112. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.7.101-112.

Появление международно-правовой охраны смежных прав связано с научно-техническим прогрессом. Это наиболее крупное достижение в сфере охраны интеллектуальной собственности в XX в.: усовершенствование средств записи, развитие радио и появление телевидения повлекли необходимость признания объектами смежных прав фонограмм и передач.

Истоки смежных прав мы находим в более ранние периоды. Например, в 1551 г. французский король Генрих II выдал привилегию своему придворному лютнисту Гийому Морле [1, с. 66]. Вопросы смежных прав обсуждались и в ходе совершенствования Бернской конвенции 1886 г.[1]

В исследованиях по международному частному праву и национальному праву принято одновременное рассмотрение авторского права и смежных прав ввиду их тесной взаимосвязи[2].

---

[1] Римская конференция 1928 г. признала за автором право на трансляцию произведения по радио и внесла соответствующие изменения в Бернскую конвенцию 1886 г., а также поставила вопрос признания смежных прав в радиовещании.

[2] См. : [2; 3; 4]. См. также: *Луткова О. В., Шахназаров Б. А., Терентьева Л. В.* Интеллектуальная собственность в международном частном праве : учеб. / под. ред. О. В. Лутковой. М. : Проспект, 2021. 272 с.

Имплементация норм международных договоров об охране смежных прав отличается качественным своеобразием.

Во-первых, в законодательстве Российской Федерации установлены дополнительные категории субъектов смежных прав[3]. Дополнительно к указанным в Римской конвенции 1961 г.[4] названы изготовители баз данных и публикаторы.

Во-вторых, Римская конвенция 1961 г. не предоставила достаточного минимума прав исполнителям. Однако Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам от 20 декабря 1996 г.[5] (далее – ДИФ) не только предусмотрел неимущественные права исполнителей, но и существенно расширил имущественные права. Законодательство Российской Федерации исходит из единства концепции авторского права и смежных прав и наделяет исполнителей и изготовителей фонограмм правами, сходными с авторскими.

В-третьих, международные договоры в области смежных прав носят преимущественно гармонизирующий характер и подлежат имплементации в национальные правовые системы [5, с. 65], что обусловливает ограниченность их непосредственного применения.

В отечественной доктрине международная охрана смежных прав исследуется наряду с авторским правом [6]. Вместе с тем отдельное внимание уделяется Римской конвенции 1961 г.[6], а также ее связи с другими международными договорами [7; 8].

За принятием Пекинского договора 2012 г.[7] также последовали отдельные публикации[8].

Достаточное внимание уделяется и правам вещательных организаций в аспекте разработки нового международного договора как в отечественной[9], так и в зарубежной[10] доктрине.

---

[3] Согласно ч. 1 ст. 1337 ГК РФ публикатором признается гражданин, который правомерно обнародовал или организовал обнародование произведения науки, литературы или искусства, ранее не обнародованного и перешедшего в общественное достояние (ст. 1282) либо находящегося в общественном достоянии в силу того, что оно не охранялось авторским правом; ч. 1 ст. 1333 ГК РФ устанавливает, что изготовителем базы данных признается лицо, организовавшее создание базы данных и работу по сбору, обработке и расположению составляющих ее материалов. При отсутствии доказательств иного изготовителем базы данных признается гражданин или юридическое лицо, имя или наименование которых указано обычным образом на экземпляре базы данных и (или) его упаковке.

[4] Римская конвенция об охране интересов артистов-исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. № 7. С. 11–20.

[5] Журнал международного частного права. 1998. № 4 (22). С. 68–78.

[6] *Близнец И. А., Подшибихин Л. И., Бузова Н. В. и др.* Постатейный комментарий к Международной конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Римская конвенция) // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2006. № 9. С. 74–111.

[7] Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям от 24 июня 2012 г. // WIPO : [сайт]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_228.pdf. Россия участвует с 28 апреля 2020 г.

[8] *Близнец И.* Новый Договор ВОИС (Пекинский) по аудиовизуальным исполнениям как инструмент защиты прав исполнителей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2013. № 1. С. 19–24.

[9] *Близнец И. А.* Развитие охраны прав вещательных организаций. Новый договор – необходимость и реальность // Юридический мир. 2020. № 8. С. 34–43; *Близнец И., Бузова Н., Подшибихин Л.* Совершенствование охраны прав вещательных организаций на международном уровне // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2004. № 8. С. 2–11.

[10] *Schötz G.* It's time for a new international treaty for broadcasters // The Law Review of the Franklin Pierce Center for Intellectual Property. 2019. Vol. 59, no. 2. P. 367–454.

В настоящем исследовании на основе фундаментальных работ по проблемам реализации норм международного права [9; 10] и толкования международных договоров [11; 12] будет определена специфика их реализации при защите смежных прав. Для этого проведен анализ международных договоров по смежным правам, а также практики судов России по открытым источникам

Особенности системы международно-правовой охраны смежных прав

Система международно-правовой охраны смежных прав отличается сложными, нелинейными связями и отсутствием четкой иерархичности. Если система охраны авторского права сформировалась в результате формулирования основных положений авторского права в Бернской конвенции 1886 г. и дальнейших отсылок к ней в универсальных и региональных международных договорах, то системообразующая роль Римской конвенции 1961 г. проявляется иным образом.

Основные положения в отношении смежных прав включают пять компонентов: 1) общие условия национального режима для производителей фонограмм, исполнителей и вещательных организаций; 2) объем правомочий этих категорий субъектов; 3) исключения из гарантируемой Римской конвенцией 1961 г. охраны[11]; 4) гармонизированный срок охраны[12]; 5) знак конвенционной охраны, призванный заменить формальности, связанные с приобретением смежных прав[13].

При присоединении к Римской конвенции 1961 г. Россия сделала несколько оговорок[14]. К недостаткам Римской конвенции следует отнести ее «строгую привязку» к технологиям, существующим на момент ее принятия. Она была связана только с эфирным вещанием и не учитывала кабельное телевидение, спутниковую связь, а также возможное сочетание проводных и беспроводных технологий.

ДИФ стал существенным дополнением к Римской конвенции 1961 г., установив «новый» статус исполнителей и производителей фонограмм. Было изменено само определение ис-

---

[11] В отношении: использования в личных целях; использования кратких отрывков с целью сообщения о текущих событиях; кратковременной записи, осуществляемой вещательной организацией на своем оборудовании и для своих собственных передач; использования исключительно в учебных или научно-исследовательских целях. Государства также могут предусматривать в своем внутреннем законодательстве такие же ограничения охраны смежных прав, какие предусмотрены в его внутреннем законодательстве и иных нормативных правовых актах в отношении охраны авторского права на литературные и художественные произведения.

[12] Срок охраны по Римской конвенции 1961 г. длится не менее 20 лет. Данный срок исчисляется с конца года, в котором а) была осуществлена запись – для фонограмм и включенных в них исполнений, б) имело место исполнение – для исполнений, не включенных в фонограммы, и в) имела место передача в эфир – для передач в эфир (ст. 14 Римской конвенции).

[13] Римская конвенция 1961 г. предусматривает, что все выпущенные для продажи экземпляры фонограмм либо их упаковка должны иметь знак «Р» в окружности, с указанием года первой публикации, а также имя владельца права на изготовление фонограммы (если изготовитель или лицензия не указаны на экземплярах или упаковке).

[14] 1) Россией не будет применяться критерий записи, предусмотренный в ст. 5 Конвенции; 2) охрана передачи в эфир будет обеспечиваться только в соответствии с положениями ст. 6 Конвенции; 3) Россия не будет предоставлять охрану изготовителям фонограмм, не являющимся гражданами или юридическими лицами государств-участников, и ограничит охрану в отношении фонограмм, изготовитель которых является гражданином или юридическим лицом другого государства-участника, в объеме и на условиях, которые предоставляются в этом государстве фонограммам, впервые записанным гражданином или юридическим лицом Российской Федерации.

полнителей, теперь включающее исполнителей фольклора. Понятие производителя фонограммы сохранено, равно как и положение о национальном режиме, распространившее свое действие на «новые» права[15].

«Новые» права характеризовались *качественно иными признаками*.

Во-первых, по образцу Бернской конвенции 1886 г. были признаны неимущественные права исполнителей. Производители фонограмм, являясь зачастую юридическими лицами, неимущественных прав не получили.

Во-вторых, особым образом урегулировано право на эфирное вещание. Поскольку это широкомасштабное явление, затрагивающее множество вещательных организаций, было введено не право разрешать или запрещать передачу в эфир, а право на вознаграждение.

В-третьих, в отличие от формулировки Римской конвенции 1961 г. о праве исполнителей «предотвращать» введена формулировка «разрешать» воспроизведение исполнений.

В-четвертых, признано право исполнителей и производителей фонограмм на распространение в аспекте доведения до всеобщего сведения путем передачи права собственности. Отдельно был выделен коммерческий прокат.

В-пятых, размещение фонограмм, в том числе с исполнением, в интернете, требовало изначального разрешения обладателей смежных прав. В итоге был пересмотрен срок охраны[16].

Как следствие, ДИФ существенным образом дополнил Римскую конвенцию 1961 г. в отношении исполнений и фонограмм.

Из Бернской конвенции 1886 г. был позаимствован «трехступенчатый» тест, которого нет в Римской конвенции 1961 г.

К числу новых относятся гармонизированные положения против обхода технических средств и нарушения информации об управлении правами.

Пекинский договор 2012 г. воспроизвел все основные положения ДИФ, адаптировав их к аудиовизуальным исполнениям.

Новыми в Пекинском договоре 2012 г. стали правила о «живых» исполнениях[17] и передаче прав. В отношении передачи прав государствам разрешалось установить презумпцию согласия исполнителя на дальнейшее использование аудиовизуальной записи при условии вознаграждения.

Соглашение ТРИПС как многосторонний договор на универсальном уровне закрепило права исполнителей, сходные с установленными Пекинским договором 2012 г., включая запись и воспроизведение записи; эфирное вещание и сообщение для всеобщего сведения.

---

[15] Согласно ст. 3(2) ДИФ под гражданами других Договаривающихся Сторон понимаются те исполнители или производители фонограмм, которые отвечают критериям предоставления охраны, предусмотренным в Римской конвенции, как если бы все Договаривающиеся Стороны Договора являлись Договаривающимися государствами этой Конвенции. В отношении указанных критериев Договаривающиеся Стороны применяют соответствующие определения, содержащиеся в ст. 2 ДИФ.

[16] Установлено 50 лет с конца года, в котором исполнение записано на фонограмму, фонограмма опубликована или записана соответственно.

[17] В отношении незаписанных («живых») исполнений Пекинский договор 2012 г. наделяет исполнителей тремя видами имущественных прав: 1) правом на эфирное вещание (за исключением случаев ретрансляции); 2) правом на сообщение для всеобщего сведения (за исключением случаев, когда исполнение уже передавалось в эфир); 3) правом на запись.

Специальный характер носят и договоры, имеющие косвенную связь с Римской конвенцией 1961 г., – Женевская конвенция 1971 г.[18] и Брюссельская конвенция 1974 г.[19]

Женевская конвенция 1971 г. была принята вследствие развития звукозаписи и широкого копирования фонограмм и позаимствовала положения Римской конвенции 1961 г. о сроке охраны фонограмм и конвенционном знаке.

Женевской конвенцией 1971 г. установлено, что она не ограничивает и не наносит ущерб иным международным договорам в области авторского права и смежных прав, однако отсылки к Римской конвенции 1961 г. в ней нет.

Поскольку Римская конвенция 1961 г. охраняла только передачи в эфир, она была дополнена Брюссельской конвенцией 1974 г. о пресечении несанкционированного распространения несущих программы сигналов, передаваемых через спутник. Брюссельская конвенция направлена против «перехвата» сигналов, но предусматривает и случаи допустимого «перехвата»[20].

Охрана смежных прав на региональном уровне отличается спецификой, характерной для интеграционных объединений и региональных международных организаций, но одновременно учитывает универсальные международные договоры.

Заключенное в 1993 г. в рамках СНГ Соглашение о сотрудничестве в области охраны авторского права и смежных прав содержало отсылку к Женевской конвенции 1971 г. и Римской конвенции 1961 г.

Статья 89 Договора о ЕАЭС[21] содержит отдельные положения, применимые в отношении смежных прав, в частности, на них может быть распространен ряд общих направлений сотрудничества[22]. Объекты смежных прав могут быть включены в Единый таможенный реестр. Договором о ЕАЭС Римская конвенция 1961 г., ДИФ и Женевская конвенция 1971 г. названы в числе основополагающих международных договоров, согласно которым государства – члены ЕАЭС осуществляют деятельность в сфере охраны и защиты интеллектуальных прав (ч. 3 ст. 90).

Договор о ЕАЭС расширил категории исполнителей, включив в них режиссера-постановщика спектакля и дирижера. В рамках ЕАЭС были дополнены права исполнителей и изготови-

---

[18] Женевская конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм от 29 октября 1971 г. // Бюллетень международных договоров. 1999. № 8. С. 3–7. Для России Конвенция действует с 13 марта 1995 г.

[19] Брюссельская конвенция о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники, от 21 мая 1974 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 34. Ст. 550.

[20] Соответствующие ограничения на прием сигналов не распространяются, если сигнал:

– несет короткие выдержки из передаваемой с помощью сигналов программы, содержащие сообщения о текущих событиях, но только в том объеме, который оправдан информационными целями таких выдержек, или

– несет в качестве цитат короткие выдержки из передаваемой сигналами программы при условии, что такие цитаты соответствуют честной практике и оправданы информационными целями таких цитат, или

– несет передаваемую сигналами программу, учитывая, что распространение ведется исключительно в целях просвещения, в том числе для образования взрослых, или в целях научных исследований в развивающихся государствах.

[21] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // ЕАЭС : [сайт]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 06.01.2025).

[22] Например, в числе направлений сотрудничества названы предоставление благоприятных условий для обладателей смежных прав; совершенствование механизмов коммерциализации и использования интеллектуальной собственности; осуществление скоординированных мер по предотвращению и пресечению оборота контрафактной продукции.

телей фонограмм. Для исполнителей предусмотрено право на имя, исключительное право на исполнение, а также иные права, установленные национальным законодательством.

Определение производителя фонограммы в рамках ЕАЭС установлено на основе Римской конвенции 1961 г. Производителям фонограмм непосредственно предоставлено только исключительное право на фонограмму.

Международные договоры об охране смежных прав на универсальном и региональном уровнях создают в совокупности гармонизированный правовой режим для исполнителей, изготовителей фонограмм и организаций эфирного вещания. Как правило, они имплементируются в национальное законодательство и весьма ограниченно подлежат непосредственному применению судами. Однако это не исключает их применение при решении вопроса признания смежных прав, а также в случае противоречия национального законодательства и международного договора.

Анализ практики Суда по интеллектуальным правам по применению международных договоров в области смежных прав

Суд по интеллектуальным правам (СИП), являясь кассационной инстанцией по делам о защите смежных прав, формирует основные правовые позиции в этой области. Особенно объемной является практика 2015–2016 гг., когда организации по коллективному управлению смежными правами весьма активно подавали иски о защите прав иностранных изготовителей фонограмм и исполнителей в рамках бездоговорного управления смежными правами.

Можно выделить две категории ответчиков по такого рода искам – вещательные организации и торговые организации или рестораны.

В деле № А40-69378/2015[23] СИП установил, что радиостанцией «Юмор FM» передавались в эфир музыкальные произведения, записанные на охраняемые фонограммы.

Сославшись на нормы ГК РФ, регулирующие действие смежных прав на территории России и содержащие отсылку к международным договорам, СИП пришел к выводу, что права исполнителей и изготовителей фонограмм подлежат охране в силу Римской конвенции 1961 г. и ДИФ. Этот вывод совершенно верный, поскольку оба международных договора содержат правила о национальном режиме. СИП установил, что спорные исполнения и фонограммы пользуются охраной на территории Российской Федерации по критерию гражданства исполнителей и национальной принадлежности изготовителей фонограмм, предусмотренному ДИФ и/или Римской конвенцией 1961 г. Были приняты во внимание и сведения о времени и месте первого опубликования фонограмм.

ДИФ и Римская конвенция 1961 г. были применены в деле № А56-67767/2015, ответчиком по которому выступила Национальная спутниковая компания[24]. Было подчеркнуто влияние международных договоров на правовую охрану фонограмм за рубежом. Также указано, что ДИФ предоставляет охрану фонограммам, которые не были бы охраноспособны по Римской конвенции.

Национальная спутниковая компания также выступила ответчиком по делу № А56-26108/2015[25]. В этом деле приведены нормы ДИФ и Римской конвенции 1961 г. и показано их соотношение[26].

---

[23] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18 октября 2016 г. № С01-883/2016 по делу № А40-69378/2015. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[24] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 сентября 2016 г. № С01-758/2016 по делу № А56-67767/2015.

[25] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 сентября 2016 г. № С01-759/2016 по делу № А56-26108/2015.

[26] Сходная правовая позиция была выражена в постановлениях Суда по интеллектуальным правам от 2 августа 2016 г. № С01-497/2014 по делу № А40-70071/2013, от 13 августа 2015 г. № С01-663/2015

В деле № А40-102885/2015[27] наряду с применением ДИФ и Римской конвенции 1961 г. был рассмотрен вопрос об обратной силе последней. СИП пришел к выводу, что Римской конвенции необходимо придать обратную силу, чтобы не ограничивать применение ДИФ.

Но такой вывод, по нашему мнению, прямо противоречит ст. 20 Римской конвенции 1961 г. Учитывая, что Российская Федерация присоединилась к ДИФ позже[28], а также имплементацию ДИФ положений Римской конвенции 1961 г., необходимость придания Римской конвенции 1961 г. обратной силы вызывает сомнения.

Однако в деле № А40-80567/2014[29] содержится развернутая позиция СИП по столь важному вопросу. СИП констатировал, что на момент возникновения спорных правоотношений правовая охрана предоставлялась исполнениям и фонограммам на основе Римской конвенции 1961 г., ДИФ и Соглашения ТРИПС. Он признал частично самоисполнимыми нормы Римской конвенции 1961 г. ДИФ в отношении установления национального режима, а также минимума прав.

Сославшись на п. 2 ст. 20 Римской конвенции 1961 г., СИП также отметил, что он не исключает право государства в своем законодательстве решить вопрос о предоставлении правовой охраны исполнениям и фонограммам с обратной силой.

ДИФ был признан специальным соглашением к Римской конвенции 1961 г. В пункте 1 ст. 22 ДИФ закреплено иное правило о действии его норм во времени с отсылкой к ст. 18 Бернской конвенции 1886 г. Кумулятивное толкование п. 1 ст. 22 со ст. 1 ДИФ обосновало придание обратной силы Римской конвенции 1961 г.[30]

В деле № А41-20424/2013[31] рассматривалось публичное исполнение, записанное на фонограмму, в ресторане. СИП также применил Римскую конвенцию 1961 г. и ДИФ. Он сослался на нормы применимых международных договоров в их соотношении. Было выявлено, что истец не доказал наличия критериев охраны спорных исполнений и фонограмм на основании Римской конвенции 1961 г. (национальной принадлежности; публикации или одновременной публикации). Отдельно критерий одновременной публикации был рассмотрен в деле № А56-33656/2014[32].

Особым является дело № А07-16548/2013[33], в котором представитель истца видеокамерой мобильного телефона зафиксировал публичное исполнение фонограмм. В этом деле рассматривались исключительно критерии правовой охраны, предусмотренные Римской конвенцией 1961 г. ДИФ не применялся[34].

по делу № А53-1722/2014, от 21 января 2015 г. № С01-1272/2014 по делу № А56-68202/2013, от 26 января 2015 г. № С01-1411/2014 по делу № А45-10625/2014, от 20 февраля 2015 г. № С01-362/2014 по делу № А41-14145/2013, от 27 февраля 2015 г. № С01-167/2013 по делу № А40-116203/2012, от 22 апреля 2015 г. № С01-295/2015 по делу № А40-80567/2014 и др.

[27] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 5 октября 2016 г. № С01-788/2016 по делу № А40-102885/2015.

[28] 5 ноября 2008 г., вступил в силу для Российской Федерации 5 февраля 2009 г.

[29] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 ноября 2015 г. № С01-295/2015 по делу № А40-80567/2014.

[30] Такая же позиция была обоснована в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 3 ноября 2015 г. № С01-1049/2014 по делу № А56-61369/2013.

[31] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20 сентября 2016 г. № С01-812/2014 по делу № А41-20424/2013.

[32] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 июля 2015 г. № С01-619/2015 по делу № А56-33656/2014.

[33] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14 сентября 2016 г. № С01-724/2014 по делу № А07-16548/2013.

[34] Сходный подход применен и в других делах. См., например, постановления Суда по интеллектуальным правам от 24 июня 2015 г. № С01-501/2015 по делу № А53-14216/2014, от 3 июня 2015 г.

В деле № А40-103595/2014[35] СИП рассмотрел вопрос, имеющий особое значение для подобного рода споров, – право организации на подачу иска в рамках бездоговорного управления правами зарубежных исполнителей и изготовителей фонограмм. Был отклонен довод заявителя кассационной жалобы о неприменении судами к спорным правоотношениям норм, вытекающих из обязательств России в рамках ВТО. Речь шла о применении параграфа 1450 Доклада Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к ВТО. Россия обязалась отменить недоговорное управление правами в течение пяти лет после вступления в силу ч. 4 ГК РФ.

СИП счел, что это положение свидетельствует не об автоматической отмене положений ГК РФ о бездоговорном управлении правами по истечении пяти лет после его принятия, а о возникновении международного обязательства Российской Федерации по пересмотру внутреннего законодательства. На момент возникновения спорных правоотношений законодательство Российской Федерации не было изменено.

7 декабря 2017 г. СИП утвердил Информационную справку[36], в которой дал разъяснения по ключевому вопросу признания смежных прав иностранных исполнителей и изготовителей фонограмм на территории России: по каким критериям и на основании каких доказательств признавать эти права, со ссылкой на положения Римской конвенции 1961 г. и ДИФ.

Парадоксально, что с 1 января 2018 г. резко уменьшилось число дел, связанных с защитой смежных прав и рассматриваемых арбитражными судами России. В четырех постановлениях[37] СИП подтвердил свою позицию по одновременному применению Римской конвенции 1961 г. и ДИФ.

Арбитражные апелляционные суды поддерживали эту позицию СИП, за исключением ситуации по правообладателям из США, в Римской конвенции не участвующим, где применялся только ДИФ[38]. Сравнительно «новой» является только практика Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда за 2023 г.[39], где также используются правовые позиции СИП.

№ С01-418/2015 по делу № А56-27546/2014, от 20 января 2015 г. № С01-1295/2014 по делу № А40-213/2014.

[35] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 февраля 2016 г. № С01-1241/2015 по делу № А40-103595/2014.

[36] Информационная справка, подготовленная по результатам обобщения судебной практики Суда по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции с учетом практики Верховного Суда Российской Федерации, по вопросам, возникающим при оценке доказательств в делах о защите исключительных прав исполнителей и изготовителей фонограмм (утверждена постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 7 декабря 2017 г. № СП-23/36).

[37] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 15 января 2018 г. № С01-1242/2014 по делу № А53-25852/2013, от 27 ноября 2018 г. № С01-919/2018 по делу № А33-32561/2017, от 13 мая 2019 г. № С01-287/2019 по делу № А56-103165/2017, от 17 июня 2020 г. № С01-919/2018 по делу № А33-32561/2017.

[38] Постановления Третьего арбитражного апелляционного суда от 16 декабря 2019 г. по делу № А33-32561/2017, от 8 июля 2019 г. по делу № А69-316/2018, постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 мая 2020 г. № 09АП-10077/2020 по делу № А40-276664/2019, от 19 октября 2018 г. № 09АП-49950/2018-ГК по делу № А40-132112/18, от 13 сентября 2018 г. № 09АП-45772/2018 по делу № А40-188530/16, от 9 января 2018 г. № 09АП-53803/2017-ГК по делу № А40-93633/17, постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 июня 2021 г. № 13АП-15623/2021 по делу № А56-114183/2019, от 9 июня 2021 г. № 13АП-15629/2021 по делу № А56-113919/2019, от 8 сентября 2020 г. по делу № А56-103165/2017, от 18 августа 2020 г. № 13АП-12786/2020 по делу № А56-113720/2019, от 11 февраля 2020 г. № 13АП-38217/2019 по делу № А56-108390/2019.

[39] Постановления Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 сентября 2023 г. № 18АП-9539/2023 по делу № А76-6127/2023, от 21 августа 2023 г. № 18АП-9934/2023 по делу № А76-39958/2022, от 24 апреля 2023 г. № 18АП-3341/2023 по делу № А76-44132/2021.

Отсутствие «новейшей» практики 2024 г. по защите прав иностранных обладателей смежных прав можно объяснить как тем, что радиостанции и торговые организации урегулировали свои отношения с аккредитованной организацией по коллективному управлению смежными правами путем заключения соответствующих договоров, так и «нежеланием» этой организации подавать иски в защиту прав правообладателей из недружественных государств.

Заключение

Система международной охраны смежных прав сформировалась благодаря принятию ДИФ, который сделал отсылку к Римской конвенции 1961 г. в отношении национального режима и существенно расширил права исполнителей и изготовителей фонограмм.

Совершенствование системы идет по пути расширения на универсальном уровне круга правомочий всех вещательных организаций, а не только организаций эфирного вещания.

Несмотря на то что Российская Федерация охраняет права исполнителей и изготовителей фонограмм по модели авторского права, эта модель не исключает полную имплементацию международных договоров в области смежных прав и служит дополнением к ним.

Необходимо отметить активную роль СИП в имплементации Римской конвенции 1961 г. и ДИФ. Им установлена взаимосвязь Римской конвенции 1961 г. и ДИФ, а также обосновано обратное действие Римской конвенции 1961 г. ввиду наличия этой взаимосвязи. Следует констатировать, что в правовой системе России Римская конвенция 1961 г. и ДИФ применяются не просто одновременно, а в их системной связи. Однако это не исключает применение только Римской конвенции 1961 г., если ее положений достаточно для решения вопроса о признании прав иностранных обладателей смежных прав на территории России.

Таким образом, практика СИП служит «ориентиром» для судов Российской Федерации при решении ключевого вопроса – признания их прав в каждом деле, где участвуют иностранные обладатели смежных прав. Опираясь на критерии предоставления национального режима, установленные Римской конвенцией 1961 г., СИП также учитывает положения ДИФ, если обстоятельства дела связаны с иными технологиями, чем эфирное вещание.

Список источников

1. Чуковская Е. Э. Право творчества : моногр. Женева : ВОИС, 2017. 330 с.

2. Ricketson S., Ginsburg J. C. International copyright and neighbouring rights: the Berne Convention and Beyond : monograph. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2010. 878 p.

3. Бентли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности. Авторское право / пер. с англ. В. Л. Вольфсона. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 534 с.

4. Липцик Д. Авторское право и смежные права. М. : Ладомир : ЮНЕСКО, 2002. 788 с.

5. Гаврилов В. В. Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем : моногр. М. : Инфра-М, 2018. 224 с.

6. Маммадли Э. Международная правовая база в области охраны авторских и смежных прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2012. № 12. С. 44–54.

7. Вальтер М. М. Связь и сопоставление Римской конвенции, Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам (ДВИФ) и Соглашения по аспектам прав интеллектуальной собственности, связанным с торговлей (Соглашения ТРИПС); развитие и возможное совершенствование охраны смежных прав, признаваемых Римской конвенцией // Международное публичное и частное право. 2003. № 4. С. 23–31.

8. Вальтер М. М. Связь и сопоставление Римской конвенции, Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам (ДВИФ) и Соглашения по аспектам прав интеллектуальной собственности, связанным с торговлей (Соглашения ТРИПС); развитие и возможное совершенствование охраны смежных прав, признаваемых Римской конвенцией // Международное публичное и частное право. 2003. № 5. С. 26–38.

9. Лукашук И. И. Международное право в судах государств. СПб. : СКФ «Россия-Нева», 1993. 300 с.

10. Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М. : Норма : Инфра-М, 2017. 288 с.

11. Лукашук И. И. Современное право международных договоров : в 2 т. Т. 1 : Заключение международных договоров. М. : Волтерс Клувер, 2004. 672 с.

12. Лукашук И. И. Современное право международных договоров : в 2 т. Т. 2 : Действие международных договоров. М. : Волтерс Клувер, 2006. 496 с.

References

1. Chukovskaya E. E. *The right of creativity*. Monograph. Geneva: WIPO; 2017. 330 p. (In Russ.)

2. Ricketson S., Ginsburg J. C. *International copyright and neighbouring rights: the Berne Convention and Beyond*. Monograph. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press; 2010. 878 p.

3. Bentley L., Sherman B. *Intellectual property law. copyright*. Transl. from Engl. by V. L. Volfson. St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2004. 534 p. (In Russ.)

4. Liptsik D. *Copyright and related rights*. Moscow: Ladomir; UNESCO; 2002. 788 p. (In Russ.)

5. Gavrilov V. V. *The concept and interaction of international and national legal systems.* Monograph. Moscow: Infra-M; 2018. 224 p. (In Russ.)

6. Mammadli E. International legal framework in the field of copyright and related rights protection. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights.* 2012;(12):44-54. (In Russ.)

7. Valter M. M. The relationship and comparison of the Rome Convention, the WIPO Performances and Phonograms Treaty (DWIF) and the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS Agreements); development and possible improvement of the protection of related rights recognized by the Rome Convention. *International Public and Private Law.* 2003;(4):23-31. (In Russ.)

8. Valter M. M. The relationship and comparison of the Rome Convention, the WIPO Performances and Phonograms Treaty (DWIF) and the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS Agreements); development and possible improvement of the protection of related rights recognized by the Rome Convention. *International Public and Private Law.* 2003;(5):26-38. (In Russ.)

9. Lukashuk I. I. *International law in the courts of states.* St. Petersburg: SKF “Rossiya-Neva”, 1993. 300 p.

10. Marochkin S. Yu. *The effect and implementation of the norms of international law in the legal system of the Russian Federation*. Moscow : Norma; Infra-M; 2017. 288 p.

11. Lukashuk I. I. *Modern law of international treaties*. In 2 vols. Vol. 1: Conclusion of international treaties. Moscow: Wolters Kluwer; 2004. 672 p.

12. Lukashuk I. I. *Modern law of international treaties.* In 2 vols. Vol. 2: The effect of international treaties. Moscow: Wolters Kluwer; 2006. 496 p.

Информация об авторе

В. П. Талимончик – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин.

Information about the author

V. P. Talimonchik – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor at the General Theoretical Legal Disciplines Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 12.05.2026.